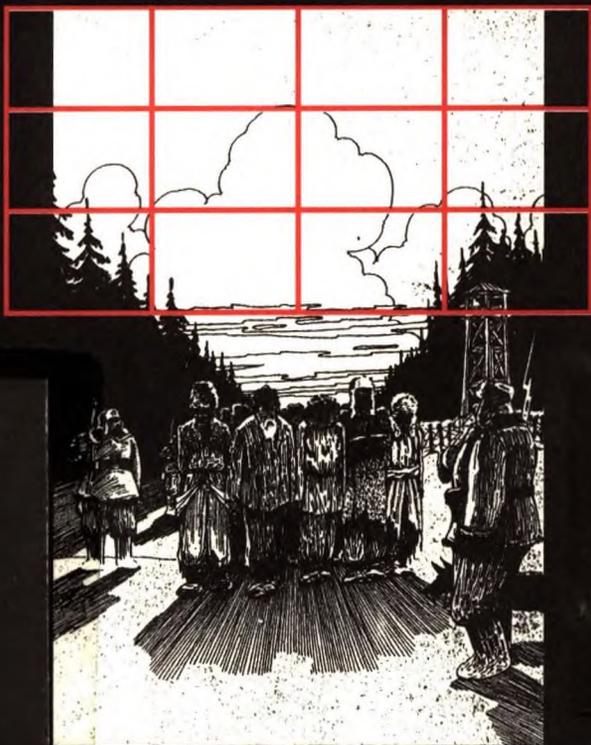

РАСПЯТЫЕ

РАСПЯТЫЕ

Писатели —
жертвы
политических
репрессий

АВТОР — СОСТАВИТЕЛЬ
Захар Дичаров

ВЫПУСК 5
МУЧЕНИКИ ТЕРРОРА

Издательство
Русско — Балтийский информационный центр
БЛИЦ
Санкт — Петербург
2000

*Настоящее издание осуществлено
при поддержке Законодательного собрания
Санкт-Петербурга*

*

«...Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов *в ускоренном порядке.*

...Органам Наркомвнудел — приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий *немедленно по вынесении судебного приговора.*

Закон от 1 декабря 1934 г.

*Принят по указанию Сталина спустя
несколько часов после убийства Кирова.*

Мы далеки от трагичности:
Самая страшная бойня
Названа культом личности —
Скромно. Благопристойно.

Блекнут газетные вырезки.
Мертвые спят непробудно.
Только на сцене шекспировской
Кровь отмывается трудно.

*Иван Елагин, один из поэтов
«третьей волны» эмиграции,
покинувший Россию после войны.*

Текст приводится в авторской редакции

Автор и издательство
приносят свои извинения читателям
за качество использованных в книге иллюстраций,
которое обусловлено крайней скудностью
сохранившихся архивов

ISBN 5-86789-126-7

- © Коллектив авторов, 2000
- © З.Л. Дичаров, составление, подбор иллюстраций, 2000
- © Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 2000

К ПОТОМКАМ

Господи! Долго ли будешь смотреть на
это?.. Отведи душу мою от злодейств их...

Псалтирь, Псалом 34-й, 17. Ветхий завет

Когда мы начинали издание этой книжной серии, перед нами лежал список репрессированных писателей — свыше полутора ста имен ленинградских литераторов, прозаиков, поэтов, критиков. У каждого своя трагическая судьба: годы: 1937—1950-е.

О них — все четыре тома «Распятых». И представлялось, что уже сказано обо всех, кого уничтожили, бросили в тюрьмы и лагеря сталинские «органы». Но время шло и выплывали из тьмы прошлого, выходили на свет Божий из архивохранилища из неизвестных ранее мемуаров, дневников, наконец, из печатных изданий, появившихся за рубежами России — все новые и новые имена. Имена, о судьбе которых мы не знали, или знали очень мало.

Разумник Васильевич Иванов-Разумник... Иван Солоневич... Алексей Зиновьев... Сергей Ауслендер... и еще много других. Теперь мы о них пишем, говорим. Вещаем. Пусть все, о чем сказано в томах «Распятых», и в тех, что изданы ранее, и в этом, который перед нами, 5-м — голос минувшего — услышат наши потомки. Память, о том, что б ы л о — не должна угасать. Она должна жить в будущем...

Открывая эту главу, мы прежде всего хотим напомнить об одном важном государственном документе. Вот об этом:

«ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. «О реабилитации жертв политических репрессий» (с изменениями на 4 ноября 1995 г., по состоянию на 1 декабря 1995 года).

За годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за

политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным или иным признакам.

Осуждая многолетний террор и массовые преследования народа как несовместимые с идеей права и справедливости, Верховный Совет Российской Федерации выражает глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, заявляет о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека.

Целью настоящего Закона является реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года, восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола...»

* * *

Закон этот справедлив и точен. Мученики сталинского производства смогли продлить свою жизнь в человеческих условиях, лишь иногда с острой болью вспоминая годы, прожитые за тюремной решеткой или за колючей проволокой. Но прошлого не вернешь и не изменишь. От него осталась только память: тяжелая мрачная память о ночах Колымы, БАМа и еще полусотни лагерей, разбросанных по всему СССР.

Время идет, протекают годы, уходят из жизни арестанты и каторжники «37-х годов». Но — п а м я т ь... Память о том что было, не должна угаснуть вместе с ними.

Вот издаем мы очередную — 5-ю, книгу серии «Распяты. Писатели — жертвы политических репрессий». Она не случайно имеет название — «Правда о расстрелянных»; в ней читатель встретит заново открытые имена литераторов, которые погибли еще и задолго до пресловутого «37-го года». Имена — полузабытые или совсем забытые временем, историей. Но — они были, они жили, они, каждый по-своему, вкладывали свой кирпич в фундамент российской и советской культуры. Они забыты несправедливо. Пришла пора вспомнить о них, об их трудах, чтобы для последующих поколений они не остались «белым пятном» истории. По-разному сохраняется память о тех, кто стал жертвой политического насилия. Об одних сказано в книгах воспоминаний, о других — в символических памятниках на месте массовых расстрелов. И есть еще памятники, о которых можно сказать — в е ч н ы е.

В полночном небе над Невою, над нашей Северной столицей, светит неисчислимая плеяда звезд. И одна из них — малая планета № 1206 Нумеровия. Так названа она в честь расстрелянного 13 сентября 1941 года в Орле выдающегося советского астронома Бориса Нумерова. Вечно будет она гореть на темном небосклоне. И так же вечно — не должны быть забыты злодеяния сталинских и бериевских опричников, как не должна быть забыта и память об их жертвах. **Память об ушедших — продлевает их жизнь.**

Почти полвека минуло после смерти «Отца народов», но все еще то тут, то там отыскиваются места массовых расстрелов. Так, лишь недавно обнаружили в Никольском лесу под Тулой, в Тесницком военном лесничестве, в глубоких впадинах могилы 2500 расстрелянных в 1937–1938 годах.

Кто знает — сколько их, еще не открытых кровавых тайн?

Кто знает, о скольких еще расправах такого же рода не ведает человечество?..

* * *

Но как это ни огорчительно, — о великой трагедии прошлого, об учиненном над миллионами людей насилии все меньше помнят в нашем народе, да если говорить откровенно — и не хотят помнить.

Рассудим так: государство, народ медленно, с потугами выздоравливают от пережитого, от мучительного прошлого. Чтобы помнить о нем, чтобы достойно чтить страдания погибших — надо иметь чистую совесть, надо уметь уважать свою историю. От всех невзгод, которые обрушились на Россию в последние годы — общественная совесть по-прежнему остается больной. А у многих ее уже вообще нет. Они отлично себя чувствуют и без нее...

* * *

То время жестоко: Тридцать седьмые... Сороковые... Пятидесятые... Годы порабощения, годы истребления «врагов народа». Приговор: «10 лет лишения свободы» был стандартом. Но также и 15, и 25, — такие вот сроки. Уходит, тает поколение, пережившее все это. Но те кто пережили — они никогда не забудут, каким было их существование в лагерных зонах за колючей проволокой.

* * *

Какова была их повседневная жизнь? Тысячи дней рабского существования и рабского труда? Об этом написано уже много. Но вспомним мы еще раз...

Врач-психиатр Александр Шульдер, испытавший на себе режим лагерей с 1931 по 1945 год, рассказывает в своих неопубликованных воспоминаниях о том, что делалось в Воркуте в 1938-м.

Александр Шульдер

...Как мы жили? Тогда, в самом начале 30-х годов, нас, несколько сот заключенных, привезли в Воркуту строить город и основную на руднике шахту «Капитальную». Разместили в палатках, которые стояли на болоте: влажные кочки, покрытые мхом. Деревянного настила не было: пол посыпали песком. Он быстро превращался в грязь. По обе стороны нары. На них мы спали впритирку. Вместо печей — пустые бочки из-под керосина, в которых прорезана дыра сбоку. К ней прилажена железная труба, выведенная наружу. Вот такое жилье должно

было нас спасать в пургу, в 40–50-градусные морозы. Мы рыли котлованы под фундаменты по колено в воде, рабочий день — 10 часов. Питание — жидкая баланда и каша или кусок полупротухшей трески. Одеты мы были кое-как: в старую засаленную и даже рваную одежку, валенки редко кому доставались, многие в самую нестерпимую стужу ходили в ватных чулках или просто обматывали ноги тряпками...

Таков был этот страшный быт. Но и он вскоре перестал существовать для многих. К осени 1936 года в Воркуту доставили тех, кто находился ранее в ссылке, оппозиционеров. Встретив там ужасные условия и ужасное отношение к себе, они стали протестовать. Протесты не помогли им. Тогда они объявили голодовку, в которой участвовало свыше 400 человек. И продолжалась она 111 дней. Всех голодающих начальство разделило на небольшие группы и расселило по разным участкам, чтобы воздействовать на каждую группу в отдельности, сломить их волю. Однако, даже несмотря на применяемое искусственное насильное кормление, голодающие держались крепко. Протест удалось погасить лишь спустя четыре месяца. А возмездие пришло через год, осенью 1937 года. Приехала из Москвы какая-то комиссия во главе с чекистом Кашкетиным, и участь всех, кто протестовал, была решена. Устроили комедию судебного следствия и суда по поводу прошедшего протеста. Приговор объявлен не был, но в одно утро всех «провинившихся» собрали «с вещами» и под предлогом перевода в другое место повели пустынной дорогой. В какой-то момент по команде справа и слева заработали пулеметы. Они скосили всех, кто шел в составе длинной колонны. Позже узналось, что такие же расстрелы произошли и в других лагерях: на Колыме, на Белбалтлаге, на Печоре...

* * *

Их, тех, кого в 30–50-е годы постигла трагическая судьба «без вины виноватых», осталось уже немного. Им, кто еще выжил, — сейчас далеко за 70, а то и за 80. Как-то на собрании Петербургского «Мемориала» прозвучала фраза: «Почти не проходит недели, чтобы мы кого-то не провожали в последний путь...» Впрочем, удивляться тут нечему.

Вспомним: большинство репрессированных находились в тюрьмах, лагерях, ссылке по 12–15–19 лет, принужденные к тяжелому физическому труду с увеличенным рабочим днем (не 8, а 10),

на полуголодном питании, не имея должной медицинской помощи. О ней сами зэки говорили: «*та* еще медицина...». Год за годом проходил после смерти Сталина, вдохновителя всех зверств и произвола, а ни в высоком партийном руководстве, ни в правительстве, ни в Верховном Совете страны не находилось никого, кто бы, на мгновение забыв о собственном сытом благополучии, воскликнул: «Доколе?..» Доколе людям, издевавшим рабский подневольный труд, ожидать за него справедливой компенсации, которая предусмотрена законом во всех цивилизованных странах мира.

Понадобилось почти **сорок** лет, чтобы на страницах «Российской газеты» появился текст закона, по которому несправедливо осужденным полагалось выплатить по 6 (ш е с т ь!) копеек за каждый день, проведенный в местах лишения свободы. Бывшие рабы получили за свой труд — гроши.

* * *

Лагерные зоны... Те, в которых обитали и умирали Мученики террора. Их названия теперь остались только в архивных документах. Только. А их надо бы врубить в камень, влить в чугун — чтобы запомнились навечно!

...Белбалтлаг... БАМлаг... Колымлаг... Дальлаг... Севжелдорлаг... Сорокалаг... Воркутлаг... Инталаг... Волгостройлаг... Вязьменлаг... Печорлаг... Нижне-Амурлаг... Северодвинсклаг... Кольсколаг... Ликовсклаг... И еще, и еще... — 52 ИТЛ. «Исправительно-трудовых», и еще тех, которые величали «Стройками коммунизма». И те, которые имели только номера. Стройки №№ 33, 105, 106, 107, 211! — те, на которых возводили оборонные предприятия, оборонные сооружения.

* * *

Над всеми, кто попал в лапы «железных рыцарей» госбезопасности, свершался суд «скорый и правый». Но только **первая** часть этой формулы была истинной: «тройки», «двойки», Особые Совещания при наркоммах или министрах — Ягоде, Ежове, Берии — не вникая ни в какие законы, по-быстрому решали: расстрелять или отправить на долгий «исправительный» труд.

Тех, кому выносились приговоры — защитить было некому. Не имели они и никакой общественной защиты, эти люди, создававшие искусство, литературу, архитектуру, живопись, науку.

В Союзе писателей СССР уже самый факт ареста кого-либо из писателей считался полным основанием для того, чтобы его тут же вышвырнули из числа членов творческой организации. Вспомнимка их, наших литературных вождей: Александр Прокофьев, Леонид Соболев, Константин Симонов, Александр Фадеев, Георгий Марков, Владимир Карпов... Для них репрессированный писатель тут же превращался во «врага народа».

Партийные боссы на подмостках литературы — знали свое дело. За годы 70-е — 90-е уже немало сделано для того, чтоб вернуть народу упрятанные в архивах Лубянки рукописи, чьи авторы стали жертвами произвола и репрессий. Народу возвращается его духовное наследие. Но рукописи — это не люди. Память о тех, кто был их создателями — сохранить на века еще более важно.

* * *

Вспомним о войне. Германский фашизм поставил своей целью уничтожение не только экономики, хозяйства, промышленности СССР, но и его мозговых центров, его духовного потенциала. Ленинград был одним из главных таких центров. Фашизм, к счастью, не смог этого сделать — был побежден и разбит. За него это сделал Сталин. Гибель ленинградской интеллигенции под мечом его прислужников — стала фактом политической истории.

Война уничтожила миллионы советских людей. Но и после нее машина человекоистребления находила себе работу; многие тысячи бывших военнопленных стали узниками лагерей, куда их «без пересадки» отправляли целыми полками.

Но репрессивным беззаконием было не только лишение свободы. Сотни тысяч евреев, которым «пятый пункт» не давал возможности нормально жить, работать, учиться, вынуждены были стать участниками исхода в Израиль, США, Канаду. И тут же, в параллель, устремилась за рубеж другая волна: бегство деятелей культуры. Кирилл Кондрашин, Белоусова и Протопопов, Нуриев и еще группа артистов балета. И, наконец, такая «цивилизованная» форма насилия, как высылка, «выдавливание» из страны ее выдающихся граждан: Бориса Спасского и Виктора Корчного, Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской, Виктора Некрасова и

Александра Галича, Александра Солженицына и Иосифа Бродского, Василия Аксенова и Владимира Войновича...

О жертвах репрессий — во всех ее видах и формах, обнародованы уже тысячи публикаций, сотни книг, фильмов, телепередач. Безбрежные океаны горя... Пройдут еще многие десятилетия, но не исчерпать, не осушить его.

* * *

Историческая наука была лишена правды. Служанкой на побегушках у КПСС была она. Постоянная идеологическая цензура, жесткие границы гласности, зоны умолчания.

Мы пишем о ранее запрещенном с позиций объективной истины, вне какой-либо партийности. На протяжении всех страниц серии «Распятые» мы разоблачаем зверства и насилие органов госбезопасности над личностью. Страницы «Распятых» — предостережение: террор не может, не должен повториться. Десять лет назад начала рушиться система коммунистического всевластия. И вместе с ее падением исчезала система всеобщего страха. В атмосфере новой свободы, демократии, гласности — постепенно растворялся внедренный в гены нескольких поколений ужас перед государством, перед зловещей аббревиатурой ЧК—ОГПУ—НКВД—КГБ—ФСБ. И уже не она определяет социальное поведение граждан России, которая еще недавно именовалась Страной Советов. Государства, имевшего монополию на беззаконие и насилие, не стало. В новой России ему не может, не должно быть места.

* * *

Однако — на чем он держался, культ поклонения «Отцу всех народов»?.. На штыках?.. Несомненно. Но — не только. Его существованию и расцвету помогало многое, и не только неизбывный страх, засевающий в душе каждого человека. Он держался и на тотальной пропаганде, упорно внушавшей любовь к вождю.

Лишь спустя время мы смогли прочесть мемуары Н.С.Хрущева, в которых он, хотя и с поздним пониманием и даже с раскаянием, написал: «Только рабам, которые не могут подняться с колен и взглянуть дальше головы господина, обязательно нужен кто-то, кто думал бы за них, все организовывал бы за них, на кого можно свалить в случае несчастья вину и кому можно приписать при удаче все успехи. Это рабская психология».

Тот, кто полагает, что рухнула прежняя государственная, а с нею и идеологическая система социализма, — ошибается. Разумеется, вместе с этим рухнула и система мышления, быта, восприятия мира, чувствований, но когда мы видим толпы женщин, несущих на груди как икону портрет Сталина, — как не сказать: рабская психология живет в умах и душах уходящего поколения. И по этой именно причине обыватель — будь он хоть интеллигент, хоть простой рабочий, — произносит недовольно: «Ну вот, опять о сталинских зверствах, о репрессиях. Надоело». Это говорит в них рабская психология, от которой еще не так скоро избавится народ. Но память о былом государственном насилии не должна уходить в землю. Ибо она, эта память, — одна из гарантий того, что не начнется однажды новое «завинчивание гаек», не попытается какой-нибудь новоявленный диктатор вновь возродить систему всеобщего страха.

Кто были те палачи, которые вершили суд и расправу над беззащитными людьми?.. Их имена, за редким исключением, остались в тайне: не свершился над ними свой Нюрнбергский процесс. Только самим жертвам, быть может, еще помнятся имена сержантов, лейтенантов, капитанов, которые зарабатывали новые звездочки на погоны. Как правило, — глубоко невежественные, они только в одном были мастерами, — в «пыточных делах». Их имена незаслуженно погребены временем.

Однако, рано или поздно тайное становится явным. Еще задолго до появления книги «Архипелаг ГУЛАГ», мир за рубежами СССР стал узнавать о том, какова истинная картина сталинского «социализма».

В 1933 году в Берлине вышла в свет книга Рудольфа Вольтерса «Специалист в Сибири». Автор, немецкий архитектор, был приглашен в Новосибирск как «иностранный специалист».

Он описал общество, в котором «члены его лишены свободы воли, свободы выбора, чувства собственного достоинства и, кажется, не понимают, что такое вообще бывает. Они испытывают постоянный ужас перед тайной полицией и страх перед начальством, воплощенным в трех ипостасях: парторг — профорг — директор... Они не могут менять места работы и жительства, в любую минуту их могут лишить хлебной карточки (в начале 1930 года — 400 граммов в день на работающего). При этом уверены, что строят социализм, и с нетерпением ждут дня окончания пятилетки, потому что им было обещано: в этот самый момент уровень жизни вырастет втрое...»

Такие разоблачительные книги о деятельности НКВД—КГБ, пытавших, расстреливавших русский, татарский, кавказские на-

роды; народы Балтийских стран — уже в 30-е годы выходили во Франции, Германии, Чехословакии, Болгарии, Англии, США.

Можно назвать книгу Ивана Солоневича «Россия в концлагере», которая, начиная с 1936 года, вышла уже пятью изданиями (пятое — в США), книгу Киселева-Громова «Лагеря смерти в России», изданную в Праге, книгу Р.В.Иванова-Разумника, известного русского социолога, критика, мыслителя, «Тюрьмы и ссылки», и его же труд «Писательские судьбы», вышедшие в Нью-Йорке. Сегодня наша задача — рассказать и о тех, чьи имена за хребтами времени ушли в небытие, но чья рука создала немало произведений высокой художественной силы.

* * *

Мы живем в такое время, когда миллионы людей, ввергнутых в нищету и жалкое существование, не верят в лучшее будущее России. Толпы политиков — а их наверное столько же, сколько медуз в океане, — думают лишь о власти и о том, как набить карман. Страна с ее судьбами — их не интересует. Немалая часть общества развращена: каждый думает только о себе. Иногда кажется, что действительность уничтожила общественную идею. Народ почти не участвует в выборах — явка 25% считается достижением.

Вспоминается мне последняя встреча с Михаилом Дудиным. Это было где-то на Невском. Постояли, поговорили. Он, как всегда, был шутив и разговор был во всегдашней его манере — добродушным и слегка ироничным. Но я уловил в нем какую-то душевную усталость, надломленность... И теперь, когда думаю о нем, — думаю и о его стихах, в которых как бы отразился сегодняшний день.

Измаялась душа, устало тело,
У песни на последнем рубеже
Мечта сгорела, радость отболела,
И жизнь давно прохлопана уже.

Итог ее невыносимо тяжек
Означился на пройденном пути.
И — Бог молчит, и новый вождь не скажет
Уверенно, куда теперь идти.

Со временем и совестью в разладе,
Мир рушится, куда ни погляди.
Знамена славы отшумели сзади,
И сумрачно и глухо впереди.

В самой тоске безжалостных сомнений
Кто приберет грядущее к рукам?
Что скажет завтра деспот или гений
Моей земле, народам и векам?

Что ляжет завтра на судьбу народа,
На кровь и боль непоправимых зол —
Иль разума высокая свобода,
Или самоуправства произвол?..

* * *

Мы рассказываем о писателях, ставших жертвой государственного насилия. Но было бы несправедливым не вспомнить и многих тех, кто являются нашими братьями по интеллекту; тех, кто составлял самый драгоценный слой советской культуры.

Погибли в сталинских тюрьмах или были расстреляны: академики — биолог Г.А.Надсон, генетик Н.И.Вавилов, агроном Н.М.Тулайков, географ Н.П.Горбунов, селекционер Г.К.Мейстер, профессора генетики И.И.Агол, С.Левит, Г.Д.Карпеченко, Л.И.Говоров, М.Левин, Г.А.Левитский и другие; профессора-экономисты Н.Д.Кондратьев, А.В.Чаянов, А.Дояренко; талантливые физики М.П.Бронштейн, А.А.Витт. Годами томилась в тюрьмах: авиаконструкторы А.Н.Туполев, А.А.Архангельский, В.М.Петляков, Н.Н.Поликарпов; ракетчики академики С.П.Королев, В.П.Глушко, Б.В.Раушенбах; физики академики И.В.Образцов, Л.Д.Ландау, В.А.Фок; химик академик А.А.Баландин; биологи академики Л.А.Зенкевич, Е.М.Крепс, К.И.Скрябин, Б.Е.Райков, П.Ф.Рокицкий, Л.С.Штерн, В.В.Парин, А.А.Баев. Не обошел стороной сталинский произвол и представителей гуманитарных наук — академиков Е.В.Тарле, С.Ф.Платонова, М.К.Любавского, Д.С.Лихачева, Н.П.Лихачева, И.И.Майского. Судьбы находившихся не на дорогах официальной науки М.М.Бахтина, С.С.Четверикова, Л.Н.Гумилева, А.Ф.Лосева, но затем признанных ею — были столь же трагичны.

Скорбный мартиролог. Пусть останется он навечно в памяти народа.

Однако человечество не может остановиться в своем движении вперед. Оставив за собой море крови, горы могил, оно устремляется вперед сквозь черный туман лжи, страха, страданий. А это тоже требует усилий, необходимости вытерпеть беды и лишения, которые терзают нас сейчас.

Да, жить — трудно: нехватки, нет денег, нет работы. Равнодушие, грубость, — все новые раны души вдобавок к тем, что уже есть. Мы почему-то, уже не говорим: «коллективность», «взаимопомощь»,

«взаимовыручка», «все за одного, один за всех»... В постулатах капитализма этим понятиям нет места. Зато есть иное: «Кто смел — тот и съел». Мародеры социализма сменились мародерами капитализма. Распадается связь времен. Исчезают традиции... Но — «тысячелетняя история, опыт сотен народов, бок о бок веками строивших и защищавших огромную страну, суровые климатические условия на большей части территории и фантастические богатства делают Россию уникальной страной мировой цивилизации. В культуре, науке, духовной сфере мы очень многое подарили миру, оказав колоссальное воздействие на ход мировой истории. Многие из того, что кажется сегодня утраченным, можно и нужно вернуть. ...Сегодня нам предстоит дать свой, российский ответ на вызов времени. И нас не должно огорчать, что здесь не работают многие западные рецепты: у России всегда был свой путь. Наш народ самобытен, и в этом — наша сила, а не слабость».

Это сказано лидером блока «Единство» Сергеем Шойгу. Сказано мудро и глубоко современно. Поэтому, когда я задаю себе вопрос: для кого, для чего мы издаем эти книги? Кто будет их читать? Какие времена ожидают будущих читателей?.. — ответом может служить, пожалуй, письмо пенсионера М.Теплова, помещенное в «Известиях». Говоря в нем о современной жизни, он заключает: «Это пока что бардак, прости Господи... Этот беспорядок — непреходящий пролог необратимых перемен, знак того, что неправдоподобный сон прошлого ушел невозвратно и наступило утро. Что будет — то и будет... Живут же люди на земле не по законам марксизма-ленинизма, без мумий в мавзолеях, без ГУЛАГов. И живут нормально, со своими несчастьями и радостями, со своими успехами и неудачами. ...Россия преодолела смертельный недуг и поднимается на ноги, спеша вернуться в человеческое сообщество. Теперь не страшно и помирать, не в дьявольской тьме, а с просветленной душой...». Не растают люди с надеждой на Завтра.

На то, что оно — придет.

*Захар ДИЧАРОВ,
Председатель Историко-мемориальной комиссии
Союза писателей С.-Петербурга.*

**Константин
Маркович
АЗАДОВСКИЙ**

род. 1941

«ДЕЛО» КОНСТАНТИНА АЗАДОВСКОГО

Константин Маркович Азадовский (в дальнейшем — К.М.А.) родился 14 сентября 1941 г. в Ленинграде.

С детства К.М.А. изучал иностранные языки: в семье — немецкий и в школе — испанский. В 1958 г. он поступил на филологический факультет Ленинградского университета, где занимался германистикой и романистикой. К этому же времени относятся его первые выступления в печати (переводы немецких поэтов). В 1963 г., защитив дипломную работу об австрийском драматурге Франце Грильпарцере и влиянии на него испанского театра Золотого века, окончил филфак с отличием и со следующего года учился на вечернем отделении исторического факультета университета (окончил в 1969 г. после защиты диплома на тему «Проблема пейзажа в живописи немецкого романтизма»).

В 1963–1980 гг. преподавал в вузах иностранные языки (английский, немецкий, французский). В 1967 г. поступил в очную аспирантуру при кафедре зарубежной литературы Ленинградского Государственного педагогического института им. А.И.Герцена, где под руководством профессора Н.Я.Берковского писал диссертационное сочинение об истоках и проблематике творчества Ф.Грильпарцера. Работа была завершена в 1969 г., но защитить ее тогда же не удалось: К.М.А. привлекли в качестве свидетеля по делу

Е.М. Славинского, осужденного за хранение и сбыт наркотиков (процесс, разыгранный по сценарию госбезопасности, носил откровенно политический характер). Отказавшись свидетельствовать против Славинского, К.М.А. был вынужден покинуть Ленинград.

В 1970—1974 гг. он работал преподавателем на факультете иностранных языков Карельского педагогического института (Петрозаводск), в 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1974 г. получил звание доцента.

В 1975—1980 гг. К.М.А. заведует кафедрой иностранных языков Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В.И.Мухиной. В этот период усиливается его интерес к компаративистской проблематике, он трудится над докторской диссертацией, посвященной восприятию русской литературы в Западной Европе на рубеже XIX — XX вв. (легенда о «русской душе»). Независимое поведение К.М.А., его общественно-литературные выступления, контакты с зарубежными коллегами вызывало сильнейшее раздражение у ленинградских чекистов, и, используя факт «причастности» К.М.А. к процессу Славинского, они фабрикуют уголовное дело против него самого. В декабре 1980 г. К.М.А. арестовывают по обвинению в незаконном хранении наркотиков. (Материалы дела, а также недавние заявления одного из бывших руководителей Ленинградского КГБ неопровержимо свидетельствуют, что обнаруженные в его квартире 5 граммов анаши были подброшены во время обыска сотрудниками правоохранительных органов.) Приговоренного в марте 1981 г. к двум годам лишения свободы К.М.А. отправляют в г. Сусуман Магаданской обл., и до дня своего освобождения — 18 декабря 1982 г. — он работает на стройке и в швейном цехе лагеря общего режима.

Одновременно с К.М.А. и по тому же обвинению была осуждена его жена Светлана.

По возвращении в Ленинград К.М.А. продолжает исследовательскую и переводческую деятельность, однако до 1985 г. его имя для советской печати остается полузабытым. Изменение политической ситуации в стране, означавшее для К.М.А. возможность свободно публиковаться, побуждает его отказаться от уже созревшего намерения эмигрировать, тем более что и борьба за реабилитацию, начатая им буквально со дня ареста и длившаяся все это время, наконец, получает шансы на успех. После письма видных ленинградских и московских писателей в «Литературную газету», переадресованного в Прокуратуру СССР, приговор по делу К.М.А. был в марте 1988 г. опротестован, а в феврале 1989 г., после судеб-

ного разбирательства и новых усилий общественности, К.М.А. полностью реабилитируют «за отсутствием в его действиях состава преступления». (Вместе с тем справедливость не восстановлена до сих пор: жена К.М.А. не реабилитирована, а лица, совершившие против них обоих уголовное преступление, не только не понесли наказание, но и не названы по имени.)

В октябре 1988 г. К.М.А. впервые получил заграничный паспорт. С этого времени он регулярно выезжает на Запад, принимает участие в работе международных конференций и симпозиумов, читает лекции в западных университетах, занимается в европейских и американских библиотеках и архивах.

Исследуя восприятие русской литературы на Западе, прежде всего в Германии, К.М.А. ввел в научный оборот множество новых фактов, связанных с «русским периодом» Р.М.Рильке: поездки его в Россию, деятельностью как переводчика и пропагандиста русской культуры, перепиской с Б.Л.Пастернаком и М.Цветаевой.

Другая обширная область научных занятий К.М.А. — русские поэты Серебряного века (Бальмонт, Блок, Андрей Белый, Клюев и др.); им обнаружено немало свежих и ценных сведений о жизненном и творческом пути этих авторов, их «диалогах» с современниками и эпохой. Отличительная черта работ К.М.А. — сочетание русского материала с западноевропейскими источниками, неизменная опора на архивные документы. Не случайно многие труды К.М.А. представляют собой одновременно и перевод, и публикацию, и концептуальную статью.

С 1981 г. К.М.А. — член международного Общества Р.М.Рильке и швейцарского и западногерманского отделений международного ПЕН-клуба, с 1988 г. — член Союза писателей СССР, в 1989 г. — лауреат премии им. Ф.Гундольфа Германской академии языка и литературы (Дармштадт), в 1990–1991 гг. — стипендиат Берлинской академии (Wissenschaftskolleg), 1991 г. — лауреат премии Австрийского министерства культуры и искусства*.

Михаил БЕЗРОДНЫЙ

С 1992 г. — член-корреспондент Германской Академии языка и литературы. В настоящее время — председатель Исполкома Русского ПЕН-клуба (С.-Петербург).

* Приведенный выше текст написан Михаилом Безродным и представляет собой биографический очерк, опубликованный впервые в кн.: «Константин Маркович Азадовский. К 50-летию со дня рождения». СПб. 1991.

Министерство Безопасности
Российской Федерации
Управление
по С.-Петербургу и области
№ 61/2617
26 апреля 1993 г.
На № 7.20 — 418 от 12.04.93 г.
в отношении Азадовского К.М.

Председателю Комиссии
Верховного Совета РФ
по реабилитации жертв
политических репрессий
народному депутату РФ
Копылову А.Т.
Секретно
Экз. № 2

Согласно сохранившимся в Управлении МБ РФ по Санкт-Петербургу и области архивным материалам житель г. Санкт-Петербурга

Азадовский Константин Маркович,
1941 года рождения, уроженец
г. Ленинграда, проживающий по
ул. Восстания, д. 10, кв. 51,

состоял на оперативном учете Управления КГБ СССР по Ленинградской области с 18.09.1978 года в связи с поступившими в 5 службы оперативными материалами, дававшими основание подозревать его в «измене Родине в форме оказания помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности против СССР», однако 4.10.1980 года окраска дела оперативного учета была изменена на «антисоветскую агитацию и пропаганду с высказываниями ревизионистского характера»...

...В процессе работы по делу легализованных материалов о проведении Азадовским К.М. враждебной и иной противоправной деятельности получить не представилось возможным. Тем не менее руководством 5 службы УГКБ ЛО в октябре 1980 г. было принято решение о реализации этого дела путем привлечения объекта к уголовной ответственности за совершение общеуголовного преступления... Приговором 16.03.1981 года Азадовский К.М. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 статьи 224 УК РСФСР и осужден к 2 годам лишения свободы. В дальнейшем приговор Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда от 16.03.1981 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Ленгорсуда от 16.04.1981 года в отношении Азадовского К.М. были отменены постановлением Президиума Ленгорсуда от 19.04.1988 г., а уголовное дело прекращено за недоказанностью. По результатам проведенного в последующем служебного разбирательства неправомερных действий сотрудников УКГБ СССР по Ленинградской области в отношении Азадовского К.М. приказом начальника Управления от 2.02.1989 года ряд руководителей и оперативных работников УКГБ ЛО был наказан в дисциплинарном порядке...

Заместитель
начальника Управления *Шульц В.Л.*
Верно: Начальник
Инспекции Управления
подполковник *Леонтьев*

**ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий
Москва, Дом Советов России
Площадь Свободной России
17 июня 1993 г.

СПРАВКА

Решением Комиссии Верховного Совета Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий от 24 мая 1993 года признано, что АЗАДОВСКИЙ Константин Маркович, родившийся в 1941 году в городе Санкт-Петербурге*, реабилитированный на основании постановления прокуратуры города Ленинграда от 14 февраля 1989 года, был репрессирован по политическим мотивам и в соответствии с частью второй статьи 19 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» на него распространено действие статей 12–16 вышеназванного Закона.

Настоящая справка вместе с документом о реабилитации является основанием для получения денежной компенсации и льгот социально-бытового характера, установленных Законом РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий».

Председатель Комиссии
народный депутат
Российской Федерации А.Т.Копылов

* * *

Добавим к уже написанному еще несколько строк.

Итак, перед нашим взором прошли страницы «Дела» Константина Азадовского, о котором в недавнее время возмущенно и горячо говорила и петербургская, и центральная пресса. Оно дает безусловный повод к тому, чтобы вспомнить «Дела» тысяч других репрессированных и в сталинские, и в более поздние, «диссидентские», времена. И на этот раз, и тогда бросали в тюрьму, этапировали в лагерные зоны советскую интеллигенцию. И на этот раз, и тогда безотказным оружием «славных» чекистов служили провокация, подлоги, фальшивка, угрозы. Насилие.

Однако, в данном случае – редкое исключение — виновных служителей Фемиды (точней — якобы Фемиды...), карьеристов из «органов» постигло в некоторой степени возмездие.

Может быть — суд?..

* Правильно: в Ленинграде (З.Д.).

О, нет — только «дисциплинарное взыскание», но не пришлось им хлебать тюремную баланду и кайлить печорский уголёк. Статья 167 УК России — «Привлечение заведомо невиновного лица к уголовной ответственности», по части 2-й, которой «искусственное создание доказательств обвинения» предусматривает лишение свободы от трех до десяти лет, — не коснулось их.

Свою карьеру в благословенных «органах» они могли продолжать...

**Анатолий
Соломонович
БЕРГЕР**

род. 1938

ТОЛЬКО ИМЯ...

СПРАВКА

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и области установлено, что

Бергер Анатолий Соломонович,
1938 г. р., уроженец г. Ленинграда,
еврей, образование высшее.

до ареста работал старшим товарове-
дом отдела информации Северо-
Западной конторы «Академкинга».

арестован 15 апреля 1969 года Управлением КГБ по Ленинградской области.

Обвинялся в том, что, в целях подрыва Советской власти, с 1959 года до ареста систематически среди своего окружения в устной и письменной форме пропагандировал идею свержения существующего в СССР государственного и общественного строя, распространял клеветнические измышления, порочащие этот строй, Коммунистическую партию Советского Союза и Советское правительство, вместе с Брауном Н. Н. обсуждал пути борьбы с Советской властью, изготовлял, распространял и хранил в целях распространения клеветнические сочинения, т. е. в пр.пр.ст. 70 ч. 1 УК РСФСР.

Приговором Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 15 декабря 1969 года осужден к четырем годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима, с последующей ссылкой сроком на два года.

По отбытии наказания Бергер А. С. освобожден 14 ноября 1974 года.

Постановлением Президиума Верховного Совета от 26 декабря 1990 года Бергер А.С. реабилитирован.

Отпр. в Москву
23.06.93 г.

Из библиографии Бергера А.С.

Подсудимые песни. Книга стихов. «Прометей», 1990.

Смерть живьем. Книга воспоминаний. Издательство газеты «Гуманитарный фонд», 1991.

Фото
не найдено

**Константин
Николаевич
БОГОЛЮБОВ**

1905—1937

ТОЛЬКО ИМЯ...

С П Р А В К А

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по С.-Петербургу и области установлено, что

БОГОЛЮБОВ Константин Николаевич, родился 5 (18) марта 1905 года в г.Пскове, русский, окончил Педагогический институт им. Герцена, до ареста — зам. редактора журнала «Костер», проживал по адресу: Ленинград, Стремянная, д.2, кв.12

арестован 5 сентября 1937 года УНКВД ЛО.

Обвинялся в том, что являлся участником к-р троцкистской организации, связанной с японской разведкой и проводил к-р подрывную работу, т. е. в пр. ст. 58 пп. 6, 7, 8, 11 УК РСФСР.

Постановлением Комиссии НКВД и Прокуратурой СССР от 19 ноября 1937 года осужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 24 ноября 1937 года.

Определением Военного Трибунала Воронежского военного округа от 13 сентября 1957 года Боголюбов К.Н. реабилитирован.

От составителя

Мы, к сожалению, очень мало знаем о Константине Боголюбове. В журнале «Нева» /1998 г. № 5/ опубликованы воспоминания писательницы Александры Любарской, в которых она коротко упоминает о нем, как о молодом талантливом детском писателе.

В журнале «Костер» за 1937 и предшествующие годы опубликован ряд произведений этого автора.

Николай Николаевич БРАУН

род. 1938

НЕПОКОРНЫЙ БРАУН

Петербургский поэт Николай Николаевич Браун, осужденный на 10 лет спецлагерей за антисоветскую агитацию и пропаганду, воспел мордовские лагеря в стихах и стал одним из лидеров движения политзаключенных.

В 70 — 80-е годы в политических лагерях СССР ходили песни неизвестного автора. На самых разных этапах, от Казахстана до Восточной Сибири, звучала «Песня лесного брата» — простой напев о судьбе человека, которого утром ждет расстрел. Никто и не знал, что ее сочинил поэт Николай Браун за стенами исправительного учреждения ЖХ 385/3-3.

Николай Браун написал в заключении ряд поэтических книг. Название двух стихотворных сборников несут имя нашей республики — «Мордовской рельсы звон» и «Мордовский натюрморт». У него есть песни, посвященные Саранску и Рузаевке; с этими городами он познакомился из-за решетки. Таким странным образом был когда-то воспет мордовский край.

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Апрельским днем 1970 года ленинградский поэт Николай Браун* прибыл с этапом в Барашево. Ступив за ворота лагеря, он долго

* Николай Николаевич Браун — сын ленинградских поэтов Марии Ивановны Комиссаровой (1900–1994) и Николая Леопольдовича Брауна (1900–1975).

припоминал, где же ему встречалось название этого населенного пункта. И наконец осенило: впервые Барашево он увидел лет за десять до ареста в знаменитом фильме «Путевка в жизнь», который начинается строкой на экране: «От Потьмы до Барашева 60 километров».

Посреди зоны бросился в глаза штаб «зонландской архитектуры»: так заключенные называли здание готических форм с острым шпилем, которое построили еще пленные австрийцы. С первого взгляда новоприбывшего поразила величественность забора. Лагерь опоясывали семь заборов: колючая проволока чередовалась с пропаханной запреткой и дубовым частоколом. Спустя некоторое время он написал лирическую песню «Ты за мужем, ну а я за семью заборами». Начальство постоянно внушало охране, что заключенные являются страшными преступниками, их по-другому и нельзя держать, иначе убегут. Офицер КГБ, приезжавший для проведения профилактических мероприятий, всерьез убеждал надзорсостав, что политзеки могут прыгать на три метра в высоту. На «тройке» действительно находились и хорошие спортсмены, и офицеры, окончившие разведшколы. В самом большом, шестом бараке содержались зеки, сидевшие «за войну» и воевавшие зачастую по разные стороны фронта.

Спустя 30 лет Браун вспоминает, что мордовские политлагеря были для заключенных своего рода университетами — поселок Озерный, 11-я зона, 17-я большая, 17-я малая, 19-я... И, конечно, знаменитая «тройка» в Барашеве.

СКОРБНЫЕ СТРОКИ

«Встреча с Мордовией обусловлена характером моей предыдущей жизни, — говорит Николай Браун. — Поскольку режим, подавлявший свободу слова, личности и творчества, был для меня совершенно неприемлем, я делал то, что являлось долгом русского православного. Таковым меня воспитала семья».

Его родителями были известные русские поэты Николай Леопольдович Браун и Мария Ивановна Комиссарова. Отец скончался в 1975 году, за четыре года до возвращения сына. Он умер, глядя на дверь. Вернувшись после ссылки в Ленинград, Николай разобрал его архив и нашел рукопись неизданных стихов «Скорбные строки», которая начиналась так: «Эту книгу посвящаю моему сыну, политическому заключенному брежневской эпохи. По-

сколько я уже не доживу до его возвращения, надеюсь, что он прочтет эту рукопись, если вернется. Декабрь 1974 года». В лагере после известия о смерти отца Николай Браун написал книгу стихов «Поминальные строки»; так удивительным образом совпали названия. И когда эти книги легли рядом, получился диалог сквозь колючую проволоку. Прямым предком матери был костромской крестьянин Осип Комиссаров, который спас императора Александра II от покушения террориста Каракозова. Случайно оказавшись в Летнем саду, Осип увидел, как студент прицелился в царя, и ударил по револьверу; пуля ушла вверх. За избавление государя от смерти Осип Комиссаров был произведен в дворянство. Имя Марии Комиссаровой не обошло разгромное Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 1946 года, где наряду со стихами Ахматовой ее стихи также были признаны упадническими. Десять лет она была лишена возможности публиковаться.

ВЗРЫВ МАВЗОЛЕЯ

Николай Николаевич Браун был арестован ленинградским КГБ весной 1969 года и осужден на 10 лет по 70-й статье УК РСФСР — за антисоветскую агитацию и пропаганду. Состав преступления заключался в распространении и чтении своих стихов, а также исполнении собственных песен. Стихи с протестом против ввода войск в Чехословакию он открыто декламировал в Ленгорсуде. Гражданской публики почти не было, в зале сидели только чекисты в мундирах. Однако они неожиданно оказались внимательными слушателями, возможно, их интересовало, какое может быть противостояние курсу партии и правительства.

На суде разрешили присутствовать только родителям, да на одно из заседаний была допущена делегация правления Союза писателей. Н.Н.Браун не являлся членом этой творческой организации, тем не менее ленинградские писатели в дежурном порядке сочли своим долгом ознакомиться с политическим процессом по делу молодого поэта, еще недавно подававшего большие надежды.

Первый адвокат, Ярженец, оказался человеком очень непорядочным: взял от родителей деньги, но подсудимого защищать не стал и категорически отказался вернуть гонорар. После смерти отца, Николая Леопольдовича, он приходил к вдове и спрашивал,

не хочет ли она чего-нибудь продать по сходной цене. Второй адвокат, Петр Дроздов, признался, что если будет усердствовать в защите, то безусловно потеряет работу, но он хотя бы стремился честно выполнять свое дело и старался прочитать по крайней мере треть из того, что было написано его подзащитным.

Суд продолжался необыкновенно долго — три недели; следственная бригада собрала многотомное дело и в конце концов оказалась в затруднительном положении. Обычно ее задача состояла в избличении преступников, а здесь задержанный сам читает стихи и диктует показания, в которых настаивает на своей бескомпромиссной антисоветской позиции.

Однако разоблачительный зуд требовал выхода, и поэтому, используя немецкую фамилию Брауна, его пытались выставить организатором неофашистского движения в Ленинграде. Ему приписывали попытку взрыва Мавзолея, а также подготовку покушения на Брежнева. Был снят с должности и исключен из партии начальник складов боеприпасов Ленинградского военного округа Михаил Мальчевский, поскольку на суде пытались доказать, что тротил для взрыва Мавзолея «террорист» должен был получить с армейского склада.

Следователям КГБ взрывчатка не давала покоя; видимо, они буквально поняли смысл стихотворения, Брауна с протестом против ввода войск в Чехословакию. Его стихам придавали такое значение, что даже включили их в приговор:

...Но ведь и в русских душах
Есть боль таких обид,
Что водка не потушит
И смерть не заглушит.
Ведь надобно так мало
В прискорбном том бою,
Чтоб чешскому запалу
Взрывчатку дать свою!

Суд проявил живейший интерес к политической позиции обвиняемого. Николай Николаевич Браун подробно изложил свои взгляды на существующий строй, а также роковую роль масонства в подготовке февральских и октябрьских событий 1917 года. Публика в мундирах никуда не спешила и слушала очень внимательно. Адвокат Ярженец являлся председателем и секретарем партбюро Ленинградской коллегии адвокатов; Браун написал заявление, где указал на его полную некомпетентность в политических и религиозных вопросах. В защиту Николая Брауна выступал привлеченный в

качестве свидетеля писатель Василий Шульгин, бывший депутат Государственной думы 1907—1917 годов. Монархист и один из организаторов Белой Армии, Шульгин сыграл неоднозначную роль в истории России: 2 марта 1917 года он вместе с Гучковым принял отречение императора Николая II от престола. В январе 1945 года СМЕРШ арестовал Шульгина в Югославии и тайно вывез в СССР. Он отсидел 10 лет во владимирской тюрьме и был освобожден по амнистии 1956 года. До самой смерти Шульгин не брал советского паспорта и пользовался документом зеленого цвета с надписью «Вид на жительство в СССР». Конечно, в глазах Ленгорсуда защита со стороны такой личности имела лишь отрицательный характер.

За антисоветскую агитацию и пропаганду православия Браун получил 10 лет спецлагерей строгого режима и был этапирован в Дубравлаг Мордовской АССР. Перед тем как покинуть зал суда, он запел песню о Джоне Брауне, который погиб потому, что выступал против торговли рабами. Процесс закончился; судьи, прокурор, полный зал чекистов поднялись с мест: так получилось, что песню они выслушали стоя.

АМНИСТИЯ НА ТОТ СВЕТ

В барашевском лагере Брауну показали судебную рекомендацию, приложенную к приговору, согласно которой осужденного надлежало использовать «только на вредных и тяжелых работах». Как выражались зэки, такая рекомендация должна приблизить «амнистию на тот свет». Напротив «тройки» через железную дорогу находился вредный цех, где политзэки изготавливали рули для правительственных «Чаек». Справедливости ради следует отметить, что администрация проверяла технику безопасности, но, как обычно, было много просчетов и люди часто дышали кислотными испарениями. Они понимали, что никто здесь не заинтересован в продолжительности их жизни. На ядовитой бумаге, служившей для упаковки «баранок», Николай Браун писал сатирические стихи. Для лирики она не годилась.

ВРАГИ НАРОДА

На легких работах содержались бериевцы. Единственные настоящие крупномасштабные преступники, они проходили по 58-й статье как «враги народа» и также считались политзаключенными. Бериев-

цы вели себя с чувством превосходства и правоты, по их манерам было заметно, что когда-то они имели неограниченную власть. Бериевцы, сидевшие в Барашеве, занимали высокие посты начальников следственных отделов или их заместителей. Их преступления заключались в уничтожении невинных людей посредством страшных пыток. Многие приговоры они сами приводили в исполнение. В библиотеке работал замначальника следственного отдела НКВД Грузии по фамилии Пачулия. Бериевец Атакишиев сидел по делу председателя госбезопасности Азербайджанской ССР Багирова. В каптерке работал бериевец Лангфанг, который занимался делом Коминтерна. Политзаключенные ему говорили: «За то, что ты рассчитался с этой кровавой организацией, — спасибо, но за то, что столько русских людей отправил на тот свет в страшных мучениях, — тебе проклятие» В остальном с ними не общались — это была позиция. Бериевцы имели рекомендацию по использованию на легких работах. Учитывая плохое состояние здоровья, их назначали на льготные места. Безусловно, труд палача очень тяжелый: не всем идет на пользу работа по уничтожению сотен людей посредством пыток.

ПЕСНЯ ВОЗЧИКА ГРОБОВ

В начале 70-х от преклонного возраста и болезней уходило из жизни старшее поколение Дубравлага, это были «урожайные» годы. Перу Николая Николаевича Брауна принадлежит «Песня возчика гробов»; он отправлял с лошадьми пустые гробы на больничную зону, а затем провозил покойников, наблюдая с паровоза-водокачки, как мимо березовой роши лошадь везла очередной гроб с телом на лагерное кладбище.

«Я читал молитвы об ушедших», — вспоминает Браун. Читал так часто, что «Последование мертвенное мирских тел», переписанное в затертую тетрадку, выучил наизусть. Священники же сидели в изоляторе за совершение молебнов, или их отправляли в крытую тюрьму. Похороны происходили постоянно, иногда по два раза в день приходилось возить гробы к лагерным воротам. На гробе лежал колышек с табличкой, на которой значился порядковый номер. Фамилию не указывали: администрация опасалась, что родные найдут могилу, и тогда ее посещение будет носить характер политической демонстрации...

Владимир СИЗГАНОВ

СТИХИ ИЗ ПРИГОВОРА

В ЭТОЙ СКОРБНОЙ ВОЙНЕ МИРОВОЙ

В этой скорбной войне мировой
Отстояли мы рабство свое,
Лагеря и стрелковый конвой
И духовное небытие;

Кумачовую ложь площадей
И родство неарийских культур,
И притворство грядущих вождей,
И житье ради собственных шкур,

И стремленье домчать до Луны
Все невзгоды, болезни и страх,
Невзирая на трату казны...
Но как быть, если в новых боях

Мы пробьемся сквозь пламя и лед
И Галактику всю покорим, —
Как призвать мне возмездье с высот
Заклинаньем смиренным таким?*

*15 февраля 1969
Санкт-Петербург*

Николай Ник. БРАУН

Федеральная служба
безопасности
Российской Федерации
Управление
по Санкт-Петербургу
и Ленинградской области
Служба РАФ
«15» марта 2000 г.
№ 10/4-Д-1136
гор. Санкт-Петербург

Из документов архивного Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу
и Ленинградской области установлено, что
БРАУН Николай Николаевич,

* Это стихотворение наряду с другими шестью было прочитано автором со скамьи подсудимых в Ленгорсуде в декабре 1969 г.

1938 г. р., уроженец Ленинграда, русский, б/п, с высшим образованием, окончивший в 1962 году Ленинградский институт культуры им. Н.К.Крупской, до ареста не работал, проживал по адресу: Ленинград, ул. Ленина, 34-57,

был арестован 18 апреля 1969 года УКГБ по Ленинградской области.

Обвинялся в том, «...что в целях подрыва советской власти, в течении длительного периода времени активно занимался антисоветской деятельностью, распространял клеветнические измышления, порочащие советское правительство, в устной и письменной форме пропагандировал идею свержения государственного и общественного строя», т.е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 70 ч. 1 УК РСФСР.

Приговором судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 15 декабря 1969 года Браун Н.Н. осужден к семи годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима, с последующей ссылкой сроком на три года.

Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 1990 года Браун Н.Н. реабилитирован.

Зам. начальника службы *С.В.Чернов*

**Матвей
Петрович
БРОНШТЕЙН**

1906—1938

В ТОМ, ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМ...

АРХИВНАЯ СПРАВКА

о наличии сведений

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что

БРОНШТЕЙН Матвей Петрович,

1906 года рождения, уроженец

г. Винницы, еврей, беспартийный,

высшее образование, научный работник

Физико-технического института,

проживал по адресу:

г. Ленинград, Загородный пр.,

д. 11, кв. 4,

был арестован 6 августа 1937 года на основании ордера НКВД УССР

в г. Киеве. Затем направлен в распоряжение УНКВД по Ленинградской области.

Обвинялся в том, что с 1930 года являлся участником фашистской вредительской организации, был сторонником террористических методов борьбы с Советской властью и т. д., т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 8, 11 УК РСФСР.

Приговором Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 18 февраля 1938 года Бронштейн М.П. был осужден к расстрелу с конфисацией всего принадлежащего ему имущества.

Приговор был приведен в исполнение 18 февраля 1938 года в г. Ленинграде.

Определением ВК Верховного Суда СССР от 9 мая 1957 года Приговор ВК Верховного Суда СССР от 18 февраля 1938 года в отношении Бронштейна М.П. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления.

Передо мной листок с надписью «Архивная справка» и под ней, ниже — тридцать строк, в которые уместилась трагическая судьба человека, с которым мы пробыли много дней в одной камере «Шпалерки» — внутренней тюрьмы Ленинградского Управления НКВД.

Он был арестован 6 августа 1937 года, я — на месяц позже, но встретились мы позже: меня содержали в одиночке бывшего Военно-каторжного централа на Выборгской стороне и только поздней осенью перевезли на Литейный и тут водворили в общую камеру.

Это было просторное помещение, про которое кто-то сказал, что оно — бывшая тюремная церковь, но было в нем скученно и тесно. И шумно от людского приглушенного гомона арестантов. Я пробыл тут до середины февраля следующего, 1938 года и сейчас, сквозь частокोल минувших лет ясно вижу мужчину чуть ниже среднего роста, слегка сутулого, в очках с толстыми стеклами, — Матвея Бронштейна.

В камере были всего две железные койки, одну из которых занимал староста, а другую — «завхоз», который ведал раздачей пищи. Остальные — 70—80 человек, спали на деревянных щитах. Их раскладывали на цементном полу, сверху ставили козлы, на козлы — опять щиты и получалось эдакое двухэтажное сооружение, которое народный артист Алексей Дикий, пребывавший тут же, окрестил названием «Отель Шпалер де тюрем».

Те, кто поступал сюда, в этот «зверинец», отделенный от коридора широкой стальной решетчатой дверью, укладывались сначала на пол, а потом, по мере движения — «уход-приход» — людской массы, удостоивались чести спать на втором этаже. Мне досталось место на полу, под длинным столом. Слева, рядом, располагался священник, отец Федоровский, справа — Матвей Бронштейн.

Никаких постелей не было и в помине. Отец Федоровский снимал с себя длинную темно-серую рясу и подстилал, а прикрывался фуфайкой. Бронштейн подстилал брюки, а накрывался пиджаком.

На допросы днем, как правило, вызывали редко, а чаще всего ночью. И сон поэтому был зыбкий, тревожный. Слышалось как

подходит снаружи конвоир, выкрикивает чью-то фамилию; у разбуженных этим окриком людей от этого мгновенно сжимается сердце — «Не меня ли?».

Лежа вот так, на жестком деревянном ложе, мы тихо переговаривались, перешептывались. Бронштейн рассказывал, что его арестовали в Киеве и везли в отдельном купе с двумя конвоирами.

— Я, понимаете, всю дорогу ломал голову — ну по какой причине могли забрать?.. Чаще всего приходила в голову мысль, что все дело в моей фамилии, которая была так же и подлинной фамилией Троцкого... Другой причины не находил.

Нас роднило еще то обстоятельство, что оба мы были прикосновенны к Ленинградскому университету: я — студент исторического факультета, он — заведующий кафедрой теоретической физики на «физмате».

Днем наши «постели» складывали одну на другую у стен и они превращались в убежище для сидения. Но всем места не хватало и вокруг длинного обеденного стола ходили мы парами, отдавая время бесконечным разговорам. Ходил командующий дивизией из Пскова Степанов, ходил молодой чернокудрый директор фабрики «Северное сияние» Илья Чудаков, похожий на цыгана, ходил географ Валлерштейн... С ними, но чаще всего с Алексеем Денисовичем Диким ходил Матвей Петрович. Он был очень близорук, видимо, по привычке, часто подносил правую руку к очкам и прищуривался. И сейчас я вижу, как они медленно шагают — высокий представительный Дикий, с широкими плечами, с отросшей за тюремное время бородой, и небольшой худощавый профессор Бронштейн.

Тогда и сложились у меня эти строки:

Всю ночь гремят в дверях ключи,
Всю ночь, а сердце до рассвета
Тревогой тайною одето
И трепетно в груди стучит.

Всю ночь рыдает мой сосед
И снится мне как друг за другом
Мы ходим непрерывным кругом,
А выхода из круга — нет...

Мы коротали вечернее да и дневное время тем, что слушали рассказы, лекции своих товарищей, кому было что о чем поведать. Был среди лекторов и доктор физических наук, профессор Матвей Петрович Бронштейн. Он увлекательно, даже образно рассказывал о новейших проблемах и достижениях физики и уже много лет

спустя я узнал, что он был и одаренный литератор, автор научно-популярных книг.

Шли недели... И все чаще по ночам из-за стальной решетки доносился зычный окрик:

— Бронштейна — на допрос!

Он ничего не говорил о том — как с ним разговаривают следователи, но я стал замечать на его теле темные пятна и кровоподтеки.

И все более угрюмым, мрачным возвращался он под утро. Однажды хмуро и потерянно сказал:

— Я не знаю — чего о н и от меня хотят... Все это какая-то чушь, бред! Показывают протоколы, будто бы подписанные профессором Фоком, в которых он дает на меня показания... Но — Фок?.. Никогда не поверю!

Человек глубокой душевной порядочности он не мог поверить и в чью-либо подлость.

Мы расстались с ним 15 февраля: в этот день меня увезли из «Шпалерки» в «Кресты», где, спустя месяц объявили приговор — 8 лет лагеря.

Когда я начал работу над серией «Писатели — жертвы политических репрессий» — ознакомился и с творчеством Матвея Петровича Бронштейна. И тогда же хотел включить главу о нем в одну из книг, но постоянно получал ответ из Архива КГБ — «Документов на Бронштейна М.П. — не имеется». Впрочем, документы были — жена его, Лидия Чуковская, получила справку о том, что, дескать, он в лагере «умер от пневмонии в 1942 году». Но это была ложь.

Его судила Военная коллегия Верховного суда СССР через три дня после моего перевода в «Кресты» — 18 февраля. И в тот же день Матвея Петровича расстреляли. Теперь нам эта правда известна.

Чем можем мы ответить на это злодейство?.. Только — одним: сохранить память о талантливом ученом — ему был всего 31 год! — о человеке чистой души, прекрасно владевшим пером литератора.

В нем ощущалось своеобразное изящество мысли, ее необычность. Он страстно любил свою науку и можно сказать, что был ее певцом и поэтом: в его научно-литературном наследстве это ощущается зримо.

И даже сейчас, перечитывая эту страшную «архивную справку» — я чувствую, как у меня вскипают на глазах слезы! Матвей Петрович Бронштейн — муж Лидии Чуковской...

Книги, им написанные:

- Строение атома. Л., 1930.
Сохраняется ли энергия? Л., 1933.
Атомы и электронные ядра. Л., 1935.
Атомы и электроэнергия. Л., 1935.
Солнечное вещество. Л., 1936.
Лучи «Икс» /Открытие Рентгена/. Л., 1937.
Состав и строение Земного шара. Л., 1929.
Атомы и электроны. Л., 1935 и М., 1980.

Захар ДИЧАРОВ

**Иосиф
Матвеевич
БУБИНАС**

1910—1943

ПЕВЕЦ БАЛТИЙСКОЙ ВОЛНЫ

В 1937 году и позднее на концертных эстрадах, в матросских клубах, по Ленинградскому радио часто звучала песня известного композитора Юлия Хайта «Под флагом наркома». Слова к ней написал молодой литератор, поэт Иосиф Бубинас.

Строки песни говорили:

Навстречу косматые серые тучи
тяжелая пена балтийской волны.
Ребята! Линкорам республик могучих
ненастные дни не страшны...

Но весенние дни 1938 года как раз и оказались страшными для поэта: 10 марта он был арестован, обвинен в шпионаже (ст.58, пункт — 6) и приговорен к расстрелу. Это было 14 октября. А 21 октября того же года приговор привели в исполнение.

Певца балтийской волны не стало.

И такой же Военный Трибунал, что постановил умертвить Иосифа Бубинаса, спустя двадцать лет принял решение о его реабилитации. Это произошло в 1958 году. И в том же году, только чуть раньше, еще до того как с человека было снято позорное имя «шпион», память о нем была оскорблена официальной ложью.

Передо мной *«Свидетельство о смерти 1-ЮБ № 047173. Гр. Бубинас Иосиф Матвеевич умер 21.VII.43 г. Причина смерти —*

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

И-ЮБ № 047173

Гр. Бубинас
Иосиф
 умер (да) 21/II 1943 Являлся первым
21000 тысяча девятисот сорак тридцать
 возраст 33 лет
 Причина смерти Перитонит
 о чём в книге записей актов гражданского состояния о смерти
 1958 года сентябрь месяца 20 числа
 проведена соответствующая запись за № 6.
 Место смерти: город, селение Нет сведений
 район Нет сведений область, край,
 республика Нет сведений
 Место регистрации: Гор. Бюро ЗАГС
г. Кронштадт
 выдано 20 сентябрь 1958 г.
 Подпись: Глинь
 Заверенный бюро записей актов
 гражданского состояния

Решение 1958.

Перитонит. Место смерти — нет сведений. Район — нет сведений. Республика — нет сведений. Место регистрации: г. Кронштадт. Гор. Бюро ЗАГС». И дата — 30.II.1958 г.

Он был лишен жизни по ложному доносу, Иосиф Бубинас. Но и после смерти его не оставляла ложь. Система насилия старалась скрыть свои преступления и плодила фальшивые документы.

Иосиф Бубинас родился 10 января 1910 года в Вильнюсе. Отец — литовец, мать — латышка. В 1911 году семья переехала в Кронштадт. Однако случилось так, что мальчик вскоре лишился матери и воспитала его приемная мать — убежденная большевичка, участница штурма Зимнего дворца Мария Гордеева. Таким он и вырос, — с глубокой верой в свою страну, в свой народ, в идеи того времени. Но как складывалась его жизнь дальше? Этого его дочери не знают, они были совсем крохотными, когда их отца забрали. Жена Бубинаса, их мать Клавдия Васильевна, вспоминала:

— Пришли за ним, но он был на работе, я говорю этим энкавэдэшникам — надо подождать, пока он вернется. А они мне, так с насмешкой: «Он уже никогда не вернется».

Он погиб в двадцать восемь лет. Детям было — Ларисе три года, Евгении — один год. Со слов матери они рассказывают: «Иосиф рано увлекся литературным творчеством. Работая в газете «Красный Балтийский флот» главным корректором, постоянно был окружен друзьями, также как и он пишущими стихи. Начинающие поэты, матросы с кораблей часто собирались то в редакции, то у нас на квартире — читали поэзию Маяковского, Есенина, свое творчество, пели, шутили... На нашу квартиру позарились две соседки, написали донос. Тут и всё...»

Иосифа Бубинаса уже два года не было на свете, а песни его все еще звучали на кораблях, в матросских клубах, в эфире. В справке Ленинградского Управления по охране авторских прав сказано, что «литератору Иосифу Бубинасу начислен авторский гонорар за литературные произведения, исполненные публично в 1938, 1939, 1940 годах.

Это был тот случай, когда бдительность карателей на сработала: автор был мертв, но слово его еще жило и звенело...

Поэт Иосиф Бубинас оставил свой след и в литературе 30-х годов. Его стихи и песни напечатаны в ряде сборников. Это — «Бойцы и корабли». Л., 1932. Это — «Литературная вахта». Альманах Центральной краснофлотской группы ЛОКАФ (Литературное объединение Красной армии и Флота). Л.-М., 1932. Затем — Сборник художественных материалов. Кронштадт, 1931. В 1934 году его творчество увидело свет в Сборнике ленинградских красноармейских и молодых писателей «Дозор». Л. Часто печатался он и в газетах.

Иосиф Бубинас — певец балтийской волны, которая не докатилась до своего настоящего берега...

Захар ДИЧАРОВ

ВОЕННЫЙ СУД
ордена Ленина
Ленинградского
военного округа
6 апреля 1995 г.
№ 1605-Н-58
191055. Санкт-Петербург

СПРАВКА

Дело по обвинению гражданина БУБИНАСа Иосифа Матвеевича, 1910 года рождения, уроженца гор. Кронштадта*, необоснованно репрессированного по политическим мотивам (статья 58-6 УК РСФСР), осужденного

* Правильно: г. Вильнюса (З.Д.).

к расстрелу, пересмотрено военным трибуналом Ленинградского военного округа 30 июля 1958 года.

Постановление особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 14 октября 1938 года в отношении Бубинаса И.М. отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Гр-н Бубинас Иосиф Матвеевич по данному делу реабилитирован (посмертно).

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОГО
СУДА ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕН-
НОГО ОКРУГА
полковник юстиции *В. Контев*

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

Из материалов архивного фонда УФСБ РФ по г.Санкт-Петербургу и области следует, что

БУБИНАС Иосиф Матвеевич, 1910 года рождения, уроженец г.Кронштадта, литовец, образование среднее, до ареста — главный корректор редакции газеты «Красный Балтийский флот», проживал по адресу: г.Кронштадт, ул.Шкиперская, д.18, кв.63, был арестован 10 марта 1938 года.

Обвинялся в том, что, состоя на службе в редакции «Краснознаменный Балтийский флот», среди военнослужащих КБФ и рабочих г. Кронштадта проводил к/р литовско-националистическую агитацию и собирал шпионские сведения о флоте для разведывательных органов Литвы, т. е. в пр. пр. ст. ст. 58-6 и 10 ч. 1 УК РСФСР.

Постановлением Особой Тройки УНКВД по ЛО от 14 октября 1938 года БУБИНАС И. М. приговорен к ВМН — расстрелу.

Приговор приведен в исполнение 21 октября 1938 года в г. Ленинграде.

Определением Военного Трибунала ЛВО от 30 июля 1958 года дело в отношении БУБИНАС И. М. прекращено за отсутствием состава преступления.

БУБИНАС И. М. по настоящему делу реабилитирован.

**Валентин
Федорович
БУЛГАКОВ**

1886—1966

ТОЛЬКО ИМЯ...

Федеральная служба
безопасности Российской
Федерации
Центральный архив
14.01.00 № 10/А-4106
г. Москва

БУЛГАКОВ Валентин Федорович, 1886 года рождения (данных о месте рождения не имеется), заведующий Толстовским музеем и «Домом Л.Толстого», 27 декабря 1922 года арестован Комиссией НКВД по административным высылкам и по обвинению в «антисоветской деятельности» выслан на 3 года за границу в Германию. В 1997 году реабилитирован.

БУЛГАКОВ Валентин Федорович [13(25).11.1886, г.Кузнецк Томской губ. — 22.9.1966, Ясная Поляна], мемуарист. Сын смотрителя уч-щ. В 1904, будучи учащимся Томской г-зии, опубликовал основанную на новых материалах ст. «Достоевский в Кузнецке» в газ. «Сиб. жизнь». В 1906—10 студент ист.-филол. ф-та Моск. ун-та, к-рый он оставил, неудовлетворенный системой высшего образования (см. брошюру Б. «Университет и университетская наука». С приложением письма Л.Н.Толстого к автору об образовании», М., 1912). В 1907 знакомится с Л.Н.Толстым, который оказал влияние на мировоззрение Б., его лит. интересы и жизненный путь в целом. Систе-

материзовал и изложил филос. учение Толстого в кн. «Христианская этика» (1909; опубл. — М., 1917; письмо-предисл. Толстого). В янв. 1910 по рекомендации В.Г.Черткова стал секр. Толстого: отвечал от его имени на письма, помогал в работе над кн. «Путь жизни». До 9 нояб. 1910 вел подробный дневник, в к-ром воспроизведен драм. период жизни Толстого — мучительная для писателя обстановка в Ясной Поляне и его уход, дан достоверный облик Толстого — мыслителя и человека. Первое изд. дневника — «У Л.Н.Толстого в последний год его жизни» (М., 1911). Впоследствии Б. неоднократно дорабатывал и переиздавал книгу (под назв. «Л.Н.Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л.Н.Толстого» — М., 1960). В 1912—16 предпринял науч. описание б-ки Толстого в Ясной Поляне (ГМТ), под его руководством подготовлена и с его предисл. издана в 1958 кн. «Библиотека Л.Н.Толстого в Ясной Поляне. Книги на рус. яз.» (ч. 1, М.). В 1914—15 заключен в Тульскую тюрьму за составление кол. воззвания против войны. В 1916—23 сначала пом. хранителя, затем дир. Музея Л.Н.Толстого в Москве, к-рый по его инициативе был переведен в новое здание на Кропоткинской ул. и расширен. Организатор Дома-музея Толстого в Хамовниках.

С 1923 по 1948 Б. жил в Чехословакии, опубл. кн. «Толстой-моралист» (Прага, 1923), драму о Толстом «На кресте величия» (Тяньцзинь, [б.г.]), подготовил «Словарь рус. заруб. писателей» (1940, ЦГАЛИ, ИРЛИ). В 1941 был арестован гестапо и 3 месяца находился в тюрьме в Праге, в 1943—45 — в баварском лагере для интернир. сов. граждан (Вюльцбург, близ г. Вейсенбург), где работал над рукописью «Друзья Толстого». После возвращения на родину — хранитель Дома-музея Л.Н.Толстого в Ясной Поляне.

Изд.: Встречи с художниками, Л., 1969; Лев Толстой, его друзья и близкие. Восп. и рассказы, Тула, 1970 (сост., вступ. ст. и прим. А.И.Шифмана); О Толстом. Восп. и рассказы, Тула, 1978.

Лит.: Толстой (ук.); Милонов Н., Лит. движение в послевоен. годы. — В кн.: Писатели Тульского края, Тула, 1963, с. 275—78; Б. — Рус. мемуарист и писатель. — В кн.: Календарь знаменат. и памятных дат по Тульской обл., Тула, 1966; Романюк Т., Один год и вся жизнь. — «Неделя», 1986, № 51; М.Цветаева за рубежом. Письма М.И.Цветаевой к Б. — В кн.: ВСП, 2-е изд., в. 2, М., 1985 (публ. М.А.Рашковской); Лазарев В., Тульские истории, Тула, 1977, с. 34—41; ЛН. т. 69 (ук.), 75 (ук.), 90 (ук.). + Некролог: Яснополянский сб., Тула, 1968. КЛЭ; Муратова (2): ИДРДВ.

Архивы: ЦГАЛИ, ф.2226 (в т.ч. автобиография; и (ук.): ГМТ. АБВ—5099; ГПБ (ук.): ИРЛИ, с. 377.

Н.П.КАБАНОВА

Аркадий
Сергеевич
БУХОВ

1889—1937

Федеральная служба безопасности
Российской Федерации
УРАФ
23.12.99 г. № 10/А-4513

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Бухов Аркадий Сергеевич, 1889 г. р., уроженец г. Уфы, из семьи железнодорожного служащего. Образование незаконченное высшее (учился в Казанском университете на юридическом факультете, затем окончил 4 курса Петербургского университета по той же специальности). Писатель, драматург. Член Союза советских писателей. До революции проживал в Петрограде, работал в журналах «Сатирикон», «Всемирная панорама», «Солнце России». В ноябре 1918 г. эмигрировал в г. Ковно (Литва). Занимался литературной деятельностью, редактируя газету «Эхо» (1920—1927). В октябре 1927 г. после неоднократных обращений о репатриации А. С. Бухову было разрешено вернуться на родину. По возвращении в Москву работал фельетонистом в газете «Труд», в редакциях журналов «Безбожник» (1930), «Крокодил» (1933—1937). Автор сатирических пьес для эстрады и театров. Арестован 29 июня 1937 г. по обвинению в шпионаже «в пользу иностранных разведок». По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 7 октября 1937 г. на основании ст. ст. 58—6 ч. 1, 58—8, 58—10 ч. 1 УК РСФСР осужден к ВМН*. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 7 июля 1956 г. Бухов А. С. реабилитирован.

* ВМН — высшая мера наказания: расстрел (З.Д.)

О нем говорили в досоветской России: «Это в нашей империи самый веселый человек, также как другой Аркадий — Аверченко».

Так оно и было. И нельзя сказать, что о нем забыли — об Аркадии Бухове: переиздавали, читали со сцены его пародии, шутки, смешные рассказы... Но время уже поглотило память о нем. И также о том — какой жестокой, беспощадной, неумолимой была расправа с ним.

Сегодня мы возрождаем память о безунывном писателе-сатирике, юмористе, пародисте. Она не должна исчезнуть...

* * *

Нам не удалось найти кого-либо из ныне живущих, кто знал бы Аркадия Бухова лично и мог рассказать о нем. Библиография его творчества перед нами, но ничто так не раскрывает творческую личность писателя, как строки созданного им произведения.

Рассказ «Рождение языка», написанный в 1935 году, незадолго до ареста Аркадия Бухова и его гибели — это талантливый образец юмора и, в то же время, злободневности, которая — признаем это! — вовсе не утратила своего значения и сегодня.

З.Д.

АРКАДИЙ БУХОВ

РОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА

Популярный Зиновий Бедакин уехал с дачи с шестичасовым поездом. После него остались семь окурков на резедовой клумбе. Рукопись лежала на садовой скамейке, белая и вспухшая, как утопленник, выкинутый на берег в лунную ночь. Было в ней что-то интригующее и страшное.

Редактор Кудыковский осторожно вытащил окурки, еще осторожнее взял рукопись и понес ее читать в маленькую комнатку под крышей.

— Может, тебе туда чаю дать? — спросила жена.

— Не надо чаю, — безнадежно вздохнул Кудыковский. — Чай здесь ни при чем.

Таким тоном отказывается от дорожного бутерброда человек, идущий с перочинным ножом на старого тигра.

Через полчаса из-под крыши послышались мягкие стонущие

звуки. Так стонут голуби на солнце и завхозы в бане, когда им растирают спину.

— Тяжело? — сочувственно спросила жена, заглядывая в комнату.

— Нет, — сердито ответил Кудыковский, — легко. Как ершу в мармеладе. Ты только послушай.

Он с ненавистью вытянул лист из рукописи и едко прошипел:

— На, любуйся. Посмотри, каким стилем пишет популярный Зиновий Бедакин. Вот его герой в третьей главе идет по полю. Слушай: «Игнатий задрюкал по меже. Кругом карагачило. Сунявые жаворонки пидрукали в зукаме. Хабындряли гуки. Лопыдряли суки. Вдали мельтепело». Понятно?

— Нет, — уклончиво ответила жена. — Я рязанская. Может, вологодские так говорят?

— Вологодские отпираются. Намекают, что это псковский диалект.

— А псковские что?

— Говорят, что это новочеркасский язык.

— А ты Бедакина, что, пробовал убедить?

— Пробовал. Обижается. «Я, говорит, не для того популярным стал, чтобы мой стиль калечили». Жаловаться даже хочет. «Пушкина, говорит, до дуэли довели, Толстой из дома ушел, а теперь из меня стиль вынимают».

— Ну, верни роман, — необоснованно предложила жена.

— Куда там. Две части издали, а третью вернем? Роман же интересный же, пойми ты это... О господи, хоть бы он четвертую часть русским языком написал бы! Вот послушай... Героиня у него есть. Зоя Проклятых. Ну, черт с ней, пусть уж так называется, если нежнее фамилии не нашел. Вот как она страдает: «Зоя пурашилась. В голове у нее симарунило. В ушах пляпали будрыки. Еще минута, и она бы горько встрапнула». Это же не девушка, а каменоломня из сна пьяного дворника. Завтра поеду к Бедакину, — может, сжалится...

Разговор с Бедакиным был короток и почти безнадежен.

— Не могу, дорогой, — категорически сказал он Кудыковскому, — язык мой, сам его создал и чужим ломать не позволю. Как думаю, так и пишу.

— Может быть, вы по-русски думать будете, — уныло предложил Кудыковский, — раз уж на русском языке роман пишете?

— Типичный великодержавный шовинизм, — сухо остановил его Бедакин. — Так нельзя. Меня по всему Союзу читают.

— У вас вот сказано, что ваш Игнатий задрюкал по меже. Почти

непонятно неподготовленному читателю; может, это на четвереньках человек ползет, а может, на флейте играет. Нельзя ли другое слово?

— Можно. Запишите: «курлонил».

— А это что такое, собственно?

— То же, что фудыркнул. Живой, напоенный образом глагол.

— Жаль, что напоенный. Не поили бы их лучше, эти глаголы, — вздохнул Кудыковский. — И вот еще героиня у вас пурашится. Это что-нибудь физическое или внутреннее? В голове у нее симарунит, а сама она пурашится. Некоторые не поймут.

— Вставьте так, — миролюбиво предложил Бедакин: — «Зоя хапурилась, как душатая». Ясно теперь?

— Ужеяснеет, — горько пожевал губами Кудыковский. — Может, разрешите кое-какие слова самому перевести с вашего на общепринятый? Сами понимаете: читательская масса. Не все подготовлены к восприятию самобытных образов. Отсталость. След проклятого прошлого.

— Переводите, — строго согласился Бедакин, — но с соблюдением стиля.

— Да уж не без этого, — обрадовался Кудыковский. — Я даже со словарчиком. На базе точной науки, так сказать. Будьте спокойны, Зиновий Гаврилович.

Позднее вечером Кудыковский вернулся к себе на дачу вдвоем. Впереди шел он, а сзади мальчишка, который нес с вокзала охапку толковых словарей русского языка. Не снимая кепки и на ходу закусывая холодной бараниной, схваченной на террасе, Кудыковский сел за рукопись романа.

— Так, так, — радостно шептал он через полчаса, роясь в рукописи и словарях, — дрюкать... На «Д». «Драпать... Дробить... Дрюкать... Дрюкать... — скакать на левой ноге. Костромское выражение». Так. Теперь на «К». «Карагачить... Кабкать... Калпить... Карагачить... Ловить рыбу руками. Из архангельских сказок». Так... Посмотрим теперь, что героиня делает... В ушах пляпали будрыки... «Пляпать — сверлить стену»... «Будрыка, множ. будрыки — донское название молодых медведей...» Ну-с, теперь дальше...

Через два месяца Зиновию Бедакину принесли корректуру третьей части его романа-трилогии «Угодья и половодья». Сверху была пришпилена записочка Кудыковского: «Что мог — исправил. Работал по словарям. Если что не так — извините. К.».

Бедакин стал читать прямо с третьей главы. Карандаш медленно падал у него из рук.

«Игнатий, — прочел Бедакин, — прыгал на одной ноге по меже и ловил рыбу. Небогатые жаворонки запрягали лошадей и били

сапогами простоквашу. Свистели колеса, вбивали гвозди суки. Вдали было весело».

Еще более странные строки, родившиеся при помощи толковых словарей и его языка, мелькнули перед Бедакиным в следующей главе.

«Зоя рыла землю. В голове у нее шел снег и молодой медведь сверлил стену. В ушах танцевали холодные бани. Еще бы минута — и она пошла бы дождем».

Бедакин растерянно оглянулся, убедился, что в комнате никого нет, и быстро зачеркнул обе фразы.

«Игнатий шел по меже, — торопливо вписывал он, — и вокруг него пели жаворонки. Вдали пахло сеном...» Здесь так сделаем: «Зоя страдала. В ушах у нее шумело, и перед глазами плыли круги...» Пойдем дальше...

«Иван Петрович малапурил...» Не стоит... «Иван Петрович курил» — это будет лучше... «Даль стырчсвела...» Не надо. «Даль синела». Так будет красивее...

Еще через два месяца роман «Угодья и половодья» появился в печати.

— Не понимаю тебя, — сказала жена Кудыковскому, прочтя роман, — хороший роман. Что ты злился? И очень простой, понятный язык. Что ты от него хочешь?

— Теперь решительно ничего, — хмуро ухмыльнулся Кудыковский. — Прекрасный писатель! Кстати, Вера, вели выкинуть эти словари, которые я купил. Кажется, мне они больше не понадобятся.

1935

Фото
не найдено

**Владимир
Владимирович
БУШ**

1888—1934

НЕИЗБЕЖНАЯ УЧАСТЬ

СПРАВКА

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что

БУШ Владимир Владимирович, 1888 года рождения, уроженец Петрограда, среднее образование получил в Аннинском училище в Петрограде*. В 1910 году окончил истор.-фил. факультет Петроградского Университета. Затем служил два года учителем русского языка и словесности в Митавском реальном училище, год — в Юрьевской гимназии. В 1915 году сдал в Петроградском Университете магистерский экзамен, а летом 1916 года зачислен в приват-доценты Петроградского Университета, одновременно преподавал в средних учебных заведениях и на Городских курсах вечных воинов для подготовки народных учителей. В 1917 году поступил сотрудником в Книжную Палату, где редактировал еженедельный библиографический журнал «Книжная Летопись». В 1918 году избран штатным приват-доцентом II Государственного Университета (б. Психоневролог. институт). На момент ареста проживал по адресу: Петроград, наб. р. Фонтанки, д.18, кв.24.

1 сентября 1919 года был арестован ПетроЧК по обвинению в принадлежности к партии кадетов.

По постановлению Петроградской Губернской Чрезвычайной Комиссии от 18 сентября 1919 года Буш В.В. был освобожден из-под ареста в

* Правильно: Петербурге. Петербург был переименован в Петроград в 1914 году (З.Д.).

тот же день. Сведениями о дальнейшей судьбе Буша В.В. наш архив не располагает.

* * *

В свой восемнадцатый день рождения В.Буш записал в дневнике: «Будущее представляется мне в розовом свете. Я верю в то, что, выйдя из Университета, я буду уже не теперешним дилетантом, а буду иметь твердо определенный круг познаний — заниматься буду философией и словесностью. Замечтавшись, представляю себя не только студентом, но представляю себя и педагогом, окруженным толпою детей, жадно вслушивающихся в мои слова, сильно меня любящих и готовых из любви ко мне работать до последних своих сил..., представляю себя как бы отцом другой моей юной аудитории, любящим ее и любимым ею». Не часто случается, чтобы юношеские мечты так сбывались: через несколько лет В.Буш окажется окружен любимыми и любящими учениками-гимназистами, а потом получит приглашение заниматься русской филологией со студентами Петроградских вузов.

События 1917 года (почти два десятка партий на выборах в Учредительное собрание!) захватили и В.Буша. Он присоединился к кадетам. Это и определило его судьбу.

1—5 сентября 1919 г. в Петрограде были проведены массовые обыски и аресты. В ответ на ходатайства за арестованных В.Ленин писал: «Нельзя не арестовывать для предупреждения заговоров, всей кадетской и околкадбиденской публики. Она способна, вся, помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки, чем чтобы 10 000 были перебиты. Ей-ей лучше». Среди этой «публики» оказался и В.Буш. 8 сентября в Москву Литературным фондом был делегирован его председатель Ф.Д.Батюшков. Вместе с другими ходатаями он побывал у А.Луначарского, Л.Менжинской, Е.Стасовой, Л.Каменева... В итоге была образована комиссия, — как в раздражении писал в эти дни В.Ленин, — «для проверки ареста буржуазных интеллигентов околкадетского типа и для освобождения кого можно». Ходатайства эти возымели действие и В.Буша в числе других арестованных выпустили на свободу.

Он почти тотчас же уехал в Среднюю Азию — преподавать историю русской литературы в Туркестанском университете (Ташкент). Надо ли пояснять, что так он пытался избежать новых репрессий? Правда, в 1922 г. он вернется в Петроград — в надежде на то, что буря утихла. Но «философский пароход» — высылка из России в 1923 г. значительной части интеллектуальной элиты — побудит его в следующем году снова забраться в другую глушь: он уедет в Саратовский университет, профессором.

В 1920-е гг. Буш изменяет тему своих исследовательских занятий. От изучения фольклора и древнерусской литературы он обратился к народническим писателям 1870—1880-х — Н.Каронину, А.Эртелю, Г.Успенскому, и создает своеобразную историю этого литературного направления. В 1934 г. он намеревался подготовить для Библиотеки поэта том «Крестьянские и рабочие поэты второй половины XIX в.» Но сделать эту книгу не успел...

По-видимому, слишком велик был соблазн вернуться в Ленинград да еще на предложенную ему должность ученого секретаря Института новой русской литературы Академии наук (Пушкинский дом). Разумеется, занимать такой пост не мог беспартийный. И В.Буш вступил в коммунистическую партию. А в 1933 г. началась кампания чисток.

«Постановление Комиссии по чистке о т. Буше В.В.» (октябрь 1933 г.) читается как приговор суда:

«Во время чистки установлено:

Далее следует перечень обвиняющих пунктов и постановление:

Как скрывшего при вступлении в партию свою принадлежность в прошлом к партии кадетов и во время пребывания в партии не проявившего партийности, из рядов ВКП(б) исключить».

За таким постановлением должен был следовать арест.

Но в апреле 1934 г., после двух апелляций, В.Буш в партии был восстановлен. Впрочем, это уже не имело для него значения.

На конверте, в который было вложено постановление об исключении его из партии, кто-то из родственников надписал: «Клевета и мерзость во время чистки и послужили смерти 14.4.1934 г.»

Из библиографии В.Буша

Несколько сопоставлений из истории печатного текста стихотворений Пушкина периода «Зеленой лампы» // Пушкин и его современники. Вып. XVII—XVIII. Пг., 1914. С. 13—20.

Памятники старинного русского воспитания. СПб., 1918.

Жена писателя А.В.Бараева-Успенская. Л., 1924.

Г.Успенский: (В мастерской художника слова). Саратов, 1925.

Литературная деятельность Гл.Успенского. Л., 1927.

Заметки об «Очерках гоголевского периода русской литературы» // Н.Г.Чернышевский. 1828—1928: Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928.

Материалы к библиографии Каронина // Литературные беседы. Вып. 2. Саратов, 1930. С. 33—47.

Очерки литературного народничества 70—80-х гг. М.; Л., 1931.

Валерий САЖИН

**Илья
Маркович
ВАСИЛЕВСКИЙ**

1882—1938

ТОЛЬКО ИМЯ...

Федеральная служба безопасности
Российской Федерации
Центральный архив
14.01.00 № 10/А-4106
г. Москва

ВАСИЛЕВСКИЙ Илья Маркович, 1882 года рождения, уроженец Полтавы, заведующий редакцией журнала «Изобретатель», 1 ноября 1937 года арестован органами НКВД СССР по обвинению в «принадлежности к антисоветской группе» и по приговору Военной коллегии Верховного Суда от 14 июня 1938 года осужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 14 июня 1938 года в г. Москве. Сведений о месте захоронения не имеется. В 1961 году реабилитирован.

* * *

ВАСИЛЕВСКИЙ Илья Маркович, [псевд. Не-Буква; 28.12.1882 (9.1.1883), Полтава — 14.6.1938], фельетонист, журналист, лит. критик. Брат Л.М.Василевского. Окончил г-зию в Полтаве. В 1903 В. С. Миролубов напечатал в «Журнале для всех» (№ 11) первый

рассказ В. «Тридцать два», посв. основной для творчества В.-беллетриста теме: омещанивание интеллигента, приспособляющегося к бурж. действительности и растрачивающего «идеалы» молодости. В. работал преим. в жанре рассказа-фельетона с присущими ему газетной злободневностью содержания, эскизностью психол. характеристик, обыгрыванием анекдотич. ситуаций, гротеском. В Революцию 1905—07 В. сотрудничал в петерб. сатир. ж. «Аксиома», «Булат», «Застрельщик», «Овод», «Ювенал» и др., высмеивал высшую бюрократию в стих.-«перепевах»: «Спор» — переделка одноим. стих. М.Ю.Лермонтова («Бич», 1906, № 1); «В деревне» («Голод... Долгое терпенье...») — иронич. «вариант» стих. А.А.Фета «Шепот, робкое дыханье...» («Пчела», 1906, № 4).

В 1904—17 рассказы, фельетоны, статьи и рец. В. печатались в ж. «Наука и жизнь», «Мир божий», «Всем. панорама», «Весь мир», «Солнце России», «Сатирикон», «Аргус» и др., а также в газ. «Полтавские вед.», «Одес. новости», «Юж. край», «С.-Петербур. вед.», «Бирж. вед.», «Речь» и мн. др. Ближайший сотр. и фактич. изд. в 1907—11 «понеделничной» петерб. газ. «Свободные мысли» (в 1908—09 офиц. ред. «Утра» — одно из назв. «Свободных мыслей»). С июля 1908 по авг. 1909 изд. ж. «Образование»; обновленная редакция заявила о «беспартийном» направлении ж-ла, что повлекло за собой отказ от дальнейшего сотрудничества в «Образовании» публицистов-марксистов.

В кн. «Житейское кабаре. Юмор. рассказы» (СПб., 1910; сокращ. переизд. — «Юмор. рассказы», «Б-ка “Улыбка”», в. 1, СПб., 1912) значит. место занимают рассказы-фельетоны на лит. темы; ряд рассказов посв. сатир. изображению представителей власти, бурж. политиканов. Разочарование в Революции 1905—07 отразилось в рассказах В., изображающих забитость, невежество и порождаемую ими бессмысленную жестокость народа. В сб-ке рассказов В. «Нервные люди» (СПб., 1911), посв. Миролюбову, полит. реакция ассоциируется с агрессивной и циничной бездуховностью «победителей», перед к-рыми капитулируют беспомощные полит. герои, с ренегатством интеллигентов-«идеалистов». К творчеству В. применима характеристика, данная В.В.Воровским «понеделничной» развлекательной юмористике: «Кругом царил мрак и уныние, а они смеялись... Писали пародии, шаржи, карикатуры. И на то, что заслуживало смеха, и на то, что стоило слез» (В о р о в с к и й В., Лит. критика, М., 1971, с. 457).

С 1912 В. выступал с лекциями по лит-ре (Одесса, Москва, Петербург). В 1915—17 редактировал в Петрограде «Журнал журналов», рецензировавший текущую журн. беллетристику и призы-

вавший писателей к объединению на широкой демокр. платформе. Ж-л выступал против шовинистич. пропаганды бурж. печати периода 1-й мировой войны. К сотрудничеству в «Журнале журналов» В. привлек М. Горького. Программа ж-ла, в частности, проводилась в статьях и рец. В. о Горьком (1915, № 12), С.П. Подъячеве (1915, № 15), А.И. Свирском (1915, № 16), Е.И. Замятине (1916, № 7), «Вольной академии» (1916, № 13) и др. В приложении к ж-лу вышла кн. В. «Героиня нашего времени (1. “Ключи счастья” и “Иго любви” А. Вербицкой. Памфлет. — 2. О новой женщине). Очерки» (П., 1916).

После 1917 В. эмигрировал, пытался в Париже возобновить издание «Свободных мыслей». В сер. 1920-х гг. вернулся на родину, активно работал в сов. печати. С 1929 до окт. 1935 заведовал редакцией ж. «Изобретатель», печатал (под псевд. Ил. Полтавский) брошюры по вопросам массового изобретательства, опубли. кн. «Страна изобретателей» (М., 1933; на англ., нем. и франц. яз.).

Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Др. произв.: «Николай II» (П.—М., 1923), «Что они пишут? (Мемуары бывших людей)» (Л., 1925)...

В.Н. ЧУВАКОВ

*Фото
не найдено*

**Лео
Исаакович
ВЕЙДЕН**

1903—1937

ЛЕО ВЕЙДЕН — ОДИН ИЗ МИЛЛИОНОВ

С П Р А В К А

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что

ВЕЙДЕН Лео Исаакович родился

14 декабря 1903 года в г. Тарнов

/Польша/, еврей, с 1922 года по

1930 год — член СДРП Австрии,

с 1930 года — член австрийской

компартии, до ареста работал

старшим библиотекарем Библио-

теки Академии наук, проживал

по адресу: Ленинград, Мучной

пер., д. 4, кв. 38,

был арестован УНКВД ЛО 5 ноября 1937 года.

Обвинялся в том, что будучи завербован в 1935 году в фашистско-троцкистскую, шпионскую и диверсионно-террористическую организацию, на протяжении ряда лет проводил к/р фашистскую пропаганду среди шувбундовцев, германских политэмигрантов и граждан СССР, организовал и помещал неправдоподобный материал в газету «Роте Цейтунг» с целью дискредитации советской печати, т. е. в пр. пр. ст. 58-10-11 УК РСФСР.

Постановлением Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 19 ноября 1937 года Вейден Л. И. осужден к высшей мере наказания.

Приговор приведен в исполнение 24 ноября 1937 года.

Заключением Прокуратуры Ленинграда от 15 августа 1989 года Вейден Л.И. реабилитирован.

В 1937—1950 годы тюрьмы и лагеря Советского Союза можно было с полным основанием назвать «Арестантским интернационалом». В них были представлены не только все национальности СССР, но и Западная Европа и Америка.

Коммунисты с иностранным паспортом, романтически вдохновленные образом «первого в мире государства трудящихся», устремлялись в него, чтобы совместно с его гражданами строить социализм. Одним из них был и Лео Вейден — немецкий публицист.

О нем мы знаем немного лишь из того, что сказано в сведениях, предоставленных Библиотекой Академии наук России. Но зримый след его пера, его мысли оставлен в книге об одном из гигантов российской промышленности — Путиловском, затем «Красном путиловце», а ныне — Кировском заводе в С.-Петербурге.

* * *

Лео Исаакович Вейдене (Вейден, Weiden Leo), род. 14 декабря 1903 в г. Тарнов (Польша), национальность — еврей, происхождение — из рабочих, социальное положение — служащий, образование — среднее, член профессионального союза с 1930, член КП Австрии.

28.10.1931 приехал в СССР, 02.11. того же года поступил на завод «Красный Путиловец» и проработал токарем до 06.02.1933 года.

С 07.02.1933 по 31.10.1934 года по назначению Ленингр. обкома ВКП(б) работал в Моск.-Нарвском доме Культуры заведующим «иностранной базой». Затем переведен в издательство газеты «Роте Цейтунг» (Rote Zeitung) на должность л и т с о т р у д н и к а и зав. Отделом инорабочих. 30.04.1936 уволен в связи с прекращением выхода газеты.

По направлению и с рекомендацией Ленинградского Областного Совета Профессиональных Союзов 19.06.1936 г. Вейдене Лео Исаакович был принят в Библиотеку Академии наук СССР (БАН) в Отдел комплектования (Группа выписки иностранной литературы) на должность библиотекаря 1-го разряда, затем на должность старшего библиотекаря.

В 1936—1937 гг. Правительственная комиссия из Москвы выявила ряд недостатков и злоупотреблений в деятельности БАН. Зав. Отделом был объявлен «врагом народа». Преследованию были подвергнуты «сообщники врага народа», среди которых оказался

Лео Исаакович Вейдене. 5 ноября 1937 Приказом № 162 от 10.11. за подписью Директора БАН И.И.Яковкина Лео Исаакович Вейдене исключен из числа сотрудников БАН.

Из авторских публикаций: в личном деле Л.И.Вейдене указаны газета «Роте Цейтунг» на немецком языке и другие, не конкретизируя, газеты Советского Союза, а также одна книга под названием: «Турбины, тракторы, ударники» на немецком языке. Она посвящена «гиганту советской индустрии» — Путиловскому заводу — его истории и его людям.

Проживал по адресу: Мучной пер. д. 36* вместе с сестрой и ее ребенком.

Иконографических материалов в БАН нет — в трудовом списке и личном деле фотографий в то время не было.

Сведениями о дальнейшей жизни Л.И.Вейдене Библиотека не располагает. Полная биография будет напечатана в Энциклопедии БАН.

Захар ДИЧАРОВ

* Правильно: Мучной пер., д. 4, кв. 38 (З.Д.).

*Фото
не найдено*

**Владимир
Николаевич
ВЛАДИМИРОВ**

1897—1958

ТОЛЬКО ИМЯ...

Владимир Владимиров по сведениям Литературного фонда СССР был репрессирован.

ВЛАДИМИРОВ (настоящая фамилия Венцель; подписывался также псевд. Егор Наводчиков, дед Нефед) Владимир Николаевич (18.III.1897, Петербург — 2.I.1958, Ленинград) — драматург, переводчик. Чл. КПСС с 1942. Окончил гимназию (1916), фельдшерские курсы (1915), Павловское воен. уч-ще (1915). В чине прапорщика был на фронте в 1916—1917. В 1919—1921 служил в Красной Армии командиром роты, разведчиком, был ранен, контужен. До 1924 — актер в театре Незлобина, в Петрозавод., Псков., Новоси�. театрах. Участник советско-финляндской войны (1939—1940) и Великой Отечественной войны. Был журналистом, политработником. Награжден орденом Красной Звезды и медалями. Сын писателя Н.Венцеля. Печататься начал в 1917 в газ. «Олонец. коммуна», журн. «Весь мир». Писал политические обозрения («Иванов Павел — эмигрант», 1922), песни, эстрадные миниатюры. Автор пьес: «Человек, потерявший память» (Ленингр. гос. агиттеатр, 1927), «Городские сумасшедшие» (в соавт. с В.Ардовым, Ленингр. театр сатиры, 1928), «Жизнь учит» (Ленингр. гос. агиттеатр, 1929), обозрения-пантомимы «Весенний сев» (Ленингр. цирк, 1930), музыкальной комедии «Последний бал» (в соавт. с И.Зельцером, 1936,

несколько постановок), «В лесах Карелии» (1946), музыкальной комедии «Подруга жизни» (1947), либретто оперы «Честь» («Намус», музыка Л.Ходжа-Эйнатова, 1947), комедии в стихах «Голый король» (1949). Перевел стихи Т.Шевченко, И.Франко, К.Крапивы — с украинского, стихи А.Эйкия, комедию М.Лассила «Мудрая дева» — с финского яз. и др.

1. Званный вечер, или погоня за коммунистом: Комедия в 2-х д. — Л.; М., 1926 и др. изд.; За Родину: Сб. фронтовых стихов, 1939—1940. — [Б. м.], Изд. дивиз. газ. «Боец-отличник» [Б. г.]; Друзья бойца: Сб. стихов и песен. — [Б. м.], 1943; Дружеские беседы — как добиться победы: Раешник. — Л., 1945; Деловые заметки о разведке. — М., 1945.

**Александр
Сергеевич
ВОЗНЕСЕНСКИЙ**

1880—1939

ТОЛЬКО ИМЯ...

Федеральная служба безопасности
Российской Федерации
Центральный архив
14.01.00 № 10/А-4106
г. Москва

Вознесенский-Бродский Александр Сергеевич, 1880 года рождения, уроженец г. Вознесенска, писатель, 5 ноября 1937 года арестован органами НКВД СССР по обвинению в «антисоветской агитации» и по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 27 декабря 1937 года сослан в Казахстан сроком на пять лет. В 1965 году реабилитирован.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ Александр Сергеевич [наст. фам. Б р о д с к и й; др. псевд. Илья Ренц, Комар, Люцифер; 28.2 (11.3).1880, г. Вознесенск Херсон. губ. — 22.1.1939, с. Новая Шульма Семипалатин. обл.], поэт, драматург, переводчик, деятель кино, критик. Род. в семье уездного врача. По окончании г-зии в г. Николаеве поступил в 1897 на мед.ф-т Моск. ун-та, затем прошел 4 курса юрид. ф-та (в 1902 оставил учебу перед выпускными экзаменами в связи с женитьбой на актрисе В.Л.Юреновой). С 1902 регулярно печатает воскресные фельетоны и обзоры лит. новинок в газ.

«Одес. новости», рассказы и статьи — в ж. «В мире иск-в» (1907), стихи — в сатирическом ж. «Жало» (1905), с 1913 — в «Сатириконе» и «Новом Сатириконе».

В составленной на основе публичных лекций кн. «Поэты, влюбленные в прозу» (К., 1910) В. связывает будущее символизма с развитием прозы (истинные символисты в его представлении — М. Метерлинк, С.Пшибышевский, Л.Н.Андреев), отмечает тяготение мн. рус. поэтов-символистов к прозаизму с его «грубым» внутр. ритмом. Единств. стихотв. сб. «Путь Агасфена» (СПб., 1913, на т. л. — 1914; 2-е изд., П., 1916) включает как стихи отвлеченно-филос. плана («Иуда», «Я и Ты», «Агасфер», «Фр. Ницше», «Единый путь», «Пан»), так и интимно-психологические («Я не люблю тебя, женщина темная» и др.). Цикл «городских» стихов В. («В кабачке», «В ресторане», «Автограф» и др.) написан под влиянием стихов А.А.Блока. Критика в осн. положительно оценила сб-к (С.Кречетов — УР, 1913, 14 дек.; С.Городецкий — «Речь», 1914, 3 февр., и мн. др.: негативный отклик: Вл. Кр<анихфельд> — СМ, 1914, № 2). Сб-ку предпослано предисл. Андреева, относившегося к В. как к единомышленнику и своему последователю.

Влияние Андреева и Пшибышевского (в 1904 В. перевел пьесы Пшибышевского «Снег» и «Ради счастья») особенно ощутимо в пьесе В. «Хохот» (СПб., 1910; отрицат. отзыв: В о р о в с к и й В. В., Лит. критика, М., 1971, с. 451–52; М. Кузмин — «Аполлон», 1910, № 4; В.Волькенштейн — СМ, 1910, № 2) и бессловесной (пантомимической) драме «Слезы» (Од., 1910); последняя вызвала многочисл. разноречивые отклики прессы, с одной стороны критиковавшей ее за недоверие к слову (И.Александровский — «Одес. листок», 1912, 27 апр. и др.), с другой — восторгавшейся ее сценич. выразительностью (Н.Николаев — «Киевлянин», 1912, 23 апр.). Нек-рые критики связывали новаторство пьесы с идеями К.С.Станиславского, у к-рого В. обучался в драм. студии Моск. филармонич. об-ва в 1898. Гл. темы пьес В., в т. ч. «Цветы на обоях» (СПб., 1913), шедших во мн. столичных и провинц. театрах, — любовь, ревность, ненависть, превращающие подчеркнуто обыденную обстановку серого повседневного быта в драматически переживаемые экстремальные ситуации. Пьеса «Конец маскарада» (СПб., 1914; отмечалось ее сюжетное сходство с пьесой М.П.Арцыбашева «Ревность») была воспринята как антифеминистич. памфлет («Божья коровка», 1916, № 2).

С пьесы «Слезы», экранизированной А.А.Ханжонковым в 1914 и имевшей большой успех, начинается работа В. в кино, по его сценариям было поставлено (до 1917) 10 картин, в т. ч. «Королева

экрана» (др. назв. — «Великий немой»), пост. Е.Бауэром по пьесе В. «Актриса Ларина» (П., 1915; рец.: Бвед, 1916, 6, 8, 9 дек.). В. — первый рус. сценарист-профессионал, идеолог и пропагандист психол. кинематографа, в к-ром он видел «иск-во молчания», способное выразить тончайшие человеческие переживания без «грубого» посредничества слов [ст. «Искусство будущего», ЖЖ, 1916, № 47; см. также восп. «Кинодетство. (Гл. из „Книги ночей“», «Иск-во кино», 1985, № 11]. Накануне Окт. революции по его сценарию поставлен худож. фильм «Царь Николай II, самодержец Всероссийский» (реж. А.Ивонин и Б.Михин), с использованием кадров хроники.

6 окт. 1917 В. открыл в Петрограде Студию экранного иск-ва (позднее кинотехникум); в 1921–23 директор такой же студии в Киеве. Ему принадлежит одно из первых практич. пособий для работников сов. кино — «Искусство экрана. Руководство для киноактеров и режиссеров» (К., 1924). После революции публиковал пьесы, стихи, сб-ки рассказов, в т. ч. «Дикарь» (М., 1928).

В. общался со мн. деятелями культуры начала века. Собрал большую коллекцию фотографий и автографов (С.А.Венгерова, А.А.Блока, Н.Н.Евреина и мн. др.), в 1916 готовил к публикации сб. стихов «Богодьявол», кн. прозы «Книга ночей» и сб. восп. «Начало века».

Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

**Владимир
Васильевич
ВОИНОВ**

1882—1938

ФЕЛЬЕТОНИСТ-АРЕСТАНТ

Сообщаем следующие сведения биографического характера в отношении деятелей культуры по имеющимся в архиве следственным материалам:

Федеральная служба безопасности
Российской Федерации
Центральный архив
14.01.00. № 10/А-1106
г. Москва

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что
ВОИНОВ Владимир Васильевич,
1882 года рождения, уроженец
ст.Константиновская Донской
области, русский, образова-
ние незаконченное высшее,
беспартийный, писатель, зав.
литературной частью журнала
«Пушка», проживал по адре-

су: г. Ленинград, ул. Троицкая, д. 10, кв. 5,

был арестован на основании ордера ПП ОГПУ в ЛВО 16 ноября 1928 года.

Обвинялся в том, что, используя свое положение заведующего литературной частью журнала «Пушка», выступил с фельетоном, приобретающим явно контрреволюционное значение, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 16 и 58 п. 10 УК.

Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 18 января 1929 года Воинов В.В. был приговорен к лишению свободы сроком на 3 месяца с досрочным освобождением от наказания. Освобожден 25 января 1929 года.

ВОИНОВ Владимир Васильевич [27.10(8.11).1882, станица Ермаковская Первого Донского округа области Войска Донского — 12.11.1938, Ленинград], поэт-сатирик, прозаик. Отец В. — разжалованный за вольнодумство казачий офицер, горный инженер, дворянин (оставил семью, когда В. было 5 лет); мать — сельская учительница, калмычка. Воспитывался в Новочеркасском казачьем юнкер. уч-ще, в 1897 был исключен за участие в волнениях, вызванных жестокостью ротного командира. Учился в Екатеринослав. высшем горном уч-ще (не окончил, в 1907 — студент 4-го курса). Работал горным мастером на шахтах Донбасса. Впервые начал печататься в 1904 в екатеринослав. газ. «Приднепров. край», где вел под псевд. Омикрон отдел губ. хроники «Между прочим». В 1906 А.С.Серафимович привлек его к сотрудничеству в новочеркас. газ. «Донская жизнь», первая публ. — басня «Три казака» (1906, 17 дек., подпись Васильевич); В. вел в ней отд. «Сегодня», печатал заметки из жизни шахтеров и крестьян-казаков. Писал также пародии; в нач. 1909 отправил нек-рые из них в «Сатирикон» и вскоре получил приглашение А.Г.Аверченко стать сотрудником ж-ла (первая миниатюра В. «В кулуарах» — 1909, № 10), до 1913 из номера в номер печатал злободневные басни, пародии, юмор. рассказы.

Особенно острыми и политически направленными были стихотв. фельетоны В.: «Россия в кавычках. (Под Бальмонта)» (1909, № 35), «Миропонимание и мироощущение» (1910, № 15), «Политическая шагистика» (1911, № 23), «Взгляд со стороны» (1912, № 50), «Громовержцам». («Вы, Хвостовы и прочие...») (1913, № 16). Используя жанр лит. пародии, В. подвергал осмеянию пошлость, обывательскую ограниченность как в жизни, так и в лит-ре. В 1913 входит в состав реакции «Нового Сатирикона» и переезжает на пост. жи-

тельство в Петербург. В др. периодич. изд. публикует реалистич. рассказы: «В заповедных водах», «В степи», «На заре жизни» («Летучие альманахи изд-ва „Рубикон«», в. 2, 8, 9, М. — СПб., 1913), «Мадонна» («Отклики жизни», 1913, № 6), «Красивая печаль» («Солнце России», 1913, № 21), «На борьбе» («Геркулес», 1913, № 15). Печатался также в ж. «Аргус», «За 7 дней», «Нива», «Сев. луч», «Лукоморье», «Отечество», «Ежемес. Журнал», «Синий журнал», «Сев. записки» и др., в сб. «Совр. война в рус. поэзии» (П., 1915). В 1914 в изд-ве «Новый Сатирикон» (П.) В. выпустил первый сб. «Солнечные рассказы». В небольших новеллах о студентах, пастухах, рыбаках-контрабандистах, людях городского дна В. смог, несмотря на нек-рую долю сентиментальности и романтизации, передать своеобразную, пеструю и подвижную атмосферу провинц. жизни Юга России. В 1915 в том же изд-ве вышла кн. фельетонов В. «Нехорошие положения», имевшая успех у учителей. Событиям 1-й мировой войны (В. был освобожден от военной службы, т.к. вследствие аварии на руднике в 1906 у него была ампутирована кисть левой руки) посвящены написанные в приподнятом официально-патриотическом тоне рассказы сб. «Сильные духом» (П., 1915), отд. страницы к-рого, однако, достоверно передают тяжелый фронтовой быт и психологию солдат, и рассказ «Ки-ка-пу» (П., 1917) с «авантюрно-опереточным» сюжетом о героизме международного вора. Критика отметила слабость сб-ка по сравнению с первым, в к-ром В. обнаружил «зататки истинного таланта» (О.Слицан — ЖЖ, 1916, № 8, с. 7; др. рец. — Е.С<около> — «Чернозем», Пенза, 8 марта; Н.Ашешов — «Чертово колесо» (М. — П., 1916), избобилующем мелодрам. эффектами, В. предпринял малоудачную попытку объединить жанры детективного, нравственного и социального романов.

В стихотв. кн. «Политические сказки и басни» (П., 1917) с позиций умеренного либерализма высмеивал, подчас злобно, политич. партии и движения в период между Февр. и Окт. революциями. Окт. революцию принял не сразу. Решительное влияние на него оказала встреча с М.Горьким, к-рый привлек его в 1919 к сотрудничеству в одном из первых сов. дет. ж-лов «Сев. сияние». С 1919 В. — сотр. «Окон РОСТА», газ. «Красная звезда», ленингр. юмор. ж. «Мухомор», «Бегемот», «Смехач», «Дрезина», «Красные огни». В 1916–29 зав.редакцией ж. «Пушка» (прил. к «Красной газ.»). В. — автор дет. книг, либретто оперы-оратории «Фронт и тыл» (Л., 1931) комп. А.П.Гладковского.

Изд.: [Стихи]. — В книгах: Поэты «Сатирикона»; Чуковский К., Чукоккала, М., 1979, с. 108–10.

Лит.: Л о м а к и н И., Машинка. — В его кн.: Подсолнечная республика. П., 1918; Б у ч к и П.Д., О том, что в памяти, Л., 1963, с. 165–66 (с рис. П.Бучкина — карикатура на В. со стихами В.); Е в с т и г н е е в а Л., Ж. «Сатирикон» и поэты-сатириконцы, М., 1968, с. 102, 115, 119, 135, 150–52, 423; К р е м л е в И., В лит. строю, М., 1969, с. 175–76. + Некролог: «Красная газ.», 1938, 13 нояб. (перепечатан — ЛГ, 1938, 15 нояб.). Рус. лит-ра в сов. музыке, Справочник, в. 1, М., 1975, с. 148–49; Писатели Ленинграда; Масанов.

А р х и в ы: частное собр. В.В.Воинова (сына В.; Ленинград) и В.В.Иванова (автобиография В.; Ленинград).

Е.Б.БЕЛОДУБРОВСКИЙ

Воинов (подписывался псевд. и крипт. Тривэ, В.В.В., В.В., Бударин) Владимир Васильевич (1878–12.11.1938, Ленинград) — поэт, прозаик. Участник революции 1905. До 1917 сотрудничал в сатирических журн. «Мухомор», «Бич», «Сатирикон», «Новый Сатирикон», «Крас. смех». После революции работал в РОСТА, печатался в «Крас. газ.», в сатирических журн. «Крас. ворон», «Пушка», «Бегемот». Написал несколько эстрадных обзоров, комедию, текст первой советской оперы-оратории «Фронт и тыл» (1931). Автор книг для детей. Его сатирические стихи перепечатаны в кн. «Поэты “Сатирикона”» (1966); «Русская стихотворная сатира 1908–1917-х годов» (1974).

1. Солнечные рассказы. — СПб., 1914; Сильные духом. — Пг., 1915; Нехорошие положения. — Пг., 1915; Чертово колесо: Современ. роман. — М., 1916; Ки-ка-пу. Пг., 1917; Политические сказки и басни. — Пг., 1917; Петроградские чудеса: Стихи. — Пг., 1922; 80 000 лошадей. — Л., 1925; Вертунок. — М., 1925; Песик — Золотой носик. — Л., 1925; Как я стал писать в газету: Рассказ селькора в стихах. — Л., 1925; Смычка. — Л.; М., 1925; Ламца-дрица. — Л., 1926; Головоотяпы. — Л., 1927; Алешкина шахта. — М., 1927 и 1928; Трусики — беленькие усики. — Л., 1928; Три дня: Пьеса в 3-х д. — Л., 1935 и др. изд. — В соавт. с А.Чирковым.

**Нина
Ивановна
ГАГЕН-ТОРН**

1905 (1901)–1986

«ЭТО — ЗЕМЛЯ ИЛЬ ДРУГАЯ ПЛАНЕТА?..»

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

Из материалов архивного фонда Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и области следует, что

ГАГЕН-ТОРН Нина Ивановна, 1905 года рождения (по другим данным 1901 года рождения)*, уроженка г. Ленинграда, русская, гр-ка СССР, беспартийная, до ареста работала научным сотрудником в Институте антропологии и этнографии при Академии наук, проживала в г. Ленинграде, ул. Некрасова, д. 58, кв. 65а, была арестована 17 октября 1936 года УНКВД ЛО.

Обвинялась в том, что «...вела активную к/р деятельность направленную против партийного влияния в области этнографии с целью отрыва советской этнографии от изучения нового социалистического быта народов СССР, среди сотрудников Института вела антисоветские разговоры, распуская провокационную клевету о понижении благосостояния научных работников в СССР...», т. е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58–10 и 58–11 УК РСФСР.

* В некоторых документах встречаются несоответствия с другими сведениями о тех или других лицах, подвергшихся репрессиям (З.Д.).

Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 25 мая 1937 года осуждена к лишению свободы сроком на 5 /пять/ лет в ИТЛ.

Для отбывания срока наказания была направлена в СЕВВОСТЛАГ НКВД (Бухта Нагаево ДВК).

Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 17 февраля 1956 года постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 25 мая 1937 года отменено и дело производством прекращено за недоказанностью вины, —

ГАГЕН-ТОРН Нина Ивановна реабилитирована.

/основание: арх. дело № П-36900/.

О замечательном ученом и талантливом поэте Нине Гаген-Торн мы уже писали в книгах серии «Распятые», но не располагали тогда документами о ее репрессировании. Ныне мы дополняем очерк о ней /выпуск 1. Виталий Шенталинский. «Седьмое небо». С. 137/ «Архивной справкой» и, так же, ее стихами, опубликованными в ее книге «Методія» (Воспоминания) /М., 1994/ и других изданиях.

Об Н.И.Гаген-Торн написаны и отдельные труды, в которых раскрывается образ не только литератора, но и ученого. Это — Решетов А.А. Репрессированная этнография: люди и судьбы. Кунсткамера. Этнографические тетради. Выпуск 5-6. СПб., 1994., с. 359—363; Гаген-Торн Г.Ю. Нина Ивановна Гаген-Торн — ученый, писатель, поэт. Репрессированная этнография. М., 1999, с. 308—341.

Н.И.ГАГЕН-ТОРН

* * *

Дали светлые залива
Золотит закат.
«Чьи вы? Чьи вы? Чьи вы? —
Чибисы кричат.
— Мы нищие. Путем-дорогой
С посошком идем,
Помолиться Богу,
Поискать свой Дом.
— Дом ваш сломан и разрушен.
Как его найти?
— Помолись за наши души.
Помоги в пути.

* * *

В жизни есть много мук,
Но горше нет пустоты,
Если вырвут детей из рук
И растить их будешь не ты...

И не смыть, не забыть, не залить,
Если отнял детей — чужой.
Эта рана — всегда болит.
Это горе — всегда с тобой.

КОЛЫМА

Мы выходим на рассвете,
Целый день стоим с пилой,
Где-то есть жена и дети,
Дом, свобода и покой.
Мы о них давно забыли —
Только болью ноет грудь.
Целый день мы пилим, пилим
И не можем отдохнуть.
Но и ночью отдых краток:
Только, кажется, прилег
В мерзлом холоде палаток —
Уж опять гудит гудок.
И опять мы начинаем.
Режет ветер, жжет мороз.
В Колыме, — я твердо знаю, —
Сколько снега, столько слез.
Колыма, /Эльген?/ 1940

БАРАК НОЧЬЮ

Свет погас. И, умирая,
Стынет тонкой коркой сальца.
Темноту сознания раздвигая
Осторожно — ищут пальцы.
Я живу в концах ладоней,
Улетая прямо к звездам.
Лес тяжелый ветки клонит

За окном, в тиши морозной.
Кто-то мечется по бревнам,
Тенью-мышью пробегая,
Кто-то рядом дышит ровно,
Ты ли дышишь, дорогая?

Колыма, Мылга, 1939

* * *

Это — земля нль другая планета?
Синие горы причудливо строги.
Ветви — рисованы в небе кристаллами света
Выдуман лес многоногий!
Кто-то,
Алмазами землю покрывший,
Без счета
Льет холода жидкое пламя,
И смотрят два солнца застывших
С неба — пустыми глазами.

Колыма, Эльген, 1938

**Евгений
Георгиевич
ГЕРКЕН**

1886—1962

ПРАВНУК БАРАТЫНСКОГО

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что ГЕРКЕН Евгений Георгиевич, 1886 года рождения, уроженец Казанской губ., русский, из дворян, заведующий хозяйством госпитального судна «Рига», проживающий по адресу: г. Петроград, Казанская ул., д. 60, кв. 3,

был арестован 6 ноября 1918 года на основании ордера ЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Союзе Коммун Северной области (по делу о кафе на Каменноостровском пр.).

Постановлением ЧК от 11 января 1919 года за отсутствием обвинительного материала дело было прекращено, а ГЕРКЕН Евгений Георгиевич (так в документе) освобожден.

13 августа 1933 года ГЕРКЕН Евгений Георгиевич (Юрьевич) был арестован на основании ордера ПП ОГПУ в ЛВО. На момент ареста — литератор.

Обвинялся в том, что, являясь по своим убеждениям фашистом, возглавлял антисоветскую группировку, вел контрреволюционную фашистскую агитацию среди окружающих..., в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58—10 УК.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 27 декабря 1933 года ГЕРКЕН Е.Г. был осужден к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет.

По заключению Прокуратуры г. Ленинграда от 12 июня 1989 года ГЕРКЕН Е.Г. реабилитирован.

ПИСАТЕЛЬ О СЕБЕ

*Автобиография
Хранится в Пушкинском Доме
в архиве Баратынских.
(Автограф)*

Евгений Юрьевич Геркен.

По матери родной правнук поэта Баратынского, в честь которого и назван Евгением. Печатал криминальные стихи в 1912—15 гг. в журналах: «Аполлон», «Русская мысль», «Современный мир», «Нива» и др. В 1919 году работал в издательстве «Всемирная литература» (стихи и пьесы А.Мюссе и других французских классиков). В настоящее время почти исключительно занят переводами музыкальных произведений (оперы и оперетты). Из значительных вещей сделал перевод труднейшей оперы М.Равеля «L'heure espagnole» — (для Академического / театра оперы и ряда оперетт, в том числе «Баядеру» — Кальмана, «Мадам Помпадур» и «Испанского соловья» Лео Фалля, «Танцовщицу-Катю» — Жильбера и др.

Отдельным изданием вышли:

Сборник стихов.

«Крылья жизни», пьеса в 3 действиях; «Они любили», пьеса в 1 действии; «Великий Калиостро», пьеса в 5 действиях, ряд переводных пьес французских авторов.

<Здесь же — ^ 1—3 об. автограф стихотв. «Porceliane de Sevre» (1915) и отрывок из поэмы «Сфинксы над Невой» (тот же карандаш, что и автобиография с датой 1923 г.).

ГЕРКЕН Евгений Юрьевич [псевд. Геркен-Баратынский; 17(29).10.1886, Казань — март 1962, Москва], поэт, драматург, переводчик. По матери правнук Е.А.Баратынского. Окончил Казан. реальное уч-ще, затем — юрид. ф-т Казан. ун-та (1906—10). Чл. Казан. сельскохоз. к-та. В 1906 опубл. своего рода стихотв. манифест «Ищите красоту» («Нива», № 38; неоднократно переизд.); им открывается и первый сб. Г. «Лирические стихотворения.

1907—1909 г.» (в. 1, Каз., 1909). В рец. М.А.Кузмина отмечалось, что при технич. несовершенстве стиха у Г. встречаются строки, «своею простотою могущие заставить завидовать любого... поэта» («Аполлон», 1910, № 4, с. 63). Настроения и наиб. репрезентативные ритмико-синтаксич. структуры символист. поэзии (А.А.Блок, К.Д.Бальмонт) соседствуют в стихах Г. с любовным воспроизведением высокого поэтич. строя «поэтов пушкинской поры», что объясняется, однако, не столько подверженностью разнородным влияниям, сколько склонностью и достаточно тонким умением имитировать чужую стилистич. манеру (в 1920-х гг. Г. много выступал с пародиями). Оно сказалось и в драматургии Г.: пародийное снижение традиций романтич. трагедии в пьесе «Великий Калиостро. Тайное общество» (М., 1909; совм. с А.В.Мельницкой), где материалом для авантюрного сюжета становятся события в мадонской ложе во Франции 18 в.; иронич. вариации «психол. драм.» из совр. жизни — «Они любили» (Каз., 1910), «Смятые розы» (Каз., 1910), «Странная женщина» (СПб., 1912) и др. В 1913 в Петербурге опубл. одноактную пьесу-шутку «Лекция о кабаринном искусстве» (2-е изд., Каз., 1913), к-рая, по утверждению автора, должна служить прологом ко всякого рода спектаклям жанра «кабаре». Печатался в «Аполлоне», «Журнале театра Лит.-худож. об-ва», «Рус. мысли», «Рус. богатстве», «Общедоступном лит. сб-ке» (см. отзыв: «Студенч. жизнь», 1910, 28 марта) и др.

После Окт. революции занимался преим. переводами либретто опер и оперетт. Опубл. сб-ки стихов «Башня» (Л., 1926), «Лирич. стихотворения» (Каз., 1928) и др. Переводил А.Мюссе, П.Ж.Беранже и др. для изд-ва «Всемирная лит-ра».

В 1933—54 был незаконно репрессирован.

Лит.: А.Ф.М. <М а н т е л ь А.Ф.>, Е.Геркен. Париж. — «Жизнь», Каз., 1913, № 1, с. 14; А д а м о в и ч Г., Поэты Петербурга. — «Звено», Париж, 1923, № 32, с. 2. + Козьмин; Альм. и сб-ки (1); Иванов; Масанов.

А р х и в ы: ЦГАЛИ, Ф. 1068, оп. 1, д. 36 (автобиография); ИРЛИ, Р. I, оп. 5, д. 16 (автобиография).

К.М.ПОЛИВАНОВ

*Фото
не найдено*

**Александр
Алексеевич
ГИЗЕТТИ**

1888—1938

ЛИТЕРАТОР ВРЕМЕН РЕВОЛЮЦИИ

АРХИВНАЯ СПРАВКА *о наличии сведений*

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что

ГИЗЕТТИ Александр Алексеевич, 1888 года рождения, уроженец г. Петербурга, русский, беспартийный, высшее образование, научный работник, ранее был арестован в 1920, 1921, 1924 гг. по делам о принадлежности к партии эсеров и выпущен из-под стражи.

15 сентября 1930 года Гизетти А.А. был арестован ПП ОГПУ в ЛВО. Обвинялся в том, что, будучи активным членом партии эсеров, занимался агитацией, направленной на ослабление Советской власти и т. д., т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 10 УК.

Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 13 января 1931 года Гизетти А.А. был осужден к высылке в Среднюю Азию сроком на 3 года.

По Заключению Прокуратуры г. Ленинграда от 31 августа 1989 года Гизетти А.А. реабилитирован.

5 февраля 1933 года Гизетти А.А. был арестован ПП ОГПУ в ЛВО. В числе других обвинялся в создании массовой к/р эсеровско-народнической организации (Ленинградский Областной Идеино-Организационный Центр) для борьбы за свержение Сов. власти и капиталистической реставрации и т. д., т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п.п. 10 и 11 УК.

Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 28 июня 1933 года Гизетти А.А. был осужден к заключению в ИТЛ сроком на 3 года.

По Заключению Прокуратуры г. Ленинграда от 31 августа 1989 года Гизетти А.А. реабилитирован.

* * *

Имени этого человека я не нашел ни в одном справочнике, кото-рых пришлось пересмотреть немало. У него была необычная для российского литератора фамилия — Гизетти, похожая на итальянскую; в судебных документах сказано, однако, что он, Александр Алексеевич, — русский.

В году 1917 и позднее он стал известен как автор брошюр и книг, имевших своим содержанием политические события, историю России, литературную критику. Поэтому судить о нем мы можем лишь по его творчеству.

Гизетти А.А. Борьба за свободную Россию. Пб., 1917.

Интеллигенция и народ. Пб., 1917.

Лавров как историк мысли. Пб., 1922.

Писатель-подвижник Глеб Успенский. Пб., 1922.

Сатирик-гражданин М.Е.Салтыков. Очерк жизни и творчества. Пб., 1923.

Светлые духом. /В.Г.Короленко/. Краткий биографический очерк. Пб., 1918, 1919, 1922.

Сто лет борьбы за свободу. От декабристов до наших дней. Краткая история революционного движения в России. Нью-Йорк., 1919.

Творческий путь Горького. Харьков, 1919, 1922.

Захар ДИЧАРОВ

Фото
не найдено

**Николай
Николаевич
ГЛЕБОВ-
ПУТИЛОВСКИЙ**

1883—1937.

ДВАЖДЫ ОСУЖДЕННЫЙ

СПРАВКА

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по С.-Петербургу и области сведений в отношении Глебова-Путиловского М. не имеется.

Имеется архивное уголовное дело в отношении ГЛЕБОВА-ПУТИЛОВСКОГО Николая Николаевича, 1883 г.р., ур. г. Чистополя, русского, образование среднее, до революции 3 раза арестовывался за рев. деятельность, до ареста — пенсионер, проживал по адресу: Ленинград, пр. 25 Октября, д. 60, кв. 5. Был арестован 20 июня 1938 года. Обвинялся в том, что являлся участником эсеровской организации, активно боролся против проводимой политики ЦК ВКП(б) в СССР, являлся организатором «Единой рабочей партии», противопоставляя последнюю партии большевиков в период революции, проводил к/р агитацию, т.е. в пр. пр. ст. 58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР.

Постановлением Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР от 29 декабря осужден к заключению в ИТЛ сроком на 8 лет.

Наказание отбывал в ИТЛ ст. Тавда, ж.д. им. Кагановича.

По данному делу реабилитирован Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 16 мая 1958 года.

Отбывая наказание, 8 февраля 1946 года Глебов-Путиловский осужден вторично по ст. 58-10 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы. Сведений о месте хранения дела и кем был осужден не имеется.

Старый питерский рабочий Николай Глебов добавил к своей фамилии имя «Путиловский». На этом заводе — Путиловском — он вступил в организацию РСДРП. Пролетарии этого завода послали его в Петербургский Совет в 1905 году. С годами неутомимый агитатор, пропагандист социалистических идей, он постигал науку жизни, культуру знаний, сделался видным участником революционного движения. Царской охранке он был хорошо известен, недаром она трижды подвергала его арестам.

К моменту революции 1917 года Глебов-Путиловский стал заметным партийным литератором, публицистом, журналистом. Глубоко убежденный ленинец, он в сборнике «25 лет. Воспоминания членов Петербургского Совета рабочих депутатов», вышедшем под его редакцией (Л., 1930 г.), пишет «Мы уже слышим доходящие до нас глухие раскаты мировой революции».

В начале 30-х годов он работает редактором в издательстве «Красной звезды». Свой опыт партийного литератора и публициста он передает молодым рабочим авторам. Еще в 1911 году в Петербурге появилась его публикация «Рабочие и министры», в которых слесарь, в ту пору рабочий Обуховского завода, в условиях царской цензуры рассказывал о переговорах рабочих-депутатов Петербургского Совета с министром-премьером Витте. Под кличкой «Степан» его хорошо знали в промышленных районах столицы.

В 1930 году вышла книга В.Гросса «Война в искусстве». Предисловие к ней написано Глебовым-Путиловским. Это серьезная искусствоведческая работа, в которой трактуется роль и значимость искусства в революционном строительстве. Отлично и интересно иллюстрированная, она оставила след в современной теоретической литературе.

Своеобразно отношение Глебова-Путиловского к такому новому в советской художественной литературе жанру, как фантастика. В 1931 году писатель, прозаик Ян Ларри выпустил роман «Страна счастливых». Он был выпущен 50-тысячным тиражом, причем анонсировался на трех языках: английском, французском, немецком.

Автор повествовал в книге о жизни в грядущей Советской республике, которой стала к тем далеким временам вся Земля. Уже существуют межпланетные путешествия, полеты на другие миры. Изменилась система общественных и межличностных отношений. Словом — свершилась мечта человечества о «Золотом веке».

Пространное предисловие к роману написано Глебовым-Путиловским. Подчеркивая, что произведения Яна Ларри — Утопия,

он приводит для сравнения утопические идеи Платона, Томаса Мора, Кампанеллы, Фурье, Сен-Симона, Оуэна, Кабэ, Беллами, Августа Бебеля, наконец и русского фантаста Александра Богдановича и заключает: «Ян Ларри рассказывает о социализме, до которого осталось идти немного» (разрядка моя. З.Д.)

Наивная вера советских фантастов тех лет (Александр Богданов в романах «Красная Звезда», «Инженер Мэнни») в близкое пришествие социализма Глебовым-Путиловским воспринимается как нечто почти реальное. Семь десятилетий назад Ян Ларри внедряет в ткань «Страны счастливых» такие термины, как «телевокс», «азрарий», «звездоплан», «Совет ста», «Клуб астрономов, в котором состоит 15 миллионов человек». Спустя годы этот же автор был заключен в тюрьму за другое фантастическое творение — роман «Небесный гость», главы которого вздумал посылать Сталину.

Мы мало знаем о литераторе Николае Глебове-Путиловском. Но о его убеждениях, о том, как он воспринимает современную ему действительность, можно судить по тому, что сказано в его следственном деле «...активно боролся против проводимой политики ЦК ВКП(б) в СССР». Так ли это было — нам неизвестно. Он был осужден дважды: в 1938 и в 1946 годах. А в 1958 — реабилитирован.

Какой была и какой стала для него «Страна счастливых» он в полной мере смог ощутить на себе...

Из библиографии Н. Глебова-Путиловского. (Псевдонимы «Голубь», «Степан»):

Через плотину интеллигентщины. Париж. 1908.

Дом здоровья. Л., 1930, Предисловие к книге: Дмитриевский Л., 1930, Письма с Путиловца.; 25 лет.

По воспоминаниям членов Петербургского Совета рабочих депутатов. 1931., Л.; Предисловие к роману Яна Ларри «Страна счастливых». Л., 1931.

Захар ДИЧАРОВ

**Оскар
Иосифович
ГУРВИЧ-
ИРИНИН**

род. 1921

ДАЛИ ПРОШЛОГО...

Министерство
безопасности Российской Федерации
Управление
по Санкт-Петербургу и области
16 марта 1993 г.
№ 10/Г-6200
гор. Санкт-Петербург

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

Из документов архивного фонда Управления Министерства безопасности РФ по Санкт-Петербургу и области установлено, что ГУРВИЧ Оскар Иосифович, 1921 г. рождения, уроженец г. Ленинграда, арестован 26 января 1945 года УНКВД по Ленинградской области.

Обвинялся в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 УК РСФСР.

Приговором Военного Трибунала войск НКВД Лен. области от 18–19 мая 1945 года был осужден к десяти годам лишения свободы.

По постановлению УКГБ при СМ СССР по Ленинградской области от 2 августа 1955 г. уголовное преследование Гурвича О.И. прекращено.

Гурвич Оскар Иосифович реабилитирован.

Начальник подразделения
А.Н.Пшеничный

АВТОР О СЕБЕ

Павел Ирнин (Оскар Иосифович Гурвич) родился 31 октября 1921 года в Петрограде. Отец — музыкант, мать — медработник и актриса. По окончании школы-десятилетки поступил в ленинградский Горный институт. Зимой 1941—42 годов жил и работал в блокадном Ленинграде. Весной 1942-го добровольцем ушел на фронт, а в 1943-м вернулся с фронта инвалидом и продолжил обучение в институте. В 1945 году арестован по ложному доносу и осужден по статье 58—10 (антисоветская пропаганда) на десять лет лишения свободы. Отбывал срок в лагерях Ухты и Воркуты Коми АССР.

В 1955 году был реабилитирован и продолжил обучение в Горном институте, который окончил в 1959-м. Работал инженером-геофизиком до 1964 года. С 1964 по 1976 годы преподавал в техникумах и школах. В 1971-м защитил диссертацию. Кандидат педагогических наук.

С 1971 по 1990 годы был лектором общества «Знание». Читал лекции по педагогике, психологии, а также на литературные темы. Выступал с чтением стихов русских поэтов, а также собственных.

С 1976 года — пенсионер. Занимаюсь литературной работой. Стихи и проза систематически публикуются в Ухте и Сыктывкаре, а также в Санкт-Петербурге в сборниках «Уроки гнева и любви», в журнале «Звезда» № 5 за 1998 год и в некоторых газетах. Также распространялись самиздатом и в магнитофонных записях. Первые стихи были опубликованы в журнале «Грани» (ФРГ) в 1957 году под псевдонимом.

Член ассоциации жертв репрессий СПб и общества «Мемориал» города Ухты.

ПАВЕЛ ИРИНИН

* * *

Глухая ночь и душное молчание.
Всё спит недвижно. Мрачно и темно.
Я превозмог такое расстояние,
Такое, что теперь мне все равно.

Каким путем? Надеждой? Верой? Словом?
Предчувствием ли? Жаждою ума?
Быть может, ночь давно была готова
Дорогу скрыть? Но привела сама...

Зарницы вспыхивают и сдаются
На милость тьме, горящей и сухой,
И я назад не смею оглянуться.
А кто-то шепчет тихо: «Милый мой!»

Я ветеран, но пасынок победы,
Свою любовь влачащий, как протез...
Иду к тебе! Я близко. Где ты? Где ты?
Я рядом!.. Но вокруг дремучий лес.

Воркута, 1954

«СВОБОДА» СЕВЕРА

Радуйся жизни на севере, брат,
С вьюгой, пургой воюй, как солдат.
Срок десятилетний ты отбыл сполна, —
Думай о жизни, что вечно юна!

Пусть ты обижен, забыт, одинок,
Есть еще в сердце твоём огонек,
Есть — и любовь, и мечты, и... тоска...
Знаю: «свобода» твоя не легка.
Но не посмеет тебя доконать

Тундра, и горе отступит опять.
Нет для тебя ни угроз, ни преград.
Радуйся жизни на севере, брат!

*Воркута, шахта 27
19 января 1955*

ПРАВО НА ПЕЧАЛЬ

Кинокадры частят
Как столбы за окном вагона...
Дни несутся назад
Без меня. Стою у перрона.

Отчего же грущу?
Отчего же набрякшие веки?
Поздно. Не защищу
Ничего, с чем расстался навеки.

Там тюрьма, там голодная жуть,
Безысходность мольбы и проклятий...
Отчего ж эта грусть
Как тепло от рукопожатий?

1984

*Фото
не найдено*

**Владимир
Иванович
ДМИТРЕВСКИЙ**

1908—1978

ТОЛЬКО ИМЯ...

**Федеральная Служба безопасности
Российской Федерации
Центральный архив
12.08.99 № 10/А-2667
Москва**

ДМИТРЕВСКИЙ Владимир Иванович, 1908 года рождения, уроженец с. Воскресенское Чернского района Тульской области, 1 октября 1948 года арестован и по постановлению Особого Совещания при МГБ СССР от 25 мая 1949 года по ст. 58 п. 1а (измена Родине) УК РСФСР заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 15 лет. Наказание отбывал в лагере Озерный МВД СССР (ст. Тайшет-Братск Восточно-Сибирской ж.д.).

По постановлению Комиссии Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления от 24 сентября 1956 года от дальнейшего наказания освобожден.

Определением военного трибунала Московского военного округа от 30 мая 1957 года Дмитревский В.И. реабилитирован.

Начальник архива Н.П.Михейкин

Дмитревский Владимир Иванович, 1908 года рождения, русский, член КПСС с 1928 года, член Союза Писателей с 1946 года.

В.Дмитревский — старейший и опытный литератор, проработавший много лет в Ленинградской газете «Смена» и в других органах печати. Он заведывал иностранным отделом «Смены» и одновременно преподавал в Коммунистическом Институте Журналистики им. Воровского мировое хозяйство и мировую политику. Затем на протяжении многих лет он работал в Москве специальным корреспондентом газет «Известия» и «Труд», по решению ЦК ВКП(б) был направлен в Исполнительное бюро Профинтерна, а затем являлся заместителем ответственного редактора журнала «Интернациональная литература», выходявшего на нескольких языках.

В.И.Дмитревский является автором многих публицистических, критических и очерковых работ, в том числе сборники политических памфлетов: «Демпинг», «Мистер Фиш сердится на большевиков», «Семеро из Скотсборо». Его критические статьи и очерки печатались в журналах «Новый мир», «Интернациональная литература», «Огонек», «Звезда» и др.

(Из характеристики Союза писателей С.-Петербурга)

**Андрей
Николаевич
ЕГУНОВ**

1895—1968

ОДИССЕЯ XX ВЕКА

АРХИВНАЯ СПРАВКА

о наличии сведений

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что

ЕГУНОВ Андрей Николаевич, 1895

года рождения, уроженец г. Ашхабада, русский, из дворян, образование высшее, педагог-литератор, проживавший по адресу:

г. Ленинград, ул. Рубинштейна,

д. 15/17, кв. 233,

был арестован 20 января 1933 года на основании ордера ПП ОГПУ в ЛВО.

Обвинялся в том, что в числе других являлся членом контрреволюционного народнического кружка литературной молодежи, организованного «Идейно-Организационным Центром» к/р эсеровско-народнической организации, устраивал систематические и специально конспирируемые собрания кружка, на которых обсуждали в духе программных и тактических установок Центра текущие политические вопросы и проводил коллективные чтения эсеровско-народнической и вообще к/р и запрещенной литературы, вырабатывал письменную литературно-политическую платформу кружка в соответствии с общими программными установками к/р

эсеровско-народнической организации, вел эсеровско-народническую пропаганду, распространял эсеровско-народнические и запрещенные литературные произведения собственные и других авторов, получал непосредственно от руководителей «Идейно-Организационного Центра» директивы активизации борьбы всеми мерами против сов. власти, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-11 УК.

Постановлением тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 21 апреля 1933 года Егунов А.Н. был осужден к высылке в ЗапСибКрай сроком на 3 года.

Постановлением Президиума Ленинградского Городского Суда от 20 апреля 1956 года Постановление тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 21 апреля 1933 года в отношении Егунова Андрея Николаевича отменено и дело о нем производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

о наличии сведений

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что

Егунов Андрей Николаевич, 1895 года рождения, уроженец г. Риги, образование высшее, беспартийный, в настоящее время не работает, в 1933 году административно высылался органами ОГПУ сроком на 3 года,

был арестован 12 октября 1946 года ОКР 8 Гвардейской армии в Германии.

Обвинялся в том, что «проживая на временно оккупированной немцами советской территории, осенью 1941 года добровольно выехал на работу в Германию... перешел демаркационную линию из советской зоны оккупации Германии в американскую с намерением остаться там на постоянное жительство», т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 «а» УК РСФСР.

Приговором ВТ 8 Гвардейской армии от 13 декабря 1946 года осужден к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет, без конфискации имущества.

По заключению Прокуратуры г. Санкт-Петербурга от 20 июля 1992 года Егунов А.Н. реабилитирован.

ОДИССЕЯ XX ВЕКА

Скажешь — «Андрей Николаевич Егунов». И слышишь в ответ звучание гекзаметров «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. Видишь тра-

гические дороги фашистского плена и отечественных ссылок... Поистине жизненный путь Егунова — это трудные дороги, это драматически-романтическая эпопея, сложенная самой судьбой.

Русскому поэту, прозаику, литературоведу суждено было родиться в Средней Азии, в Ашхабаде. Было это 14/26/ сентября 1895 года. И сейчас же вспоминается Кронштадт, в котором отцу довелось начать служить в 1903 году. Ну, а где Кронштадт, там и Петербург, который и стал Андрею с 1904 года родным городом. «...Лучше всякого Парижа город, город мне родной, создан он мечтой одной...» — писал позднее Егунов о Петербурге.

В Петербурге Андрей Николаевич учился в Тенишевском училище, там появились первые его стихи. После окончания Тенишевского училища началось в 1913 году обучение на классическом отделении историко-филологического факультета Петербургского университета. Помимо классического Егунов учился и на славяно-русском отделении, также слушал лекции на романо-германском отделении.

Университет Андрей Николаевич окончил в 1919 году, был оставлен в Университете для подготовки к профессиональному званию. Но классическое отделение переживало в ту пору трудные времена. Егунов стал научным сотрудником Академии истории материальной культуры, преподавал русский и иностранные языки в учебных заведениях Петрограда—Ленинграда, а также на рабфаке Электротехнического института. Поразительна широта его научно-общественных интересов, раскрывшаяся уже в 20-е годы. В 1931 году преподавал немецкий язык в Военно-морском инженерном училище, руководил там и английским чтением курсантов, особенно во время учебного плавания в Швецию летом 1932 года.

Поэтами, как известно, рождаются. Стихи Егунова еще в 1920 году получили одобрение Александра Блока. Из современных поэтов наиболее близким были ему Михаил Кузмин и Константин Вагинов. Как-то М.Кузмин записал в свой дневник: «Приходил /.../ утешительный Егунов, оставивший мне совсем хорошие и увлекательные рассказы». Дарование поэта и прозаика Егунов соединял в себе с эрудицией ученого и мастерством переводчика. В 1923 году в «Полном собрании творений Платона» Егунов выступил как автор переводов, вступительных статей и примечаний.

Рассказы, вызвавшие одобрение М.Кузмина, не дошли до нас; от тех лет сохранились и не все стихи. Ушла бы во мрак неизвестности и конкретика жизни и творчества, если бы не заботы друзей. Прежде всего, благодаря трудам В.И.Сомсикова и Г.А.Морева, мы можем увидеть многое из жизни и творчества А.Н.Егунова и

Андрея Николаева — под таким псевдонимом Егунов выступал как прозаик и поэт.

В 1925 году в Москве в переводе А.В.Болдырева, А.И.Доватура, А.Н.Егунова и А.М.Миханкова был издан роман Ахилла Татия Александрийского «Левкиппа и Клитофонт». В 1932 году благодаря заботам Егунова и его друзей по науке издан роман Гелиодора «Эфиопика». С.В.Полякова так вспоминает об этом: «Смелым и даже дерзким экспериментом воссоздания стиля оригинала были переводы романов Ахилла Татия и Гелиодора, в каждом из которых А.Н.Егунов переводил по две книги — третью и шестую в романе Ахилла Татия и третью и девятую в «Эфиопике» Гелиодора.

В 1929—1932 гг. были написаны стихи, давшие начало сборнику Андрея Николаева «Елисейские радости», была закончена первая редакция поэмы «Беспредметная юность». Г.Морев отметил родственность творческих поисков Анны Ахматовой, М.Кузмина, О.Мандельштама, К.Вагинова и А.Николаева.

Не забыли мы сказать и о художественной прозе А.Николаева, — о первом романе А.Николаева «По ту сторону Тулы». В самом тексте романа постоянны литературно-исторические ассоциации, герой романа думает о Муции Сцеволе, в его речах возникают и Нерон, и гнев Ахиллеса. Роман насыщен и реальной конкретной современности; среди его персонажей — и кооператор, и выпускник политехнического института, и сельские учительницы, и юные девушки, и пенсионеры.

Роман «По ту сторону Тулы» был издан в Ленинграде в 1931 году благодаря дружескому участию К.А.Федина. Но читатель романа не увидел. В том же 1931 году на него появилась отрицательная рецензия в журнале «Книга строителям социализма», и тираж был, по-видимому, конфискован.

Беды, однако, только лишь начинались. Как отмечают Г.А.Морев и В.И.Сомсиков, издание в 1932 году «Эфиопики» Гелиодора стало не только значительнейшей, но и трагической вехой на пути Егунова — в течение последующих почти тридцати лет он не мог опубликовать ни строчки. В 1933 году Андрей Николаевич был арестован по делу, связанному с арестом Р.В.Иванова-Разумника, и был приговорен к трехлетней ссылке в Томскую область.

Известно, что Егунов виделся там с сосланным также в Сибирь поэтом Николаем Клюевым. Там он восстановил по памяти поэму «Беспредметная юность», (позднее был найден и первый ее вариант). Текст второго романа Андрея Николаева «Василий остров» до нас не дошел. После окончания ссылки Андрей Николаевич преподавал в Томском университете.

Вернуться в Ленинград ему не разрешили. В 1938 году он поселился в Новгороде, преподавал иностранные языки в вечерней школе, затем регулярно приезжал в Ленинград преподавать латынь и древнегреческий. В 1940 году стал старшим преподавателем на кафедре классической филологии Ленинградского университета.

В 1941-м году Новгород оказался на временно оккупированной территории. Вместе с матерью и братом Андрей Николаевич был вывезен фашистами в Германию в качестве «остарбайтера» на принудительные работы. Уже после Победы Андрей Николаевич был арестован и осужден в 1946 году на 10 лет лагерей.

Срок Андрей Николаевич отбывал в Сибири и Казахстане. Дни в неволе проходили в тягостных раздумьях об еще одной несправедливости. Ни мать, ни жену Андрей Николаевич больше не увидел.

Весной 1956 года Комиссией Президиума Верховного Совета СССР он был освобожден: всего лишь за несколько дней до истечения нескончаемого долгого срока.

Но вот снова — родной город на Неве и А.Н.Егунов становится сотрудником сектора взаимосвязей русской и зарубежных литератур в Пушкинском Доме. Удивительных людей умеет собирать Пушкинский Дом! Вот и Андрей Николаевич был одним из таких; его пушкинодомские научные труды и теперь читаются с захватывающим интересом, его переводы античных авторов — смелое и мудрое воссоздание оригинала, его улыбка... нет, ее уже не увидишь ныне в Пушкинском Доме.

Тонкий знаток античного мира, особую известность как исследователь и интерпретатор классической древности Егунов приобрел именно во время работы в Пушкинском Доме. Он не только подарил русскому читателю ранее ему не известные произведения древнегреческой литературы, но, изучая творчество Феофана Прокоповича, М.В.Ломоносова, А.П.Сумарокова, Н.И.Гнедича, В.К.Кюхельбекера, Н.Г.Чернышевского, И.С.Тургенева и других русских писателей, детально раскрывал русско-античное взаимодействие.

Как вспоминает Р.Ю.Данилевский, Андрей Николаевич держался очень скромно, входил в Пушкинский Дом как бы незаметно, говорил мало и тихим голосом, но чувствовалось, что за этой тихостью существовала глубокая и сложная душевная жизнь. Приходил, неся старенький портфельчик, похожий на школьный, но в этом скромном портфеле приходили в Пушкинский Дом замечательные научные труды Андрея Николаевича, например его переводы Платона, над которыми он начал работать еще в 20-е годы и

работал до последних лет жизни; перевел «Законы», диалог «Федр» и «Государство».

Как вспоминает сотрудник Пушкинского Дома П.Р.Заборов, Егунов стремился всегда и везде идти непроторенными путями; природная одаренность сочеталась у него с видением исследуемого материала; мыслитель и художник соединялись в нем, чем бы он ни занимался, и потому так глубоко и самобытно то, что он сделал. К этому можно добавить, что Андрей Николаевич находил душевные силы и для того, чтобы проявить внимание к молодым сотрудникам, после критически-творческого обсуждения их работ обычно говорил им добрые слова.

Откуда же могли быть душевные силы у человека с такой трудной судьбой? Как вспоминает Т.Л.Никольская, девизом Андрея Николаевича были слова Архилоха: «В меру радуйся удаче, в меру в горестях тужи». К тому же обе ссылки закончились, а жизнь подарила Андрею Николаевичу в последние его годы радость общения с друзьями по юности и по совместной работе, прежде всего А.И.Доватуром и Я.М.Боровским.

Самый значительный труд А.Н.Егунова — монография «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков», изданная Пушкинским Домом. Переводчики предстают здесь живыми и яркими индивидуальностями, деятельными участниками литературно-общественной жизни своего времени, которую историк стремится воссоздать во всей ее многокрасочности и духовной красоте. Особенно много внимания уделено Гнедичу и Жуковскому, благодаря которым, по словам Егунова, «Гомер включен в золотой фонд русской литературы».

Как писал В.А.Жуковский о своей работе над переводом Гомера, «в разговоре моем с поэтом, отделенном от меня 30-ю веками, сердце сердцу весть подало». На перевод Жуковского, как напоминает сам Егунов, откликнулось и сердце читателя; перевод Жуковским «Одиссеи» Гомера Н.В.Гоголь назвал подвигом, венцом литературного развития Жуковского. Своеобразие концепции Егунова заключается и в том, что он рассматривает перевод классической литературы, как принадлежащий национальной культуре переводчика, и рассматривает переводы эти, как памятники русской литературы и вершины русской поэзии.

О книге «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков» писали, что она создана филологом в широком смысле этого слова и что вместе с тем она создана и поэтом. Это именно так. Точнее было бы назвать ее «Гомер и русская культура».

В новое тысячелетие несомненно перейдут и переводы Егунова.

Он впервые раскрыл на русском языке своеобразие речи Платона в его знаменитых диалогах. Работа редактора — также немало-важный раздел творческой палитры Андрея Николаевича, причем в области не только античной, но и русской литературы.

«Все, что делал А.Н.Егунов в своей жизни, отмечено было присущей ему увлеченностью своими занятиями и особой культурой труда», — подчеркивали его друзья М.П.Алексеев, Ю.Д.Левин, С.В.Полякова в журнале Пушкинского Дома «Русская литература» /1969, № 1/. Об этом свидетельствует и его поэзия, к изучению которой обратились совсем недавно. В Собрании произведений А.Николаева, изданном в Вене в 1933 году, Г.Морев и В.Сомсиков подчеркнули, что творчество Николаева становится в ряд с крупнейшими поэтическими явлениями. К творчеству А.Николаева обращаются и зарубежные исследователи, югославский литературовед Б.Косанович опубликовал специальные статьи о «Беспредметной юности» и романе «По ту сторону Тулы». Творческая жизнь Егунова продолжается.

Владислав ШОШИН

**Федор
Ефимович
ЗАРИН**

1870—1935

**ФЕДОР ЗАРИН —
ПОЭТ, ДРАМАТУРГ, ПРОЗАИК**

ЗАРИН Федор Ефимович [псевдоним Зарин-Несвицкий и др.; 28.11(10.12).1870, Петербург — не ранее 1935], поэт, прозаик, автор пьес. Сын Е.С.Зарина и Е.И.Зариной, брат А.Е.Зарина*. Закончил шесть классов 10-й петербургской гимназии. В 1891 поступил на военную службу вольноопределяющимся в Александро-Невский пехотный батальон, в 1892 уволен в запас в чине прапорщика. Был чиновником в Канцелярии министра путей сообщения (1892—1913); дослужился до чина надворного советника. Проходил военную службу во время русско-японской войны на Дальнем Востоке (резервные части) и во время 1-й мировой войны (ополчение).

Печататься начал в 1893 (самые ранние выявленные публикации — стихотворение «Молитва» — «Нива», № 9, и «На реке» — ЖО, № 10). Первые книги Зарина — «Стихотворения» (СПб., 1896; положительный, хотя и с оговорками, отзыв Ап. К<оринф>ского — ВИ, 1896, № 1410), «Стихотворения» (СПб., 1899; поч. отзыв на Пушкинском конкурсе АН, 1901). При сравнительно высоком уровне версификационной техники стихи Зарина, однако, не обнаруживают оригинального дарования: в них эклектически совмещаются

* Семья известных петербургских литераторов.

черты поэтики различных авторов 1870–80-х гг. (А.Н.Майков, А.Н.Апухтин, К.М.Фофанов, А.А.Голенищев-Кутузов, Д.Н.Цертелев и др.). Его книги, типичные образцы «отраженной поэзии», включают переводы (Овидия, Дж.Байрона, Анны Негри, А.Мюссе, В.Гюго), «драматические сцены» («Понция» — о Риме времен Нерона, «На жизненной сцене» — об актере Д.Гаррике), «восточную поэму» «Сафар», а также ориентированную на романс любовную лирику («Сияет солнце надо мною, / И дышит все вокруг весной... / Моя душа полна тобою, / И я не знаю, что со мной!»). Мирозренческий и эстетический ретроспективизм Зарина обусловлен во многом воспитанием в семье, где царил культ русской классики. Не добившись признания в качестве поэта, но тем не менее стремясь стать профессиональным литератором, Зарин в дальнейшем выступал в основном как автор исторических романов и повестей для юношества: «Джиакометта» («Детское чтение», 1902, № 1, 4, 5), «Скопин-Шуйский» (СПб., 1910), «На заре» («Баян», 1905, № 1–8; отдельное издание — М., 1911), «Летающий пономарь» (СПб., 1911; под названием «Гайна поповского сына», СПб., 1913), «Под гнетом судьбы» (СПб., 1912), «Наследница Византии» (СПб., 1914) и др. Написал также пьесы «Рагузада» (СПб., 1904; положительная рецензия: РМ, 1904, № 10; отрицательная рецензия: <А.М.Редько> — РБ, 1904, № 11), «В век Екатерины» (совместно с В.П.Бурениным, СПб., 1914; «безличный, гладкий язык, действие развивается беспомощно... Действующие лица удивительно неоригинальны» — «Речь», 1914, 13 апреля), «Перед рассветом», исполняющиеся в Петрограде и провинции. Помещал стихи, рассказы, повести, исторические и биографические очерки в журналах «Нива», «Всходы», «Природа и люди», «Баян», «Лукоморье», «Звезда», в газете «Биржевые ведомости» и других.

Критики, которые, как и Зарин, ориентировались на литературное прошлое, обычно положительно оценивали его произведения. Так, А.А.Голенищев-Кутузов как достоинство отметил отсутствие в стихах Зарина «недуга искания чего-то нового, небывалого, невиданного и неслыханного, безыскусственное отношение его к избираемым им сюжетам, яркость образов и звучность стихов» (см.: Сб. ОРЯС, т. 75, № 4. с. 107–08), В.П.Буренин в рецензии на исторический роман «За чужую свободу» (ИВ, 1915, № 5–12) писал, что Зарин «выработал свое дарование в хорошей школе и является верным последователем» Л.Н.Толстого (НВ, 1915, 18 сентября). Однако в целом творчество Зарина явно вторично, воспроизводит расхожие мотивы и сюжеты.

В 1919–20 служил в Красной Армии, в должности адъютанта в

отдельном стрелковом Башкирском батальоне. В советское время не печатался. В 1922—23 в клубах и Театре миниатюр шли его пьесы «На рассвете», «Убийцы» и «На жизненной сцене». Историческая трагедия «Трибун» была отмечена на Всероссийском конкурсе в Москве (1922). Исторический роман «Канун великого дня», заверченный Зариным в середине 1920-х гг., остался неопубликованным.

В 1933 был арестован ОГПУ по обвинению в антисоветской агитации и контрреволюционной деятельности; в 1934 дело было прекращено за недоказанность обвинения (Архив КГБ Ленинградской области, следственное дело).

Другие произведения: историческая пьеса «На пороге» («Исторический журнал для всех», 1909, № 3—5); исторические повести и роман «Шиши» (СПб., 1912), «Борьба у престола» (ИВ, 1913, № 1—11), «Первые потешные» (СПб, 1913); рассказ «Хунхуз Чен-До» (П., 1914); перевод книги (и вступительная статья); А м б а р ц у м я н А., Стихотворения (Вена, 1929).

Лит.: Б л о к, VI, 475—76; Венгеров. Список; Иванов; Масанов.

А р х и в ы: ЦГАЛИ, ф. 1068, № 61 (автобиография 1922); ф. 208, оп. 1. № 289 (биограф. справка 1927); ИРЛИ, Р. 1, оп. 10, № 18 (автобиография 1923); ф. 273, оп. 2, № 7 (автобиография 1912); ф. 123, оп. 1, № 367 (анкета с биограф. сведениями 1906); ЦГИА, ф. 229, оп. 18, д. 3254 (л.д. 1915 г.: м.с.); ЦГВИА, ф. 409, п/с 314—834 (п/с. 1915 г.).

А.И.РЕЙТБЛАТ

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что

Зарин-Несвицкий Федор Ефимович,
1870 года рождения, уроженец
г. Петербурга, русский, гражданин
СССР, среднее образование, бес-
партийный, несудившийся, проживал
по адресу: Д. Село, ул. К.Маркса,
д. 14, кв. 5,

привлекался в 1933 году по делу о создании и участии в контрреволюционной организации, целью которой было свержение Советской власти и реставрация монархического образа управления.

Виновность Зарина-Несвицкого Ф.Е. материалами следствия не подтвердилась, подписка о невыезде была аннулирована. Дело в отношении него производством прекращено. (По материалам обвинительного заключения.)

**Руфь
Александровна
ЗЕВИНА**

род. 1918

ПИСАТЕЛЬ О СЕБЕ

Я, Зевина Руфь Александровна (литературный псевдоним Зернова), родилась 15 февраля 1918 г. в местечке Калараш (Бессарабия). В том же месяце наша семья переехала в Одессу, где я кончила десятилетку в 1936 г. Осенью 1936 г. поступила на филологический факультет Ленинградского университета. В 1938 году добровольно уехала переводчицей в сражающуюся Испанию, откуда вернулась в феврале 1939 года. С 1939 года по указанию ЦК комсомола уехала работать переводчицей в Москву, в Наркомат Военно-морского флота. Работала до февраля 1942 г. (зиму 41–42 года в Ульяновске, куда был эвакуирован Наркомат). Весной 1942 г. уехала к родителям в Ташкент, где в 1943 г. вышла замуж за Илью Зеликовича Сермана, родила дочь. Работала в Ташкенте переводчицей в Ташкентском отделении ТАСС. В 1945 году вернулась с семьей в Ленинград, в университет, который окончила в 1947 году. В 1946 году родила сына.

В 1949 году по клеветническому обвинению была арестована; в 1954 году освобождена. В настоящее время полностью реабилитирована. Литературной работой стала заниматься с 1945 года. В 1964 году была принята в члены Союза писателей. Первая книжка «Скорпионовы ягоды» вышла в 1961 году. В 1963 году вышли сборники «Свет и тень» и «Бакалао». В 1967 — сборник «Длинное-длинное лето» и повесть «Солнечная сторона» в журнале «Звезда».

Р. ЗЕВИНА
25 февраля 1968

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

Из материалов архивного фонда Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что

ЗЕВИНА Руфь Александровна,
1918 года рождения, уроженка г. Калараш
Кишиневского уезда Молдавской ССР,
еврейка, образование высшее, беспартийная,
на момент ареста — домашняя хозяйка,
проживала по адресу: Ленинград,
проспект Добролюбова, д. 19, кв. 42,
арестована 6 апреля 1949 года.

Обвинялась в том, что высказывала клеветнические измышления о политике партии и Советского правительства, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР (ред. 1926 г.).

По приговору Ленгорсуда от 7 июля 1949 года ЗЕВИНА Р.А. осуждена к 10 годам ИТЛ.

Определением Судебной Коллегии Верховного Суда РСФСР от 8 сентября 1949 года приговор Ленгорсуда от 7 июля 1949 г. в отношении ЗЕВИНОЙ Р.А. остался в силе.

По определению Судебной Коллегии Верховного Суда РСФСР от 29 мая 1954 г. приговор Ленгорсуда от 7 июля 1949 года и определение Судебной Коллегии Верховного Суда РСФСР от 8 сентября 1949 года в отношении Зевиной Р.А. изменено. Назначенное ей судом наказание понижено до 5 лет. За отбытием наказания Зевина Р.А. из-под стражи освобождена. В силу Указа от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» Зевина Р.А. считается несудимой.

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 12 апреля 1961 года приговор Ленгорсуда от 7 июля 1949 года, определение Верховного Суда РСФСР от 8 сентября 1949 г. и определение Судебной Коллегии Верховного Суда РСФСР от 29 мая 1954 года в отношении Зевиной Р.А. отменены и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Других сведений в отношении Зевиной Р.А. не имеется.

27.09.1999 года.

**Из библиографии Зевиной Р.А.
(Зернова — литературный псевдоним):**

Скорпионовы ягоды. М., 1961; Солнечная сторона. Л., 1968; Света и тени. Л., 1963; Немые звонки. Повести и рассказы. Л., 1974. Женские рассказы. Эрмит., 1982; Это было про нас. Иерусалим, 1988. Длинные тени. Иерусалим, 1995.

**Алексей
Тихонович
ЗИНОВЬЕВ**

1896—1959

«ЗА НЕДОКАЗАННОСТЬЮ...»

ЗИНОВЬЕВ (подписывался также псевд. Зиновин) Алексей Тихонович (10.11.1896, д. Дмитровка, ныне Воронеж. обл. — 11.1.1959, Ленинград) — драматург. Чл. КПСС с 1919. Окончил коммерческое училище (1913). В 1915—1917 служил в армии, в 1919—1923 — на Балтфлоте. В 1923—1925 учился на фак. обществ. наук Ленингр. ун-та, в 1926—1932 — в комвузе, был на партийной работе. В 1933 направлен в МТС. С 1935 — зам. директора киностудии «Советская Беларусь» (Ленинград). В годы Великой Отечественной войны — редактор военной газеты. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и др. Литературную деятельность начал в 1922. Автор пьес «Перекаты» (Лиговский рабочий театр, 1923), «Шелковые чулки» (Передвиж. театр «Синяя птица», 1925), «Нейтралитет» (Моск. драм. театр им. Каляева, 1930). Написал либретто музыкальной комедии «Две весны» (Ленинград, Молодежн. театр стройки, 1938) и сценарий фильма «Балтийцы» (1937, в соавт. с А.Штейном).

1. Нейтралитет: Пьеса в 4-х д. — Л.; М., 1930; Хлопок: Пьеса в 4-х д. — М.; Л., 1931; Дивизион славы (Балтийцы); Сценарий звукового фильма. — Л.; М., 1937. В соавт. с А.Штейном; То же в кн.: Штейн А.: Киносценарии. М., 1950; Крылья гнева: Пьеса в 4-х д. —

Звезда, 1945, № 12; Повесть о Марфите. — В кн.: Кировская новь, 1956, кн. 9; Балтийская слава: Киноповесть. — Звезда, 1957, № 10.

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

Из материалов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и области следует, что

ЗИНОВЬЕВ Алексей Тихонович, 1896 года рождения, уроженец Воронежской области, Новохошрского района д. Дмитровка, чл. ВКП(б), с незаконченным высшим образованием, награжден орденом Красной Звезды и медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», до ареста — сценарист, директор Ленинградского Дома писателя им. Маяковского, член Ленинградского отделения Союза советских писателей, проживал по адресу: г. Ленинград,

ул. Каляева, д. 23, кв. 17, был арестован 20 июля 1949 года.

Обвинялся в том, что он с 1947 года до 1949 года среди окружавших его лиц проводил а/с агитацию, клеветал на советскую действительность, на материальное положение трудящихся в СССР, на положение советских писателей, т. е. в пр. пр. ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР.

Приговором Ленинградского городского суда от 16 ноября 1949 года Зиновьев А.Т. осужден на 10 лет ИТЛ с последующим поражением в правах сроком на 5 лет.

Определением Верховного Суда РСФСР от 17 декабря 1949 года приговор по настоящему делу оставлен в силе.

Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 7 июля 1955 года дело в отношении Зиновьева А.Т. производством прекращено за недоказанностью предъявленного обвинения.

**Евгений
Иванович
ЗАМЯТИН**

1884—1937

СТРОИТЕЛЬ КНИГ И ЛЕДОКОЛОВ

С П Р А В К А

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и области установлено, что

ЗАМЯТИН Евгений Иванович, 1894 г. р.,

ур. г. Липецка, Тамбовской губ., сын
учителя, русский, преподаватель

Политехнического института, литера-
тор, с 1917 года заведующий редак-
цией в отделении Госиздата «Всемирная
литература», проживал по адресу:

Петроград, Моховая ул., д. 36, кв. 4.

15 февраля 1919 года был арестован ЧК при СКСО по подозрению в принадлежности к партии левых эсеров и 16 февраля освобожден «как непричастный».

17 августа 1922 года арестован Петроградским Губернским Отделом ГПУ.

Обвинялся в том, что «не примирился с существующей в России рабоче-крестьянской властью, ни на один момент не прекращал своей анти-советской деятельности, причем в момент внешних затруднений для РСФСР усиливал свою к/р деятельность, т. е. в пр. пр. 57 УК РСФСР.

9 сентября 1922 года освобожден под подписку о невыезде.

Согласно Заключению по делу Замятин подлежал высылке из преде-

лов СССР за границу, но вследствие Постановления Комиссии тов. Дзержинского от 31 августа 1922 года высылка была отсрочена до особого распоряжения.

* * *

Известный литературный критик Виктор Шкловский говорил о нем: «В литературу Замятин вошел сильно и уверенно — как ледокол, ломая перед собой лед. Редко кто так хорошо начинает».

Так оно и было. Критик оказался пророком.

Его романы, повести, рассказы, пьесы — издаются и переиздаются, мы говорим о нем — классик; мы думаем о нем — Замятин — по всем параметрам писатель русской земли, творец родного языка. Живописец образа и слова. Но и он в былое время не избежал тюремных решеток, репрессий, преследований.

Сегодня — и о нем речь.

ЗАМЯТИН Евгений Иванович [20.1(1.2).1884, г. Лебедянь Тамбов. губ. — 10.3.1937, Париж; похоронен в пригороде Парижа — Тие], прозаик.

В 1916 выходит первый сб-к произв. З. «Уездное. Повести и рассказы» (П., 1916), вызвавший большое количество откликов. Критики писали о рождении «нового таланта», «нового Гоголя»; И.М.Василевский <Не-Буква>, отражая всеобщее мнение, писал о «большой силе изобразительности», «серьезности, почти суровости» автора (ЖЖ, 1916, № 7). Особенности мировидения З. и двойственное отношение писателя к «уездной, темной, провинциальной России» отмечал В.Полонский: с одной стороны, «симпатия к человеку грязному, пришибленному, даже одичалому», с другой — «добродушная ласковость», смягчающая «острую непривлекательность его персонажей» («Летопись», 1916, № 3, с. 263).

В марте 1916 З. командировали в Англию для наблюдения за стр-вом судов по рус. заказам на заводах в Ньюкасле, Глазго, Сандерленде. Работал З. в Англии одержимо, сочетая инж.-строит. занятия (участвовал в создании пяти ледоколов, в т. ч. «Св. Александр Невский» и «Святогор»; переименованы после революции — «Ленин» и «Красин») с литературными.

Весть о Февр. революции 1917 З. воспринял с энтузиазмом, но, по условиям воен. времени, смог вернуться в Россию лишь в сент. 1917, сразу же включившись в публицистич. и худож. просветит. и редакторскую деятельность (в «веселую» и «жуткую» зиму 1917/18). Он публикует статьи, рассказы и сказки в «Деле народа», «Нов.

жизни», «Мысли», «Ежемес. журнале», в к-рых полемизирует со «скифами» Ивановым-Разумником, Блоком («Скифы ли?» — «Дело народа», 1918, № 3; «Домашние и дикие» — там же, 1918, № 35; обе, как и др. статьи, за подписью Мих. Платонов) и «состарившимися», подражающими «правительственным образцам» футуристами («Презентисты» — там же, 1918, 2 июня); высмеивает теоретич. установки и творчество пролеткультовцев («О равномерном распределении» — «Нов. жизнь», 1918, № 106). Отношение З. к Окт. революции было во многом созвучно «Несвоевременным мыслям» Горького (осенью 1917 состоялось их знакомство) и «насквозь пропитанному любовью и скорбью» (в ст. «Скифы ли?») «Слову о гибели рус. земли» Ремизова. Репутация З., как бунтаря, еретика, «внутр. эмигранта», установилась очень рано и он сделал все, чтобы ее упрочить. «Я ни в какой мере не хочу изображать из себя оскорбленную невинность... Я знаю, что у меня есть очень неудобная привычка говорить не то, что в данный момент выгодно, а то, что мне кажется правдой», — писал он И.В.Сталину (1931), настаивая на законности и правомерности своей позиции отрицат. отношения к «лит. раболепству, прислуживанию и перекрашиванию» (З а м я т и н. Соч., с. 490), резко и отчетливо заявленной в его лит. манифесте «Я боюсь» («Дом иск-в», 1921, № 1), статьях «Рай» (там же, № 2), «Новая рус. проза» («Рус. иск-во», 1923, № 2—3), «О синтетизме» (в кн.: А н н е н к о в Ю., Портреты, П., 1922), «О сегодняшнем и о современном» («Рус. совр.», 1924, № 2), «Перегудам. От ред. „Рус. совр.«» (там же, 1924, № 4; полностью — «Книжное обозр.», 1989, № 18) и ром. «Мы».

Судьба З. на родине после Окт. революции складывалась с самого начала драматично. Еще в февр. 1919 он вместе с Ивановым-Разумником, Блоком и др. был арестован по «делу левых эсеров», но вскоре выпущен без к.-л. последствий. В авг. 1922 З. вновь арестован; в составе большой группы философов и историков его должны были выслать «бессрочно» из России, но благодаря вмешательству друзей он остался в стране. Один за другим рушились и издат. планы. С закрытием в мае 1924 ж. «Рус. современник», к-рым он руководил совм. с К.И.Чуковским, З. отходит временно от ред. и публиц. деятельности.

Самое значит. свое произв. — роман «Мы» (1920) З. тщетно пытался опубл. в СССР (см. анонсы в ж-лах за 1921—23). Впервые был опубл. в англ. переводе (1924), а затем — при посредничестве Р.Якобсона — на чешском (1927) и — по инициативе И.Г.Эренбурга — франц. (1929) языках (впервые опубл. на родине — «Знамя», 1988, № 4—5, предисл. В.Я.Лакшина), но широкое распростране-

ние рукописи сделало возможным появление на него в сов. печати критич. откликов, гл. обр. отрицат. характера, позднее, в 1929, дегрاديровавших до крайне упрощенных оценок-приговоров роману как злобного и пасквильного, клеветнического и антисоциалистич. произведения. «Мы» ознаменовало окончат. формирование нового жанра — романа-антиутопии (т. е. диаметрально противоположного по интенциям и сути классич. утопии, «родовые и неизменные признаки к-рой» назвал З. в ст. «Генеалогическое дерево Уэллса»), сам писатель предпочитал такие жанровые определения, как «городская сказка», «механич., химич. сказка», «городской миф».

Дж. Оруэлл, автор ром.-антиутопии «1984», считал, что «интуитивное раскрытие иррациональной стороны тоталитаризма — жертвенности, жестокости как самоцели, обожания Вождя, наделенного божественными чертами, — ставит книгу З. выше книги [“Прекрасный новый мир”] Хаксли» (О р у э л л Д ж., «1984» и эссе разных лет, М., 1989, с. 308).

* * *

Память о замечательном русском писателе живет сегодня не только в его книгах, но и в одном из его детищ — легендарном ледоколе «Красин» /в прошлом — «Святогор»/. Много подвигов совершил этот корабль за свой морской век. А ныне он стоит у Набережной лейтенанта Шмидта в Неве и что ни день на его палубах и в помещениях можно видеть группы экскурсантов, пришедших в плавающий морской музей, — ибо именно таков его современный титул.

И на одном из стендов — лицо того, кто был строителем «Красина»: писателя Евгения Замятина.

Захар ДИЧАРОВ,
член Ученого Совета
корабля-музея «Красин»

**Разумнк
Васильевич
ИВАНОВ-
РАЗУМНИК**

1878—1946

ТЮРЬМЫ И ССЫЛКИ

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

Из материалов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и области следует, что

ИВАНОВ Разумник Васильевич, 1878 года рождения, уроженец г. Тифлиса, русский, образование высшее, литератор,

13 февраля 1919 года был арестован ЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией Союза Северной области на основании указания ВЧК и направлен с материалами дела в г. Москву.

Вторично Иванов Р.В. был арестован 2 февраля 1933 года, проживал по адресу: г. Ленинград, Детское Село, Октябрьский бульвар, д. 32.

Обвинялся в том, что состоял членом подпольной организации, т. е. в пр. пр. ст. ст. 58—10 и 58—11 УК РСФСР.

Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 28 июня 1933 года определено Иванова Р.В. выслать в г. Новосибирск сроком на 3 года.

По Заключению Зам. Прокурора г. Ленинграда от 31 августа 1989 года Иванов Р.В. реабилитирован на основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года.

Так же в деле имеется Постановление начальника УНКВД ЛО от 28 августа 1941 года о выселении Иванова Р.В. из пределов Ленинграда и Ленинградской области в административном порядке.

«Тюрьмы и ссылки»: именно так и озаглавил автор свою книгу, вышедшую в 1953 году в Нью-Йорке. Имя его было широко известно до революции, и еще в первые годы после нее, а затем, в течение двадцати лет, с 1921 по 1941 гг., он многократно арестовался советскими властями, сидел по разным тюрьмам, находился в ссылке, и так продолжалось вплоть до начала войны. Ему разрешили проживать в Пушкине, под Ленинградом, а в октябре 1941 года пригород этот взяли немцы и последующая жизнь его, вплоть до кончины в июне 1946 года, — была временем скитаний по Прибалтике и Германии.

Жизнь одного из самых известных в девятисотые, вплоть до начала 20-х годов, критика, историка литературы и социолога Иванова-Разумника закончилась в Рендсбурге, что на Кильском канале.

Первым его выступлением в печати была статья «Н.К.Михайловский», в ней, а также в статье «А.И.Герцен и Н.К.Михайловский» он прокламировал свое мировоззрение как человек, исповедующий идеологию народничества. И в последующие годы он придерживается этого направления, считая, что наличие в России капитализма и общины — неизбежно. Его политическая ориентация сближалась с программой социалистов-революционеров /эсеров/.

Разумник Васильевич Иванов родился в 1878 году в Тифлисе, закончил Петербургский университет. Подвергался арестам и репрессиям за участие в студенческом движении. Его публицистические статьи в «Русской мысли», в «Русских Ведомостях», но особенно двухтомная «История русской общественной мысли» — пользовались большой известностью.

«Эта книга — есть история русской интеллигенции, — писал автор, — но «интеллигенция» вовсе не то же самое, что интеллектуальность и образование». И.-Разумник считает, что «интеллигенция есть — антимещанская, социологически внесловная преемственная группа, что она есть «жизненный нерв народа»».

В основе мирозерцания Иванова-Разумника лежало стремление осуществить свободное развитие и утверждение человеческой личности и создать такие формы общества, при которых это было бы возможно. Он никогда не был членом какой-либо партии, но всю жизнь продолжал (а по мнению ГПУ — даже возглавлял) то направление народничества, которое определяется именами Герцена, Чернышевского, Лаврова и Михайловского. И.-Разумник

считал себя продолжателем духовных традиций, идеологии этого течения общественной мысли.

В 10-е годы Иванов-Разумник — после выхода его книг «Литература и общественность», «Творчество и критика» и других — становится одним из наиболее значительных критиков и публицистов.

Как левый эсер, Иванов-Разумник участвовал в Октябрьской революции, работал с большевиками, но со второй половины 20-х годов отходит от политической деятельности, посвящая свое время только литературным работам.

В феврале 1933 года он был арестован по обвинению в создании «идейного центра народничества». С 1933 по 1936 год отбывал ссылку в Сибири, куда посылал ему деньги Михаил Пришвин. Вторично оказался в тюрьме в 1937 году; более полутора лет провел под следствием и в июне 1939 года освобожден «за прекращением дела».

Осенью 1941 года, уже во время войны, он оказался в зоне немецкой оккупации. С весны 1942 по 1943 год находился вместе с женой в лагере для перемещенных лиц.

В продолжении всей своей жизни, с редкой последовательностью и с редким мужеством, он являлся непримиримым противником марксизма и не раз вел ожесточенные дискуссии с наиболее выдающимся его представителем Георгием Плехановым. Именно эти его взгляды и стали причиной прекращения его писательской деятельности уже начиная с 1923 года.

В своей книге «Тюрьмы и ссылки», касаясь судьбы писателей в советской России за последние 25 лет, то есть до Второй мировой войны, Иванов-Разумник делит их на три группы: погибших (физически), присоединившихся («лакеи») и «задушенных»; к последним причисляет и себя.

Вот что сказано в предисловии к книге «Тюрьмы и ссылки» (напомним, что издана она в 1953 году):

Ivanov Razumnik Vasil'evich

П. В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК

Т Ю Р Ъ М Ы
И С С Ы Л К И

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1953

«В настоящее время в печати уже появилось немало свидетельских показаний, повествующих об истинном положении вещей в СССР. Однако книга «Тюрьмы и ссылки» является не только повествованием и человеческим документом огромной важности. Она с необычайной силой вскрывает самую суть явлений. Чтобы создать такую книгу, надо было обладать необычайной зоркостью, присутствием духа и глубокой человечностью Иванова-Разумника.

В «Тюрьмах и ссылках» страшны не только личные судьбы людей, истязания и зверские расправы, — страшна возникающая с неотразимой убедительностью общая картина полного и систематического уничтожения человеческой личности. Это, тот «воздух» советской действительности, в котором человек задыхается и за пределами тюрьмы.

Холодно рассчитанная жестокость и бесправие, возведенные в систему, являются методами и целью власти для подавления воли к сопротивлению через моральное уничтожение и лишение самого сознания человеческого достоинства. Это моральное уничтожение человека проводится по всему необъятному пространству СССР.

Нужно ознакомиться с трудами Иванова-Разумника, чтобы убедиться, что тюрьмы не могли сломить его волю и при всех обстоятельствах он остался верным себе — человеком редкого благородства, который сохранил даже в «ежовские» времена свою полную духовную независимость».

Имя Иванова-Разумника, которого в преддверии революции называли «совестью народа» — ныне забыто. Но как жертва политических репрессий 20-х—40-х годов, оно по-справедливости должно занять свое место в нашей книге.

Захар ДИЧАРОВ

**Илья
Ионович
ИОНОВ**

1887—1942

НЕИСТОВЫЙ КНИГОИЗДАТЕЛЬ

И.И.Ионову (Бернштейну) учиться было не на что, и он уже с 12 лет работал в одной из одесских типографий. Потом его захватила революционная волна — распространял «нелегальщину», попробовал сам писать стихи «революционного содержания». С тем и другим попадался в руки полиции. Начались аресты, ссылка, побег, тюрьмы, каторга... Все это время писались стихи, как положено политической поэзии — идеологически конкретные, энергичные, целеустремленные и жесткие.

От нив родных его отняли,
Где он трудился словно вол.
«Возьми ружье, — ему сказали, —
Пойди убей!» — и он пошел.
И там на бранном поле встретил
Таких же пахнувших землей.
Спросил: зачем? Но не ответил
Ему угрюмый рядовой.
Все быстро двинулись толпою,
Взводя послушные курки.
Окоп... и брызнувшей струей
Уже окрашены штыки.
А он, земли покорный данник,
С глубокой раной в груди,
Он, пули мстительный избранник,

Лежит далеко позади.
И взор его полуоткрытый
Так неподвижен, жутко нем,
И в нем все тот же незабывтый
Вопрос гайнственный: зачем?

8 апреля 1917

В советское время ему уже было не до писания собственных книг — он издавал чужие. И.Ионов стал практически первым и на полтора десятилетия главным советским руководителем государственного Петроградского книгоиздания. Начало было особенно впечатляюще: в 1918 году руководимое И.Ионовым издательство Петросовета выпустило с дореволюционных матриц сочинения Достоевского, Герцена, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Тургенева... Но потом он стал бороться с изданием зарубежной классики и по его приказу закрылось издательство «Всемирная литература». М.Горькому приходилось то и дело улаживать конфликты ИONOVA с литераторами, имевшими свое представление о том, что и как надо издавать, — а спорить с Ионовым было не только невозможно, но и опасно: его истерический характер вошел в легенду.

Тем не менее, именно Ионов первым стал налаживать перекрытые революцией каналы книготорговли, буквально навязывая новые книги издательства Петросовета, а потом и ГИЗа провинции, глухой деревне.

Не обойдем вниманием и слова ИONOVA, записанные К.Чуковским в свой дневник 1925 года: «Я могу открыто сердиться на человека, но на д о н о с я не способен. Как коммунист я принимаю на себя ответственность за все, что делает партия, но вы сами знаете, что я не посадил ни одного человека, а освободил из тюрьмы очень многих».

Но посадили самого И.ИONOVA. В 1937 году его арестовали (вероятно, сыграло роль то, что он был братом З.И.Лилиной, первой жены Г.Е.Зиновьева), а в 1942 году умер в Севлаге.

* * *

И з д.: Колос. Стихотворения, П., 1921; Стихи в коллективных сб.: Р о д о в С.А. (сост.), Пролет. писатели. Антология пролет. лит-ры, М., 1924, с. 296–304 (есть автобиогр. справка); Е ж о в И.С., Ш а м у р и н Е.И. (сост.), Рус. поэзия XX в. Антология рус. лирики от символизма до наших дней, М., 1925; Окт. дни, Л., 1926; Поэзия в большевист. изданиях 1901–1917, Л., 1967.

Валерий САЖИН

**Анатолий
Павлович
КАМЕНСКИЙ**

1876—1941

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Сейчас, в конце века, почти столетней давности скандальная слава прозы А.Каменского может показаться искусственной и кем-то специально организованной. Но всё было вполне натурально. Просто изменились нравы (нравственность?).

В начале века появление героини рассказа А.Каменского «Леда» перед мужчинами обнаженной, не говоря уже о допущении такой возможности в реальной жизни, казалось злостным разрушением не только эстетики, но и моральных основ человеческого существования. А.Каменского не следует путать с его однофамильцем Василием — поэтом-футуристом, но некоторая общность их очевидна. Она в энергичном отрицании буржуазных норм и правил — будь то в отношениях между людьми, службе или культуре. А.Каменский приводил на страницы своих рассказов людей страстных, порывистых, экзальтированных — он называл их «петербургскими людьми».

А.Каменский и сам был таким же страстным, порывистым человеком. Бурно развивавшийся в России в 1910-е годы кинематограф оказался эмоционально исключительно близок А.Каменскому, — его герои как будто создавались в предвидении сюжетов и стилистики немого кино. За 5 лет А.Каменский написал около 30 инсценировок собственных произведений («Трагедия Леды»), А.Н.Толстого («Хромой барин»), А.Куприна («Оле-

ся»), И.Тургенева («Чаша запретной любви») и оригинальных сценариев.

Гражданская война сделала его, как и многих, скитальцем по России: Киев, Одесса, Бердянск, Симферополь, Севастополь, Ялта...

В Бердянске он встретил свою будущую жену — актрису В.Кострову. Вот отрывок из ее неопубликованных воспоминаний:

«В городском театре меня обрадованно встретили знакомые артисты и мы общими силами организовали профсоюз деятелей искусства. Для наших собраний и ежедневной работы нам предоставили довольно большую квартиру. Мы назвали ее «Наша коммуна», устраивали там литературные вечера, концерты и лекции. На одном из собраний произошло то, что круто изменило мою дальнейшую жизнь.

Меня познакомили с немолодым, небольшого роста человеком с умным выразительным лицом. Меня поразили его странная одежда: черный парадный жакет и брюки в полоску нелепо дисгармонировали с жарой летнего утра. Он крепко пожал мне руку и вдруг мне стало жутко. Я почувствовала — что-то горькое, тяжелое вошло в мою жизнь. Этот человек был писатель Анатолий Каменский, в то время не менее известный, чем Куприн. Оказалось, что Анатолий Павлович застрял в Бердянске, обманутый антрепренером, который взял застраивать его лекции в различных городах. В Бердянске лекция дала полный сбор, но антрепренер сбежал, захватив кассу и чемоданы лектора, оставив его в этой вечерней одежде. Жалость, мучительная жалость охватила меня к этому пожилому (В.Кострова была на 20 лет моложе А.Каменского. — В.С.) беспомощному человеку». В дальнейшем путешествие — через Константинополь в Берлин — они совершали уже вместе.

В 1924 г. А.Каменский вернулся в Россию. Он работал над одноактными пьесами, писал драму «Гибель Пушкина», киносценарии, но было очевидно, что его слава — в прошлом. Неведомо как, но летом 1930 г. ему удалось уехать в Париж (тогда уже писателю получить разрешение на выезд за границу было невероятно трудно). И все-таки он опять вернулся в СССР — в сентябре 1935 г. А в конце 1937 г. он как «шпион» арестован, полтора года просидел под следствием и осужден на 8 лет. В 1941 г., уже на зоне, ему добавили еще 10 лет. Этого А.Каменский перенести не смог — он скончался 23 декабря 1941 г. в Ухтижемлаге.

Валерий САЖИН

Федеральная служба безопасности
Российской Федерации
УРАФ
23.12.99 г. № 10/А-4513

АРХИВНАЯ СПРАВКА

КАМЕНСКИЙ Анатолий Павлович, 1876 г. р., уроженец г. Новочеркаска, потомственный дворянин. Беспартийный. По профессии журналист. До 1-й мировой войны А.П. Каменский жил в Петербурге. В 1915 г. переселился с семьей в Москву, где работал директором кинотеатра. В июне 1918 г. Каменские выехали в г. Киев, затем в г. Одессу. В 1920 г. эмигрировал в г. Константинополь, затем переехал в г. Берлин. В 1924 г. возвратился в СССР. В 1930 г. Каменский А.П. был командирован в Германию, затем во Францию. В 1934 г. возвратился в Москву. Работал консультантом Союза советских писателей при книжных магазинах Литфонда СССР. Арестован 3 сентября 1938 г. по обвинению «в шпионаже и антисоветской пропаганде». По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 3 апреля 1939 г. на основании ст. ст. 58-6, 58-10, 58-11 УК РСФСР заключен в ИТЛ сроком на 8 лет. Отбывал наказание в Коми АССР; работал счетоводом в санчасти ИТЛ. Находясь в местах лишения свободы, повторно арестован 10 октября 1940 г. По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Коми АССР от 29-30 марта 1941 г. за «распространение клеветнических слухов о положении трудящихся в СССР и дискредитации ВКП(б)» на основании ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР осужден к 10 годам лишения свободы. Умер 23 декабря 1941 г. в пос. Ветлосян (недалеко от г. Ухты). Определением военного трибунала Московского военного округа от 4 ноября 1957 г. Каменский А. П. реабилитирован.

**Сергей
Миронович
КИРОВ**

1886—1934

НЕЗНАКОМЫЙ МИРОНЫЧ

Сергей Миронович Киров... В Ленинграде его ласково называли «Мироныч». Он был прост, доступен и не раз мне доводилось видеть, как он, рядом со своим другом, вторым секретарем Обкома Чудовым, спокойно проходит по улице Красных Зорь, на которой находилась его квартира.

Мы, комсомольская братия, знали его как одного из вождей партии, политика, человека, известного в СССР, но никогда не думали о том, что он еще и литератор, публицист. Об этом ныне стало известно из посвященных ему строк в издании «Русские писатели», том 2, вышедшем в 1992 году.

Пробовать свое перо ему пришлось еще во время революции 1905—1907 годов. Молодой социал-демократ, член РСДРП, он возглавлял издательскую группу Томского комитета партии, выпускавшую листовки. Их известно более 100. Одна из листовок Кирова «В венок убитому товарищу», опубликованная в январе 1905 года газетой «Вперед» (Женева), получила всероссийскую известность. В эти годы он трижды подвергался аресту и, будучи в заключении, вместе с товарищами по камере выпустил два номера рукописного журнала «Тюрьма».

Весной 1909 года он находился во Владикавказе. Нелегальную партийную работу совмещал с деятельностью журналиста, был

репортером местной газеты «Терек». Спустя недолгое время издатель доверил ему заведывание редакцией, то есть фактическое руководство газетой.

С 1909 по 1917 год Киров опубликовал в газете более полутора тысяч своих материалов. Это были не только передовицы и публицистические заметки, но и литературные портреты, фельетоны, литературные и театральные рецензии. В 1911–1912 годы его одно время содержали в тюрьме в связи с делом томской подпольной типографии.

Вслед за первой значительной статьей «По новому пути» (29 августа 1909 года), Киров проявил себя как острый и наблюдательный автор публикаций по широкому кругу вопросов. От его внимания не уходили темы не только политической, но и социальной жизни общества. Он писал о борьбе с пьянством, о равноправии женщин, о проституции, о воспитании детей. Пропагандировал культурный отдых рабочих, в том числе и альпинизм («Восхождение на Казбек», 1910 г., 2 сентября). Напечатал несколько этнографических очерков.

В своей статье «Лекция А.Н.Лисовского», Киров показал себя как даровитый литературный критик. В ней говорилось о важности для судеб русской литературы творчества А.П.Чехова, подчеркнута его общечеловеческая важность. В статье «Великий искатель. К столетию со дня рождения В.Г.Белинского», он выступает против модернистских течений, настаивает на социально-политическом осмыслении литературных явлений.

Не осталась незамеченной и одна из самых ярких «этических» статей Кирова — «Н.К.Михайловский. К десятилетию со дня его смерти» (1914 г.). В ней обнаруживается превосходство воззрений критика над народническими догмами, подчеркнута его сильнейшее влияние на русскую общественную жизнь. Этими статьями не ограничилось литературно-критическое творчество партийного публициста-литератора.

В статье «Лекция Ф.И.Родичева» он резко осуждает стремление представить А.И.Герцена, при оценке его деятельности в масштабе общенациональном, предшественником конституционных демократов (кадетов).

В 1910 году, выступая с некрологом Л.Н.Толстому (1910, 9 ноября) «Он не умер», Киров подчеркивает пафос объединения человечества в борьбе за социальную справедливость. Примечательна его статья ««Братья Карамазовы». Постановка в городском театре». Из нее очевидно, что автор глубоко воспринимает мировоззрение Ф.М.Достоевского и безоговорочно принимает его творче-

ство. В свете тех событий, которые происходят сейчас на Кавказе, особенно важно отметить отношение Кирова к особенностям национальных литератур.

Неоднократно он выступал в защиту народов Кавказа; под его редакцией в газете были напечатаны чеченские легенды (в переводе А.Шерипова). Следует отметить и его статьи в защиту национальной самостоятельности и достоинства евреев.

Как отмечается в книге «Русские писатели», стиль Кирова — «критика и публициста, экспрессивен, романтически или торжественно приподнят».

После Октября 1917 года литературная критика не занимала более какого-либо места в его жизни. 1 декабря 1934 года он был убит в Смольном; «есть свидетельства о причастности к убийству НКВД и И.В.Сталина».

Сергей Миронович Киров (1886—1934) — не был жертвой незаконных репрессий. Он стал жертвой прямого политического террора.

Захар ДИЧАРОВ

Фото
не найдено

**Василий
Николаевич
КОРАБЛЕВ**

1873—1936

ТОЛЬКО ИМЯ...

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Из материалов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области следует, что

КОРАБЛЕВ Василий Николаевич, 1873 года рождения, уроженец г. Полтавы, русский, образование высшее, б/п, до ареста — ученый секретарь и ученый специалист Института славяноведения Академии Наук СССР, проживал по адресу: г. Ленинград, пл. Островского, д. 9, кв. 28,

был арестован 26 января 1934 года.

Обвинялся в том, что являлся членом контрреволюционной фашистской организации, т.е. в пр.пр. ст.ст. 58-2, 58-10 УК РСФСР.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 29 марта 1934 года **КОРАБЛЕВ В.Н.** был осужден к 10 годам ИТЛ с заменой высылкой в Казахстан.

Определением Военного Трибунала ЛВО от 28 ноября 1956 года дело в отношении **Кораблева В.Н.** производством прекращено на основании п.5 ст.4 УПК РСФСР за отсутствием в его действиях состава преступления.

* * *

Среди многих и многих российских ученых, посвятивших себя науке о литературе и этнографии и подвергшихся печальной уча-

ти — быть брошенными за решетку, — мы называем сегодня имя Василия Николаевича Кораблева — известного славяноведа.

О том, что он дал науке, как автор трудов по славяноведению и славянским языкам, мы можем судить по следующим его изданиям:

Константин Аксаков. Пб., 1912; Босния и Герцоговина. Прошлое и настоящее. Пб., 1908; Грамматика сербско-хорватского языка. Пб., 1915; Из культурной истории Албании. Пб., 1909; Иностранцы о русском языке. Пб., 1901; Критик-реалист. К 50-летию смерти Н.А.Добролюбова. Пб., 1911; Литературные заметки. Пб., 1908; Ломоносов. К 200-летию со дня рождения. Пб., 1911; Николай I. Князь Черногорский. 50 лет княжения. Пб., 1910; Образцы славяно-хорватской литературы. Пб., 1914; Образцы чешского литературного языка. Пб., 1915; Памяти Гаршина. Пб., 1908; Памяти Глеба Успенского. Львов, 1902; Поэт уныния В.А.Жуковский. Львов, 1902; Славянский институт в Праге. Пб., 1903; Славянский мученик Ян Гус из Гусинца. К 500-летию кончины. Пб., 1915; Славянские племена. Обзор современного славянства. Киев, 1907; Любомир Стоянович. Институт славяноведения АН., 1932.

Захар ДИЧАРОВ

**Дмитрий
Иванович
КОЧЕТКОВ**

1903—1945

О МОЕМ ОТЦЕ

* * *

Главное Управление внутренних дел
исполнительных комитетов Ленинградско-
го областного и городского Советов на-
родных депутатов
Информационный центр
191194, Ленинград, Литейный пр., 4
21.12.92 № 35/14-К-209

АРХИВНАЯ СПРАВКА

КОЧЕТКОВ Дмитрий Иванович, 1903 года рождения, уроженец деревни Петришево Серпуховского уезда Московской губ., проживавший по адресу: Ленинград, В. О., Средний пр., д. 11, кв. 22, на основании решения Комиссии УНКВД ЛО от 07 июля 1937 года был выслан в административном порядке из Ленинграда без указания срока высылки как исключенный из ВКП(б) в 1936 году за связь с контрреволюционной организацией.

Вместе с ним выехал сын Борис 1937 года рождения.

К месту высылки Кочетков Д.И. выехал 14 августа 1937 года.

Кочетков Дмитрий Иванович был освобожден от административной высылки 28 июня 1939 года согласно постановлению УНКВД ЛО от 25 марта 1939 года.

Заключением УООП Леноблисполкома от 14 октября 1964 года административная высылка Кочеткову Д.И. была отменена как необоснованно примененная в 1937 году.

Кочетков Дмитрий Иванович реабилитирован.

* * *

Мой отец Дмитрий Иванович Кочетков родился 2 ноября 1903 г. в деревне Петрищево Серпуховского уезда Московской губернии. Его мать Марфа Александровна вскоре овдовела и вторично вышла замуж. Семья перебралась в Москву, появились новые дети — две сестры. Старшему сыну пришлось рано начинать трудовую жизнь, и с 14 лет он поступил на один из московских заводов учеником слесаря. С 1922 г. Дмитрий Иванович работал на фабрике «Трехгорная (Прохоровская) мануфактура». Имея неполное среднее образование, он много читал, всячески стремился пополнить свои знания. Уже в начале 1920-х годов он сблизился с группой молодых писателей, связанных с издательством «Молодая гвардия», созданным в 1922 г. при участии А.Безыменского, А.Жарова, Артема Веселого, С.Малахова и др.

С 1924 г. Д.И.Кочетков стал работать в издательстве «Молодая гвардия» в редакционном секторе.

Среди перечисленных здесь «молодогвардейцев» назван и беллетрист Дмитрий Кочетков, упомянуты его очерки и рассказы: «Гришкина дружина», «Солонинная коммуна», «Восьмое марта» и др.; 1924—1925); помещена его фотография (с. 60, 69).

Повесть Д.И.Кочеткова «Гришкина дружина», неоднократно переиздававшаяся (2-е изд.: М., 1926; 3-е изд.: М., 1931), посвящена трагическим событиям 1905 года — подавлению рабочего восстания в Москве.

Герой повести — пятнадцатилетний Гришка, «сиротинка», только что поступивший на работу в граверную мастерскую, вовлеченный в борьбу и ставший участником и жертвой кровавых событий.

В 1927 г. подборка рассказов Д.И.Кочеткова появилась в сборнике «Молодняк», изданном «Молодой гвардией» и включавшем сочинения трех авторов: М.Колосова, Д.Кочеткова и Г.Шубина. В предисловии к сборнику П.С.Коган отметил «тонкую наблюдательность», проявившуюся в рассказах Д.И.Кочеткова.

Даже по немногим сохранившимся с той поры книгам с дарственными надписями можно судить о круге литературного общения моего отца: это и А.Гайдар, и А.Жаров, и С.Малахов, и известный пушкинист С.Я.Штрайх.

В 1929 г. Д.И.Кочетков переехал в Ленинград. Имея опыт издательской работы, стал работать в Геологическом издательстве при Геологическом комитете и в 1930 г. был назначен заведующим этого издательства. Его работа неоднократно отмечалась благодарностями и премиями. А между тем в это время тучи над ним неотвратимо сгущались. Еще в 1936 г. отец был исключен из ВКП(б) за «связь с контрреволюционной организацией», а 7 июля Комиссия УНКВД ЛО приняла решение о его высылке в административном порядке из Ленинграда без указания срока высылки. 7 августа 1937 г. было принято решение о высылке и его жены — Нины Александровны Александровой, которая работала коллектором в том же Геологическом институте. 27 декабря 1936 г. в семье появился еще один человек — родился сын Борис, которому ко времени решений Комиссии было немногим более полугода.

«Врагам народа» предписывалось в трехдневный срок покинуть Ленинград и отправиться в Красноярск, откуда надлежало ехать к неведомому еще месту ссылки. Ровно через три дня во дворе дома на Васильевском острове, где жила семья, появился милиционер.

Ехали как обычные пассажиры, еще не осознав в полной мере всего случившегося. Страшное началось в Красноярске, куда в это время прибывали сотни ссыльных. Без паспорта нигде нельзя было устроиться на ночлег. Мама со своим грудным малышом отправилась ночевать в комнату матери и ребенка на вокзале. Отец спал где-то на полу... И все-таки оказалось, что им необыкновенно повезло: они были все вместе, всей семьей. Среди прибывавших в Красноярск такое случалось не очень часто. Оглушенные свалившейся несправедливой карой, разлученные с самыми близкими, многие не выдерживали: началась волна самоубийств. Дни, проведенные в Красноярске, в этой тяжелой неизвестности, среди всеобщего смятения, тревожных слухов и известий, вспоминались потом как особенно страшные.

Наконец, дальнейший маршрут для очередной группы ссыльных был определен. Несколько десятков человек погрузили на «илимки» (баржи) и повезли вверх по Ангаре. На порогах несколько раз сильно крутило «илимку», чудом она не разбилась, когда, казалось, управление ею было совсем потеряно. Дмитрию Ивановичу с семьей было назначено отбывать ссылку в деревне Клими

но Богучанского района (ближайшее жилье — в ста километрах от Климино). Регулярно предписывалось отмечаться в сельсовете. Вопрос о средствах к существованию нужно было решать самостоятельно. Здоровье у отца уже тогда было неважное, и, к удивлению местных жителей, он стал заниматься не лесным или рыбным промыслом, а огородничеством, выращивая прекрасные овощи. Главное же, что помогало выжить — давняя любовь к фотodelу. За несколько сотен километров приезжали к «снямальщику», чтобы получить свое изображение «в тушу» (в полный рост) или «в пол-туши».

Местные жители относились тепло и сочувственно, говорили: «К нам плохих людей не присылают. А от этих светит...» Но неизменно преследовало ощущение плена, несвободы, чудовищной несправедливости. Дмитрий Иванович постоянно писал письма в самые разные инстанции с просьбой пересмотреть его «дело». Ответа не было.

9 августа 1938 г. в семье появился второй ребенок — дочь Наталья, пишущая ныне эти строки.

А отец все надеялся на пересмотр «дела» и неутомимо писал. Чудо свершилось с уходом Ежова, и 25 марта 1939 г. УНКВД ЛО постановило освободить Д.И.Кочеткова и Н.А.Александрову из административной высылки, что и было осуществлено 28 июня 1939 г. Бумагу о том, что высылка отменена, мама бережно хранила в течение десятилетий. Она так и не узнала, что заключением УООП Леноблсполкома от 14 октября 1964 г. эта высылка была отменена как «необоснованно примененная в 1937 г.».

В июле 1939 г. семья вернулась в Ленинград. Дмитрий Иванович снова стал работать в Геологическом институте. Не возвращено, однако, было главное — жилье. С двумя маленькими детьми приходилось ютиться то у одних родственников, то у других.

Лишь в начале 1941 г. отцу удалось получить комнату в общежитии Геологического института. А в июне он добровольцем пошел на войну. Семья осталась в Ленинграде, переживя здесь всю блокаду. Воевал отец на Ленинградском фронте.

При операции под Ям-Ижорой (Колпинский участок) в августе 1942 г. отец получил ранения в голову, руку и тяжелую контузию ног. Из госпиталя он писал жене 22 августа 1942 г.: «У меня все в порядке. Оцарапана рука, но тем не менее действует». После длительного лечения в разных госпиталях в феврале 1943 г. Дмитрий Иванович был демобилизован с инвалидностью второй группы. Ходить он почти не мог, и жена привезла его домой на детских санках (трамваи еще не ходили). Жили все в той же комнате —

бывшем банном помещении, сыром и холодном, спустя 25 лет признанным негодным для жилья. Здоровье отца все ухудшалось. Весной 1945 г. его положили в больницу. 26 июня 1945 г. он скончался и был похоронен на Серафимовском кладбище.

Во Всесоюзном геологическом институте на Среднем проспекте Васильевского острова спустя много лет после войны была установлена мемориальная доска в память о погибших во время войны — там есть и имя Дмитрия Ивановича Кочеткова.

Из библиографии Д. И. Кочеткова

Гришкина дружина. М., 1925 (?)

Гришкина дружина. Предисловие В. Залежского. 2-е изд. <М.> — Молодая гвардия. 1926. с. 64.

(Рассказы) // *Колосов М., Кочетков Д., Шубин Г.* Молодняк. Сборник рассказов. Предисловие П. С. Когана. М.; Л., — Молодая гвардия. — 1927. С. 99–204. (Содержание: Гришка (Главы из повести «Гришкина дружина»); «За веру, царя и отечество»; Три сторонки; «Мериканец»; Чудеса на кладбище; Деревенско-церковное; Солонинная коммуна; 4 1/2 аршина; Ильич на кухне; Семенчик (Отрывок незаконченной повестушки).

Гришкина дружина. М. — Молодая гвардия. — 1931.

Наталья КОЧЕТКОВА

*Фото
не найдено*

**Николай
Владимирович
КОРЕЦКИЙ**

1869—1938

ТОЛЬКО ИМЯ...

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

Из материалов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и области следует, что

КОРЕЦКИЙ Николай Владимирович, 1869 года рождения, уроженец г. Воронежа, русский, б/п, образование низшее, до ареста работал ответственным корректором типографии «Печатня», проживал по адресу: г. Ленинград, наб. р. Мойки, д. 97, кв. 18, был арестован 27 декабря 1937 года.

Обвинялся в том, что 1 января 1937 года, находясь в гостинице «Англетер», проводил контрреволюционную агитацию, распространяя к/р клеветнические измышления о Вожде Компартии и положении трудящихся в СССР, т. е. в пр.пр. 58—10 УК РСФСР.

Постановлением Особой Тройки УНКВД от 31 декабря 1937 года Корецкому Н.В. определена ВМН*.

Приговор приведен в исполнение 11 января 1938 года.

По заключению прокурора г. Ленинграда от 31 июля 1989 года Корецкий Н.В. реабилитирован на основании ст.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года.

* ВМН — высшая мера наказания: расстрел (3. Д.).

Мы извлекаем это имя из глубины минувших лет, потому что и он, Николай Корецкий, писавший под псевдонимом Н.Балакирев, принадлежит к армии русских литераторов, которые в свое время также были творцами духовной жизни России. И в малом заключается большое. Будем помнить об этом.

Творчество Н.Балакирева /Н.Корецкого/:

Драмы. Пьесы. Пб., 1909; Всемирные анекдоты. Пб., 1904; Голубые дороги. Пб., 1916; Юмористический сборник. Пб., 1906; Комический театр. Пб., 1906; Общедоступный /народный/ театр. Пб., 1904; Песни ночи. 1908, 1912; Самая смешная книга. Юмористический сборн. Пб., 191. Сверхкнига: сверхбасни, сверхромафы, сверханекдоты. Пб., 1903; Свободная любовь. Пьеса. Пб., 1908; Пробуждение. Литературный журнал. Пб., 1912.

* * *

...В тот холодный декабрьский день, когда его, старого 68-летнего человека, взяли под стражу и отвезли в тюрьму, он уже давно отошел от жизни литератора, который создавал веселые книги и был хорошо известен петербургскому зрителю и читателю. Но его родной русский язык всегда был сущностью его бытия. Слово — не исковерканное крутыми переменами во времени, оно было его инструментом, его каждодневной музыкой, и поэтому оно было с ним — постоянно в «Печатне», типографии, где он состоял старшим корректором.

В смертном приговоре его было сказано, что он оскорбил «Вождя Компартии» — то есть Сталина. Так сказано и в архивной справке. А за такое полагалась смерть. Пусть же скромный питерский литератор воскреснет для нас хотя бы в этих немногих строках...

Захар ДИЧАРОВ

**Аполлон
Аполлонович
КОРИНФСКИЙ**

1868—1937

ПЕРВЫЙ ДРУГ ЛЕНИНА

Коринфские — фамилия относительно молодая.

Сын мордовских крестьян, М.П.Варенцов сумел поступить в Петербургскую Академию художеств и за блестящую дипломную работу — архитектурный проект в коринфском стиле — был удостоен императором Александром I потомственного дворянства, звания академика и фамилии Коринфский.

Поэт А.А.Коринфский был его внуком.

Гимназические годы будущий поэт провел за одной партой с Володей Ульяновым. «...Маленький, кругленький (несколько, по-видимому, младший, чем я) мальчик с голубовато-серыми глазами и с желтовато-льняной, несколько выщелой шевелюрой...» — таким в 1930 году вспоминался ссыльному поэту его однокашник во время поступления в гимназию (а принимал их тогдашний директор симбирской гимназии Ф.М.Керенский — отец Верховного главнокомандующего Александра Керенского). Впрочем, вряд ли бы и догадался А.Коринфский, что вождь советской России Ленин — это его гимназический товарищ Володя Ульянов, если бы не увидел однажды в 1917 году его выступление с балкона особняка Кшесинских.

Казалось, сама экзотическая фамилия побуждала Аполлона к поэтическому поприщу. Впрочем, начинал он не с поэзии. Еще в последнем классе гимназии он начал печатать заметки, фельетоны,

небольшие статьи в местной симбирской прессе. У него было легкое перо и любовь к журналистскому труду. Это привело его сначала в Москву, а в конце 1880-х годов А.Коринфский поселился в Петербурге. «Он буквально знал всех пишущих людей» — вспоминал об А.Коринфском коллега-журналист. Его статьи, рецензии, обзоры журналов можно было встретить во множестве периодических изданий; он то заведовал редакцией, то сам брался за издание журнала, газеты.

В конце века в А.Коринфском пробудился «огонек поэтического воодушевления», по выражению И.Бунина, — и в печати стали появляться его стихотворения.

Поздно! Цветы облетают,
Осень стучится в окно...
Поздно! Огни догорают,
Завечерело давно...

Поздно... Но что ж это, что же, —
С каждой минутой светлей,
С каждым мгновеньем дороже
Память промчавшихся дней!..

В сердце неожиданно запала
Искра живого тепла:
Всё пережить бы сначала
И — догореть бы дотла!

Его стихи пришлось по вкусу читателю рубежа веков, который искал в поэзии легко и понятно выраженных несложных и трогательных чувств. Имели успех у публики и исторические «бывальщины» А.Коринфского — описания русских народных обрядов, обычаев, воспроизведение собранной им в различных российских губерниях духовной поэзии.

«Архинасильнический режим» (как он в 1923 году называл советскую власть) отвратил его от собственной творческой работы. Он занимался только переводами — Т.Шевченко, Я.Коласа, Я.Купалы, служил библиотекарем, а в ссылке — корректором в тверской типографии... Как пишут в энциклопедиях — умер в неизвестности. Для писателя это значит — в неизвестности творческой.

За далью веков: Исторические рассказы, очерки и стихотворения. М., 1909; Под крест; Под крестной ношей: Стихи 1905–1908 гг. СПб., 1909; В лучах мечты: 1898–1905. СПб., 1912; Поэты 1880–1890 годов. Л., 1972, с. 420–454 (Библиотека поэта; большая серия); Русская поэзия детям: В 2 т. СПб., 1997. Т. 1, с. 384–405 (Новая библиотека поэта).

Валерий САЖИН

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

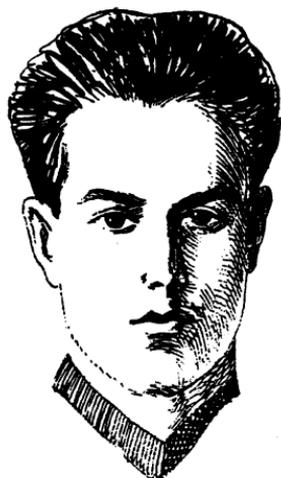
Из материалов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области следует, что

КОРИНФСКИЙ Аполлон Аполлонович, 1867 года рождения, уроженец г. Симбирска, русский, б/п, до ареста — библиотекарь школы № 54 в Ленинграде, проживал по адресу: г. Урицк, Лен. округ, пр. Урицкого, д. 51/53, кв. 1, был арестован 14 ноября 1928 года.

Обвинялся в принадлежности к монархической группе, т. е. в пр. пр. ст. ст. 58—10, 58—11 УК РСФСР.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 13 мая 1929 года Коринфский А.А. лишен права проживания в г. Ленинграде сроком на три года с прикреплением к определенному месту жительства.

По заключению Прокурора г. Санкт-Петербурга от 3 июня 1994 года Коринфский А.А. реабилитирован на основании ст. 3 п. «б» и 5 Закона РФ от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий».

Ион КОРЧИНСКИЙ

1914—1937

ДРУГ МОЙ — ИОН КОРЧИНСКИЙ

Мы встречаемся с ним каждый день: его портрет висит над моим письменным столом и на нем обозначены две даты: 1914—1937.

В 1936 году он приехал из Кишинева поступать в Ленинградский Университет на филологию и тогда-то мы с ним познакомились и подружились: у нас была одна общая страсть — поэзия. У себя в Молдавии он был признанным поэтом, имел две книжки стихов: писал и на русском, и на молдавском. Его учителями были большие поэты и в том числе В.Сосюра. Еще одна книга была подготовлена, и ее выход ожидался вскоре.

Мы встречались в ту теплую солнечную осень почти ежедневно и вели трудноватую, почти безденежную, но неунывающую жизнь. Однако обстоятельства складывались так, что Иону нужно было возвращаться к себе, в Молдавию. Он уехал и после его отъезда я получил от него всего два письма. Затем — молчание.

О том, что это молчание стало вечным, я узнал лишь много лет спустя.

В 1937 году, в самом начале 2-го курса истфака, судьба повела меня по тюремным, а потом и по лагерным дорогам. Длинными были они, эти дороги, и конец им наступил лишь в 1956 году. А еще лет через пятнадцать мне представилась возможность поехать в Молдавию. Кишинева, Тирасполь, Бендеры... Страна, наполнен-

ная воздухом садов и рощ, полноводным сине-зеленым Днестром. Места, где свято чтут память о Пушкине, обитавшем здесь изгнаннике.

В Кишиневе я побывал в тамошнем Союзе писателей, пытаюсь узнать что-либо о судьбе Иона Корчинского. Но там ничего ясного о нем не сказали. «У него, кажется, был брат — попытайтесь узнать...».

Я отыскал адрес его старшего брата, побывал у него. Пожилой человек, бывший учитель, живущий на пенсию, рассказал:

— Иона арестовали в 1936 году, почти сразу после того, как он вернулся из Ленинграда... Ничего о нем я не знал в это время; меня уволили из школы и никуда не принимали... Потом, наверное спустя месяц, поздно вечером позвонили в дверь, открываю — человек в энкаведэшной форме, подает сверток: «Вот, возьмите, тут одежда Иона Корчинского». Ничего больше не добавил и ушел, и я понял, что Иона уже нет на свете... Да, его — расстреляли.

Только спустя годы брату удалось узнать, что главным пунктом обвинения были две строки из его стихотворения:

Черный ворон кружит над Днестром
И сулит ему страшные беды...

В стихотворении говорилось о том, что рядом с родной поэту Молдавией граничит буржуазная Румыния, которая владела одно время Бессарабией — ныне Молдавией, и чер н ы й в о р о н румынской сигуранцы, тайной полиции, кружит над Днестром, замышляя отторгнуть эту советскую республику от СССР и вновь подчинить себе.

Следователь НКВД предъявил Иону обвинение в том, что под словами «черный ворон» он имел ввиду автомашину «органов», в которой доставляли в Кишиневскую тюрьму арестованных.

— Издевательство над органами НКВД, пособничество врагам СССР?..

Приговор — расстрел. И почти немедленное исполнение.

Фотография Иона не сохранилась, только та, что на групповой. Художник сделал с нее графический портрет. Вот он...

Захар ДИЧАРОВ

Фото
не найдено

Григорий
Михайлович
КОТЛЯРОВ

1883—1938

ТОЛЬКО ИМЯ...

АРХИВНАЯ СПРАВКА *о наличии сведений*

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что

КОТЛЯРОВ Григорий Михайлович, 1883 года рождения, уроженец г. Курска, русский, беспартийный, образование высшее, старший библиотекарь библиотеки Академии наук, проживал по адресу: Детское Село, Октябрьский бульвар, д. 51, кв. 1,

был арестован 21 января 1933 года на основании ордера ПП ОГПУ в ЛВО.

Обвинялся в том, что был членом контрреволюционной группировки народнической интеллигенции, организованной «Идейно-организационным Центром» к/р эсеровско-народнической организации, проводил эсеровско-народническую пропаганду, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 11 УК.

Постановлением тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 21 апреля 1933 года Котляров Г.М. был осужден к заключению в концлагерь сроком на 5 лет. Заключение было заменено высылкой в Казахстан на тот же срок.

Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 24 июня 1988 года Постановление тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 21 апреля

1933 года в отношении Котлярова Г.М. было отменено, а уголовное дело прекращено на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием в его действиях состава преступления.

* * *

КОТЛЯРОВ Григорий Михайлович (25[12].10.1883, Курск — лето 1938, г. Свободный Амурской обл.). Русский писатель, педагог, архивист, историк Древней Руси и России, в частности декабризма. Петербургский библиофил и библиотекарь, член Секции научных работников Ленинграда.

В 1902 году окончил с золотой медалью Вологодскую гимназию, а в 1907 с дипломом первой степени — Историческое отделение Историко-филологического факультета СПб академического университета.

С 20 августа 1907 года по 1 сентября 1919 преподаватель русской истории в Царскосельском реальном училище, причем в 1917/1918 учебном году исполнял обязанности директора училища. Одновременно с этим в течение десяти лет Котляров был библиотекарем Фундаментальной библиотеки того же училища.

В 1918—1928 годах — Котляров среди той части интеллигенции, которая продолжала «работать по-старому», стараясь сохранить для грядущих поколений материальные и духовные ценности, невзирая на тяготы, лишения и всеобщую разруху, порождаемую революционными переменами.

В 1918 году Г.М.Котляров поступил в Центральный Государственный Архивный Фонд (ЦГАФ). Как заведующий Отделением и старший архивист, он занимался также обучением молодежи, и в 1923—1924 был руководителем практических занятий со слушателями Архивных курсов при Ленинградском Отделении ЦГАФ.

Изучение разобранных документов привели его к обнаружению неизвестных материалов, связанных с восстанием декабристов на Сенатской площади в 1825 году. Среди них были «Секретные дела 1825 года», касающиеся декабристов Г.С.Батенькова и С.Г.Волконского, М.А.Фон-Визина. Сообщения о своих находках Г.М.Котляров опубликовал в исторических журналах.

Одновременно Котляров продолжал свою педагогическую деятельность. Без малого два десятка лет он преподавал историю, русскую литературу, историю искусств и обществоведение в 4-й Детскосельской Советской Единой Трудовой школе им.А.С.Пушкина (бывш. реальное училище) и 23-й Советской школе первой и второй ступени.

В 1927 Григорий Михайлович по приглашению академика и Непременного секретаря Академии наук С.Ф.Ольденбурга и его

заместителя, известного историка С.Ф.Платонова, становится Помощником Ученого Секретаря Библиотеки АН СССР. Приглашение Котлярова, знавшего французский, немецкий, латинский и древнегреческий языки, в БАН было естественным. В БАН Котляров продолжил свое исследование по декабристам в Рукописном отделе Библиотеки. В 1929 году в Академии наук под председательством М.Фигатнера работала московская Правительственная Комиссия по проверке аппарата Академии наук СССР. Ввиду ареста заведующего Русским отделением БАН, ученого историка и генеалога А.А.Сиверса, на Котлярова были возложены его обязанности. Однако вскоре его собственная деятельность также была подвергнута разбирательству вышеупомянутой Комиссии.

В марте 1933 года Котляров был уволен. Формулировка в «личном деле» гласила «...уволен по рационализации». Летом Котляров уезжает в Казахстан. Туда с ним поехала жена. Она работала там в чимкентской школе, а Григорий Михайлович помогал ей, готовя самодельные наглядные пособия. В собственном же доме в своей комнате он создал своеобразный филиал Русского музея, который очень хорошо знал и любил, используя для домашней экспозиции вырезки журнальных репродукций картин.

По свидетельству дочери Г.М.Котляров был арестован в Казахстане в 1937 году. Жена переехала в Ленинград. До весны 1938 года поддерживалась переписка, и из Ленинграда на Дальний Восток шли посылки. Летом все они вернулись назад с извещением о том, что арестант в городе Свободный умер.

Из библиографии Г.М.Котлярова

Редкие словарные записи 16–17 вв. //Русское Историческое обозрение, 1916, т.21, с. 182–223.

К вопросу о времени появления свадебных актов на Руси//Русский Исторический журнал, 1920, кн. 6, с. 158–163.

Рецензия на статью А.С.Лаппо-Данилевского «Очерк русской дипломатики частных актов»//Русский Исторический журнал, 1922, кн. 8, с. 259–265.

Арест декабриста Г.С.Батенькова: По неизданным материалам//Былое, журнал, Ленинград, 1925, кн. 6 (34), с. 13–19.

Г.С.Батеньков в Сибири 1817–1819. — В кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. М., Т.2, 1933. Приложение Письма декабриста С.Г.Волконского к П.Д.Киселеву /1814–1815/ Перевод, введение и примечания Г.М.Котлярова//Каторга и ссылка, журн., 1933, №2, с. 93–121. [Опубл. восемь писем С.Г.Волконского из Парижа и Лондона в переводе с французского на русский].

**Роберт
Яковлевич
КРУСТКАЛН**

1884—1938

Такие стихи пишутся кровью сердца.
И причина для этого одна.
О ней — эти строки.

ОТЦОВСКИЕ ШРАМЫ

Мой отец, Роберт Яковлевич КРУСТКАЛН, сын латышского крестьянина, родился в 1884 г. неподалеку от Риги. Человек с острым чувством справедливости, он прожил недолгую, но богатую событиями жизнь. Участник Первой мировой, а затем Гражданской войны, он с боями прошел в составе латышских стрелков от Риги до Пскова. Был командиром отряда красных партизан, был не раз ранен, дважды попадал в плен, приговаривался белолатышами к расстрелу... Каким-то чудом отец вышел из всех передряг живым и осел в Пскове, где женился на моей матери, эстонке по национальности. Партийный работник, судья, прокурор — такова была его жизнь в разных городах Ленинградской области до ареста 2 февраля 1938 г. в Череповце.

Мне было тогда неполных 13 лет, я уже сочиняла первые стихи и дала себе слово: «Вырасту, напишу, как несправедливо поступили с моим папой...» Братишка мой девятнадцатилетним погиб в 1943 г. на фронте, мы же с матерью об участии отца, осужденно-

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ**СЕВЕРНОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА**

15 августа 1957.

№ 11-605
г. Петрозаводск**СПРАВКА**

Дело по обвинению КРУСТКАЛН Роберта Яковлевича, 1894 года рождения, уроженца Латвийской ССР, работавшего до ареста — 2 февраля 1938 года юрисконсультом Волгостроя НКВД, пересмотрено Военным трибуналом Северного военного округа 10 августа 1957 года.

Постановление особой тройки УНКВД Вологодской области от 10 октября 1938 года в отношении КРУСТКАЛН Роберта Яковлевича отменено и дело о нем за отсутствием состава преступления, на основании ст.4 п.5 УПК РСФСР производством прекращено.

КРУСТКАЛН Р.Я. реабилитирован посмертно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
СЕВЕРНОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ПОЖИВНИК ВСТАЛИИ

Г. Зайцев
/ Г. ЗАЙЦЕВ /

Г.Зайцев Ул. „Патриот Родина“, кв. 133

го, как нам сказали, на 10 лет без права переписки, ничего не знали до 1957 г., когда он был посмертно реабилитирован. Тогда же нам прислали и свидетельство о смерти — якобы 12 декабря 1946-го. От воспаления легких... Позже стало известно, что «без права переписки» означало — расстрел, я сделала вторичный запрос о судьбе отца. На этот раз расстрел подтвердили, назвали истинную дату смерти — 11 октября 1938 г. Нас заставили 20 лет ждать покойника, а затем еще 35 лет отмечать фиктивную дату смерти: кому и зачем понадобилось это дополнительное издевательство?

Я выполнила свой дочерний долг и в начале 60-х гг. посвятила отцу цикл стихов, фактически документальный. Большинство из них смогли быть опубликованы лишь спустя более четверти века. Конечно, напиши я эти стихи сейчас, они были бы во многом иными. Изменилось общественное сознание, изменилось и мое восприятие мира. Однако я не стала править написанное, — оно принадлежит своему времени. Это память не только о моем отце, но и о его боевых соратниках. Из каждых десяти латышских стрелков девять были репрессированы.

Нора Яворская

* * *

Отцовские шрамы.
Они рождены
в грозном пожаре
гражданской войны.

Отцовские шрамы.
Их было немало,
по ним революцию
я изучала.

Но в тридцать седьмом,
на доносах распятом,
среди ночи
отца
увели без возврата.

И там, где решётки
припаяны к рамам,
всё били
по шрамам,
по шрамам,
по шрамам.

Как будто навечно
в крови
их топили
как будто бы
по революции
били.

Но их не убили.
Как правда упрямы,
легли мне на сердце
отцовские шрамы.

1962

КАК ЭТО БЫЛО

А как вырывали
из наших рядов
непокладистых
большевиков?

Если был
на кого донос,
решался очень
просто вопрос.

А если не поступало
доноса?

Ну что ж, и тогда
не вешали носа.

Проверяли каждый
шажок и шаг, —
может, какой-то
сделан не так.

Следили бдительно
снова и снова, —
нет ли среди слов
зрячего слова.

А если ни шага,
ни слова нет,
крали, к примеру,
партбилет.

Потом за то,
что билет украден,
из партии
исключали за день.

Потом за то,
что вот — исключён,
с позором гнали
с работы вон.

Потом давали
чуть-чуть передышку
и ночью являлись —
захлопнуть крышку.

И человек
исчезал надолго,
как в стог — иголка,
как камень — в Волгу.

Чтоб не было толков
разного рода,
его объявляли
врагом народа.

Довелось не многим
вернуться домой...

Шёл год
тридцать седьмой.

1962

Нора ЯВОРСКАЯ

*Фото
не найдено*

**Ахилл
Григорьевич
ЛЕВИНТОН**

1913—1971

ГЕРМАНИСТ АХИЛЛ ЛЕВИНТОН

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

Из материалов архивного фонда Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что

ЛЕВИНТОН Ахилл Григорьевич,
1913 года рождения, уроженец г. Одессы,
еврей, образование высшее, член ВКП(б)
с 1946 года, на момент ареста — науч-
ный сотрудник Государственной публичной
Библиотеки и преподаватель литературы
Ленинградского Библиотечного института
им. Крупской, проживал по адресу: Ленин-
град, Басков пер., д. 26, кв. 33,
арестован 16 февраля 1949 года.

Обвинялся в том, что высказывал клеветнические измышления о партии
и Советском правительстве, т. е. в преступлении, предусмотренном ст.
58—10 ч. 2 УК РСФСР (ред. 1926 г.).

7 июля 1949 года Левинтон А.Г. приговором Ленгорсуда осужден к 10
годам ИТЛ.

Определением Судебной Коллегии Верховного Суда РСФСР от 8 сен-
тября 1949 г. приговор Ленгорсуда в отношении Левинтона А.Г. был от-
менен и дело передано на новое рассмотрение в тот же суд.

Приговором Ленгорсуда от 12 октября 1949 г. Левинтон А.Г. вновь осужден и приговорен к 25 годам ИТЛ с последующим поражением в правах на 5 лет и с конфискацией имущества.

По определению Судебной Коллегии Верховного Суда СССР от 29 мая 1954 г. приговор Ленгорсуда от 12 октября 1949 г. в отношении Левинтона А.Г. изменен. Его действия переквалифицированы на ч. 1 ст. 58—10 УК РСФСР, по которой было назначено наказание — 5 лет лишения свободы.

За отбытием наказания Левинтон А.Г. из-под стражи освобожден. В силу Указа от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» Левинтон А.Г. считается несудимым.

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 12 апреля 1961 года приговор Ленгорсуда от 12 октября 1949 г. и определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 29 мая 1954 года в отношении Левинтона А.Г. отменены и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Других сведений в отношении Левинтона А.Г. не имеется.

«27» сентября 1999 года

* * *

ЛЕВИНТОН Ахилл Григорьевич (8.V.1913, Одесса, — 26.IX.1971, Ленинград) — литературовед, переводчик. Канд. филол. наук. Чл. КПСС с 1946. Окончил филол. фак. (1940) и аспирантуру (1943) Ленингр. ун-та. В 1942—1949 преподавал в вузах Ленинграда, Саратова, Сталинграда. В 1946—1948 был гл. библиотекарем Гос. Публ. б-ки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Печататься начал в 1946. Статьи и исследования посвящены английским, немецким, французским писателям XVIII—XIX вв. Автор работы «Зарубежная марксистская традиция в теории искусства и искусствоведения», опубликованной в кн. «История европейского искусствоведения» (1969, кн. 1). Составил «Краткую летопись жизни и творчества Вальтера Скотта» для его собр. соч. в 20 т. (1965, т. 20). Участвовал в подготовке к изданию произведений Г.Сакса, Н.Готорна, Д.Элиота, В.Скотта, многотомной «Истории эстетики» (т. 2, 3, 5), переводил произведения названных авторов, а также Г.Гердера, Ю.Векселя, Р.Киплинга, Ш.О.Сент-Бева, Ж.Ф.Рамо, д'Аламбера и др. Генрих Гейне: Библиогр. рус. пер. и критич. лит. на рус. яз. — М., 1959 (на обл.: 1958); Творчество Бернгарда Келлермана. — Л., 1958.

В одной из своих публикаций Ефим Эткинд, известный литературовед и критик, пишет: «Трагично сложилась судьба другого учителя Константина Азадовского, открывшего ему тонкости немецкого языка, поэзию Гёте, Гейне и Рильке. Я имею в виду Ахил-

ла Левинтона, ленинградского германиста среднего поколения. Выдающийся знаток творчества Гейне и Э.Т.А.Гофмана, он вынужден был долгие годы работать библиотекарем. Единственная книга от него оставшаяся, — «Генрих Гейне в русских переводах», без этой библиографии невозможно сегодня писать о Гейне в России. В 1949 году Левинтон был арестован и приговорен — после долгого и мучительного следствия — к десяти годам лагерей за то, что якобы клеветал в частных разговорах на советскую власть. После смерти Сталина его освободили; он умер в возрасте пятидесяти с лишним лет, не совершив многого из того, что мог бы свершить. Ему тоже мешали. Его большая книга о поэзии Гейне осталась в рукописи».

Константин АЗАДОВСКИЙ

*Фото
не найдено*

**Николай
Осипович
ЛЕРНЕР**

1877—1934

НЕУТОМИМЫЙ СОБИРАТЕЛЬ НИКОЛАЙ ЛЕРНЕР

АРХИВНАЯ СПРАВКА *о наличии сведений*

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что

ЛЕРНЕР Николай Осипович,
1877 года рождения, уроженец
г. Одессы, еврей, образование
высшее, литератор, беспартий-
ный, проживавший по адресу:
г. Ленинград, ул. Лахтинская,
д. 30, кв. 17,

был арестован на основании ордера ПП ОГПУ в ЛВО 18 марта 1931 года (в некоторых документах 19 марта 1931 года).

Лернер Н.О. обвинялся в том, что вел контрреволюционную агитацию среди писателей г. Ленинграда, а также занимался скупкой и нелегальной переправкой музейных ценностей за границу, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п.п. 10 и 11 УК.

По Постановлению ОГПУ в ЛВО от 12 мая 1931 года мера пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении Лернера Н. О. была изменена, и Лернер Н.О. был освобожден из-под стражи 13 мая 1931 года.

По Постановлению ПП ОГПУ в ЛВО от 29 марта 1931 года на основании ст. 4 п. 5 УПК дело в отношении Лернера Н.О. было прекращено, т. к. следствием данные обвинения не подтвердились.

* * *

Этот человек не имел высоких ученых степеней. Высоким в нем было одно — страстная любовь к Пушкину. За годы своей жизни он разыскал, опубликовал, ввел в научный оборот многие десятки документов, писем, неизвестных литературных источников, которые раскрывали глубже и шире жизнь великого русского поэта. Ценнейшие факты, события, рукописи, скрытые ранее от мира — стали достоянием русской и мировой культуры.

Его деятельность, однако, не ограничивалась именем Александра Пушкина, она относилась и ко всей отечественной литературе, к самым ее выдающимся именам. Вот лишь неполный перечень его трудов:

Белинский. Берлин, 1922; Великая совесть /Л.Н.Толстой/ СПб, 1908; А.С.Пушкин. Труды и дни. М., 1903; Новооткрытые письма Пушкина. М., 1903; Няня Пушкина. Пб, 1913; Трагедия зависти. Моцарт и Сальери. 1924; Пушкин. Пг., 1921.

Захар ДИЧАРОВ

Фото
не найдено

**Иван
Алексеевич
ЛИХАЧЕВ**

1903—1972

ТОЛЬКО ИМЯ...

ЛИХАЧЕВ Иван Алексеевич (9.1.1903, Петербург — 10.12.1972, Ленинград) — переводчик, литературовед. Учился в Горн. ин-те и Ленингр. ун-те. Окончил отд-ние ром-герм. филологии (1925), был оставлен в аспирантуре. С 1927 служил в Военно-морском Флоте, преподавал английский, немецкий и голландский яз. в вузах Ленинграда, был начальником кафедры иностранных языков ВМИУ им. Ф.Э.Дзержинского. Первый перевод — роман П.Ампа «Рельсы» — издан в 1925. В его переводах вышли стихи Дж. Хопкинса, Д.Х.Лоренса и Т.Х.Эллиота в сб. «Антология английской поэзии» (1937), Ж.А. де Баифа, Ф.Депорта, А. д'Обинье — в сб. «Поэты французского Возрождения» (1938), стихи Ш.Бодлера, Э.Дикинсон и др.; романы «Ламбель» Стендаля, «Уэверли» В.Скотта, «Лавенгро» Дж. Борроу, «Белый бушлат» Г.Мелвилла, «Сновидения» Ф. де Кеведо, «Странствия» Ф.М.Пинто, новеллы А.Азеведо и др. бразильских писателей, новеллы М.Серао и С. ди Джакомо. Им переведены также стихотворные тексты в книге А.Швейцера «И.С.Бах», либретто оперы К.Монтеверди «Коронация Поппеи», дневник Мариуса Петипа и несколько книг по музыке. Ему принадлежат публикации и комментарий в кн. «Рукою Пушкина» (1935) и в некоторых других пушкиноведческих работах.

СПРАВКА

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по С.-Петербургу и области установлено, что

ЛИХАЧЕВ Иван Алексеевич, родился 27 декабря 1902 года в Ленинграде, русский, окончил Ленинградский Государственный университет, с 1927 года по 1937 год служил в Военно-морском инженерном Училище им. Дзержинского преподавателем иностранных языков, до ареста работал и.о. доцента

1-го Ленинградского Педагогического института, проживал по адресу: Ленинград, пр. Володарского, д. 11, кв. 5.

был арестован 28 октября 1937 года УНКВД ЛВО.

Обвинялся в том, что состоял членом контрреволюционной троцкистской организации и являлся агентом итальянской разведки, разрабатывал планы террористических актов против руководителей ЦК ВКП(б) и Советского Правительства, т.е. в пр.пр. ст. 58-1»б» и 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР.

Постановлением Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел от 23 июля 1940 года осужден к заключению в ИТЛ сроком на 8 лет.

Освобожден 1 ноября 1945 года.

Определением Военного Трибунала Ленинградского Военного Округа от 25 марта 1957 года Лихачев И.А. реабилитирован.

Фото
не найдено

**Дмитрий
Михайлович
МАЗНИН**

1902—1938

ОДИН ИЗ ТЫСЯЧ

Дмитрий Мазнин /псевдонимы: Арсений Гранин, Гранин/ родился 26.10.1902 г. в Петербурге. Погиб в 1938 году в результате незаконной репрессии. Был известен, как русский советский поэт, литературный критик. Состоял в КПСС с 1920 года.

Начал печататься совсем юным, в 1918 г. В 1921 году выпустил первый свой поэтический сборник «В дыму пожаров».

В лучших стихах Дмитрия Мазнина нашла выражение тема революционной героики. Не забыта им и тема созидательного труда. Он был членом Российской Ассоциации пролетарских писателей /РАПП/. Как критик — автор ряда статей, посвященных творчеству советских писателей. Среди них — «Какова идея “Тихого Дона”» /1931/, «Александр Малышкин» /1932/, «О героях нашего времени» /1933/, «Черты героя Второй пятилетки» /1933/ и других.

Совместно с В.Киршоном выпустил сборник статей «На высшую степень» /1932/.

ДМИТРИЙ МАЗНИН*

Имя Дмитрия Михайловича Мазнина, талантливого литератора, должно стать известно нашему читателю.

* Архивно-следственную справку получить не удалось (З.Д.).

На тридцать четвертом году жизни прервалась его напряженная литературно-общественная деятельность. В 1936 году он был арестован, а через два года погиб, став жертвой репрессий периода культа Сталина.

Сознательная жизнь Дмитрия Мазнина началась в Октябрьские дни, и сразу же ее содержанием стала борьба. Веселый, жизнерадостный юноша становится активным организатором молодежи. Петроградский комсомол послал его делегатом на свой исторический Третий съезд. Навсегда запечатлелся в сердце молодого коммуниста образ Владимира Ильича Ленина, на всю жизнь запомнилась его речь. Просто и ясно говорил Ильич о величайшей на земле революции, о задачах молодежи в борьбе за коммунизм.

Дмитрий все силы отдает учебе. Он учится в Центральной политехнике петроградского комсомола, учится непосредственно на общественной работе. Мазнин был секретарем первого в Петрограде молодежного журнала «Юный пролетарий», редактором газеты «Смена», заведовал отделом печати Петроградского губкома комсомола.

Его статьи, очерки, заметки, опубликованные в первых советских молодежных изданиях, проникнуты радостью творческого созидания.

Свое восторженное отношение к новой жизни Мазнин пытается выразить поэтически. В его стихах революция — это очистительная гроза, мировой огневой шквал, в горниле которого рождается новый мир.

Непоколебима его вера в окончательную победу революции:

Мы бодрые, твердые, выдержим пламя,
Уйдем от ненастья навек, навсегда.
Все выше, все выше взвизывает знамя,
Победное знамя Труда!

В своих стихах Д.Мазнин искренне передает революционно-романтическую настроенность пролетарской молодежи, ее мечту о Коммуне Труда. Но мечта не отрывает поэта от действительности. Он видит разруху и голод, давно уже не дымящие заводские трубы. Но он знает, что

...Не спят рабочие заводы,
День за днем фундамент счастья
Воздвигая...

Большинство стихотворений Д.Мазнина осталось на страницах ленинградских газет и журналов, различных альманахов, темати-

ческих сборников: «Трибуна пролеткульта» (1922), «Под знаком комсомола» (1923), «Синеблузый май» (1923), «Стройка» (1926) и др. Единственная его отдельная книжка «В дыму пожаров» включает стихи лишь 1919–1920 годов.

Тематика этого сборника выражена в самих названиях стихотворений: «Пролетариат», «Тесней ряды», «Володарский», «Красная Армия», «К вечности». Через всю книжку проходит мотив тяжелой и радостной борьбы.

...Тяжел борьбы тернистый путь,
Но все победней блещут дали
И все свободней дышит грудь!

Дмитрию Мазнину в редкой степени было свойственно «ощущение» художественного процесса. Это позволяло ему вовремя поддерживать ведущие тенденции, удачно формировать закономерности литературного развития. Поэтому критические работы Д.Мазнина конца двадцатых — начала тридцатых годов довольно рельефно отражают важный этап в развитии эстетики социалистического реализма. Эти работы наглядно показывают, насколько невежественны утверждения ревизионистов на Западе, будто бы социалистический реализм как литературный метод предписан советской литературе «сверху» в период культа Сталина.

Знакомство с литературной деятельностью Д.Мазнина во многом поучительно для сегодняшнего литератора и читателя*.

А.ПЫЛЬНЕВ

* Статья А.Пыльнева («Нева», 1963 г., № 4, с. 179–180.) написана с позиций того времени — 60-е годы. Мы помещаем ее с небольшой редакторской правкой.

*Фото
не найдено*

**Исай
Бенедиктович
МАНДЕЛЬШТАМ**

1885—1954

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЖИЗНИ

СПРАВКА

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по С.-Петербургу и области установлено, что

МАНДЕЛЬШТАМ Исай Бенедиктович, родился 24 апреля 1885 года в г. Киеве, еврей, образование высшее, до ареста в 1935 году научный редактор издательства «Кубуч», переводчик, член Союза писателей, проживал по адресу: Ленинград, ул. Моховая, д. 26, кв. 10.

В течение 1918—1923 гг. три раза арестовывался органами ВЧК—ОГПУ: в связи с убийством Урицкого на 4 месяца, во время Кронштадтского восстания на 3 недели, в 1923 году на 3 дня. Из-под ареста освобождался без последствий.

Вновь арестован 2 марта 1935 года УНКВД ЛО, был признан социально опасным элементом и осужден в связи с тем, что он якобы к советской власти настроен враждебно, поддерживал систематическую связь с дочерью Еленой, проживающей в Англии, и дальней родственницей Габрилович В.И., проживающей в Париже, организовывал вечера, на которых присутствующие критиковали в антисоветском духе мероприятия ВКП(б) и Советского правительства, высказывали контрреволюционную клевету на руководителей Советского государства.

Постановлением Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних дел СССР от 4 марта 1935 года осужден как социально опасный элемент к ссылке вместе с семьей в г. Уфу сроком на 5 лет.

Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 13 ноября 1962 года Мандельштам И.Б. по данному делу реабилитирован.

В марте 1938 года Мандельштам был арестован органами НКВД в г. Уфе, а в 1951 году — Калужским областным управлением НКВД.

Умер Мандельштам И.Б. в 1954 году в Казахстане.

* * *

Если не знать биографии И.Б.Мандельштама, то ни за что не догадаться, что вышедшие в одном и том же году книги «Болезни электрических машин» и перевод сказок «Тысячи и одной ночи» принадлежат перу одного человека. Он получил высшее образование на Кораблестроительном отделении Петербургского Политехнического института (одновременно с Е.Замятиним) и Техническом факультете Льежского университета и стал профессиональным инженером-электротехником. Но среди многих «гуманитарных» увлечений (юриспруденция, театр) главное место заняла переводческая работа. С 1910 г. появляются в печати его переводы с немецкого (Д. фон Лилиенкрон, Р.Демель, Х.Моргенштерн, Г.Гейне) и французского (А.Франс, Ш.Бодлер, П.Верлен). Он переводил драмы, стихи, прозу.

Относительно безопасное течение жизни И.Мандельштама взорвалось 31 августа 1918 г. В этот день сын его двоюродного брата, студент Л.Канегиссер, застрелил председателя Петроградской ЧК М.С.Урицкого. В ночь на 1 сентября И.Б.Мандельштам как раз оказался у своего брата и, разумеется, в числе других посетителей, был арестован. Выпустив его через 4 месяца, карательные органы при всяком обострении политической обстановки (1921, 1923 гг.) вспоминали об И.Мандельштаме и, так сказать, превентивно, пусть и ненадолго, подвергали его аресту.

Во второй половине 1920-х гг. И.Мандельштам окончательно расстался с инженерной службой и стал заниматься исключительно переводами. В его переводах выходят А.Прево, Ж.Ромен, О.Бальзак, А.Шницлер, Ф.Шиллер и великое множество книг других авторов — И.Мандельштам работал феноменально быстро, завоевав при этом авторитет переводчика высочайшего класса. Очередной раз в НКВД вспомнили о И.Мандельштаме после убийства Кирова. Помимо предыдущего, ему припомнили то, что старшая падчерица в 1931 г. вышла замуж за иностранца и проживает в Англии. Этого оказалось достаточным для высылки в Уфу.

Здесь И.Мандельштам впервые попробовал себя в переводе с английского. Это был «Ричард II» У.Шекспира. К.Чуковский после ознакомления с переводом писал: «Перевод, исполненный И.Мандельштамом, превосходно звучит: это певучие, широкие стихи, в

которых передано главное — поэзия. Чувствуется, что переводчик свободен от... педантизма... Перевод представляется мне высокоценным произведением искусства».

Ленинградские ссылки в Уфе — а таких было немало — подверглись массовым арестам с осени 1937 г. И.Мандельштам провёл в тамошней тюрьме 8 месяцев, а затем на три года отправлен на Соликамскбумстрой — в лагерную зону.

Тем временем в Ленинграде выходили из печати его переводы — разумеется, безымянные или под именем его родственника Б.Д.Левина.

Пожить в естественных обстоятельствах свободной жизни И.Мандельштаму не удалось: вскоре после его освобождения (в марте 1941 г.) началась война. Он эвакуировался в Мелекес — к счастью, здесь же оказалась эвакуированная из Ленинграда Публичная библиотека. Продолжилась работа над переводами Шекспира, Гёте, Тассо, Гюго, переводы на немецкий Пушкина (начатые ещё в уфимской тюрьме).

После войны, в надежде на контакты с московскими издательствами, И.Мандельштам поселился в Мало-Ярославце (городок в 100-километровой зоне от Москвы). Но и здесь его настигли «органы» с очередным арестом. Тюрьмы в Мало-Ярославце не было, его и отправили в Калугу. За восемь месяцев следствия его допросили всего один раз, а затем без суда сослали на 10 лет в Джамбульскую область Казахстана, в село Михайловку. В 1953 г. срок ссылки был сокращён ему до 5 лет и в марте 1956 г. он мог бы освободиться. Но тюрьмы и ссылки вконец подорвали его здоровье и 29 июня 1954 г. И.Мандельштам скончался.

Из библиографии И.Мандельштама

Детлев фон Лилиенкрон. Три стихотворения // Вестник Европы, 1910. № 4, с. 88—89.

Гейне Г. Диспут // Летопись. № 7, с. 19.

Франс А. Взгляды аббата Жерома Куапьяра. Пг., 1918.

Гёте И. Страдания молодого Вертера. Пг., 1922.

Мюрже А. Сцены из жизни богемы. Л., 1922.

Бальзак О. Утраченные иллюзии. Л., 1930.

Фромантен Э. Доменик. Л., 1930.

Шекспир В. Венецианский купец. Король Генрих VIII // Шекспир В. Избранные сочинения: В 4 т. М.; Л., 1940. Т. 3.

Шекспир В. // Шекспир В. Собр. соч. Т. 7. Л., 1949.

Антология мировой поэзии. М., 1998, с. 123—124.

Валерий САЖИН

**Павел
Владимирович
МЕЛЕНТЬЕВ**

1905—1994

КОРАБЛИ СМЕРТИ

Эта глава имеет название — «КОРАБЛИ СМЕРТИ». Помещенная под ним информация потрясает: бессмысленная жестокость, зверская расправа над беззащитными — бесчеловечные деяния палачей сталинской эпохи.

«СТРАШНЫЙ ТРЮМ» — это воспоминания бывшего узника НКВД — Павла Мелентьева. Он был арестован в Ленинграде 17 сентября 1941 года. Это дни, ставшие началом блокады. Перед теми, кто охранял тысячи арестантов, обитавших в тюрьмах города, встал вопрос: что делать с их населением в случае, если Ленинград падет под ударами немецких войск?.. — тех, кто заточен в камерах «Крестов», Внутренней тюрьмы «Большого дома», то есть НКВД, в бывшем военно-каторжном Централе на улице Лебедева. Гитлеровское командование может использовать их в войне против СССР. Стало быть, надобно их срочно эвакуировать вглубь страны, в Сибирь. Но как это сделать: Ленинград уже в осаде. Оставался только водный путь: по Ладожскому озеру до Волхова и затем вверх по реке до железнодорожной станции Званка.

Таким маршрутом и потянули на буксире огромную железную баржу от железнодорожной станции «Ладожское озеро» по воде к предписанному пункту.

Павел Мелентьев — не был литератором: ученый, инженер, доктор наук, профессор Текстильного института, он написал свои воспоминания, имея ввиду их опубликовать после того, как полу-

чит свободу. Но напечатал только отрывок в газете «Литературный Ленинград» в 1972 году. Еще одну часть его воспоминаний помещаем мы в этой книге.

Захар ДИЧАРОВ

СТРАШНЫЙ ТРЮМ

...Открылась дверь, и мы увидели, что находимся на задних путях Финляндского вокзала, около большого поезда, состоящего из арестантских вагонов с решетками на окнах. Одновременно разгружалось по нескольку машин, причём — от машин к вагонам был узкий проход, по сторонам которого стояли, плечо к плечу, вооруженные солдаты с овчарками на поводках. По этому проходу и пришлось идти метров двадцать до вагона.

Поздно вечером поезд тронулся в направлении к станции Ладожское озеро.

На станции Ладожское озеро поезд долго стоял. Время от времени вспыхивала стрельба, и комариным пеньем доносились голоса немецких самолетов. Вокруг путей, здесь и там, виднелись заполненные водой воронки. Здесь был единственный выход из осажденного Ленинграда, через Ладожское озеро, и враги уделяли этому району большое внимание.

Из Ленинграда подошел еще один арестантский поезд.

Раздалась команда: «Вылезай». Мы прыгнули со ступенек вагона и направились к дороге, проходившей рядом с путями. На дороге образовывалась колонна рядов, по восемь-десять человек в каждом. По мере формирования ряды становились в снежную грязь на колени, и стояли так в ожидании окончания построения. Колонна была окружена солдатами с автоматами, с небольшими интервалами были расставлены собаки, и какой-то лейтенант с громадным деревянным молотком наподобие крокетного командовал парадом, энергично подталкивая заключенных, которые недостаточно быстро примыкали к колонне.

Время от времени он выкрикивал: «В ряды становись плотнее! Шаг в сторону считается побегом. Стреляем без предупреждения!»

Простояв несколько часов на коленях, колонна по команде двинулась. Мы были предупреждены, что отставание от колонны будет караться тем же, поэтому отстающих не было. Более сильные брали под руки слабых и вели их, уводя от смерти, шедшей за ними по пятам.

Пройдя несколько километров, мы подошли к берегу озера. У берега стоял громадный лихтер — озерная баржа вместимостью до двух тысяч тонн груза. В данном случае груз был живой, и это причиняло администрации много хлопот, так как его нельзя было укладывать штабелями. С берега на лихтер были перекинута узенькие мостки. Подниматься нужно было на высоту двух этажей. Некоторые не могли самостоятельно одолеть такой подъем, им помогали другие заключенные, подтягивая и подпихивая их.

Пока передние ряды погружались, мы отдыхали от марша. Перед нами расстилалась гладкая вода; при последних проблесках вечернего света она казалась свинцовой, и на ее фоне баржа выглядела черным призраком — кораблем мертвых.

Вдали, за заливом, по-видимому, шло сражение; звуков не было слышно, но над темным горизонтом во многих местах непрерывно взлетали огненные вспышки.

Наконец, подошла и наша очередь. Карабкаясь по влажным мосткам, я влез на баржу. Два ряда конвойных стояли на палубе и направляли поток заключенных к ступеням в трюм. В темной бездне трюма метался огонек: лейтенант с крокетным молотком, исходя руганью, подталкивал спускавшихся вниз своим молотком, стараясь достичь предельной плотности упаковки. Люди стояли, держа вещи в руках, впритык друг к другу. За мной выросли новые и новые ряды. Ночью загрузка трюма закончилась, и трюмный люк был наглухо закрыт.

Как потом выяснилось — трюм состоял из трех отделений — мужского, в котором было набито около 3 тысяч человек, женского, где находились около 300 женщин, и небольшого уголка, в котором везли 200 немцев — военнопленных. Эти три отделения были изолированы друг от друга двойными дощатыми переборками.

Если бы все заключенные, бывшие в барже, относились только к разряду политических, то несмотря на невероятные трудности пути, выяснившиеся в дальнейшем, большинство благополучно доехало бы до Званки, и, может быть, лишь несколько человек не выдержали бы скученности, духоты, необходимости стоять долгое время на ногах и прочих неудобств.

Люди в трюме были перемешаны. Привезенные из тюрьмы Большого дома — с заключенными «Крестов», в большинстве уголовниками. Это было равносильно перевозке стада овец и нескольких волков в одной клетке.

В первую ночь было тяжело, но терпимо. Тяжело потому, что нужно было стоять все время на ногах — сесть было физически невозможно из-за полного отсутствия места. Приходилось держать

вещи в руках, что еще более утомляло. Но толпа в трюме не стояла на месте, а все время какими-то вихревыми движениями медленно передвигалась.

Люди пытались ошупью пробраться куда-то, где они надеялись найти хоть кусочек места, чтобы поставить на него свой узелок, и самим присесть на него, дав себе хоть кратковременный отдых.

Счастливыми оказались те немногие, кто разместился на прогонах и раскосах креплений, поддерживавших палубу. Они могли прилечь на балки и брусья. Некоторые устраивались у шпангоутов; оторвав кое-где доски внутренней обшивки, они залезали между двумя обшивками и могли как-то прикорнуть там.

Так мучились мы до утра, моля судьбу об одном: чтобы скорее добраться до Званки и покинуть эту страшную мышеловку.

Настало утро. Светлее почти не стало; сквозь редкие щели в люках пробивались узенькие полоски и без того слабого света. Однако — можно было хоть видеть лица друг друга.

Уголовники начали первые попытки деятельности: они как-то сгрудились в одном из отсеков, изгнали оттуда всех «контриков» и направили во все концы своих представителей, с требованием отдать им весь имеющийся у людей табак. Если кто говорил, что табаку у него нет, но этот ответ почему-нибудь показывался подозрительным, то к нему тут же подходили два-три вора и делали ему «шмон», то есть — обыскивали, причем, если находили табак, то брали табак, и в наказание за ложь — все, что попутно попадало им под руку, если же табака не оказывалось, то брали только все остальное. Никаких протестов не принималось, а протестующих предлагали «пришить», то есть зарезать. Однако — в этот первый день такие угрозы еще не осуществлялись.

Днем (это было десятое октября) в центральном отсеке, под люками, началось какое-то движение. Люки приоткрылись, и какой-то начальник из караульных начал разговаривать с населением трюма. Истомившиеся арестанты в один голос начали умолять выпустить их, или хоть рассадить так, чтобы можно было вздохнуть. Начальник заявил, что этого сделать нельзя, но в трюм будут спущены бревна и доски, чтобы сделать нары. Тогда общая площадь увеличится и все смогут как-нибудь сесть.

Я не знаю подробностей того, что последовало, так как к своему счастью находился в одном из углов трюма. В то время, правда, я очень горевал, что моя несчастливая звезда не дала мне возможности устроиться на нарах или хотя бы под нарами, где должно было быть посвободнее. Но, очевидно, судьба еще не решила — стоит ли меня окончательно угробить, и я в районе нар не оказался.

А с нарами произошло следующее: когда были опущены вниз строительные материалы, добровольцы из заключенных начали их укладывать — сначала бревна, а поперек их доски. Остальные так стремились облегчить свое положение, что, не дожидаясь конца работы, полезли на нары. Многие остались внизу, так как там стало свободнее. Чем больше часов нашего пребывания в трюме проходило, тем хуже в нем становился воздух и люди со слабым сердцем начали задыхаться. Понятно поэтому, что на нары, которые были повыше, а, следовательно, ближе к палубе и свежему воздуху, лезло все больше и больше людей.

И вот — в один ужасный момент нары не выдержали непомерной нагрузки, балки поломались и все обрушилось на тех несчастных, которые находились под ними. Это было уже вечером; в трюме было вновь темно, и баржа превратилась в подлинный ад. Крики, стоны и вопли задавленных и разбившихся неслись в продолжение нескольких часов, но надо отдать должное «присутствию духа» конвоя: он выдержал все просьбы и мольбы, и не вмешивался в то, что происходило под палубой. Никакой помощи никому оказано не было и стоны умирающих понемногу замолкли, сменившись уже другими криками и стонами.

К ночи, чтобы все заключенные не задохнулись, конвою пришлось открыть люки трюма. Открыт был и тот люк, к которому из трюма вели ступеньки лестницы. У верха лестницы встали конвойные с автоматами. Не знаю — было ли сделано какое-нибудь предупреждение о запрещении подниматься по ступеням, или нет, но на лестнице разыгрался следующий кровавый акт нашей драмы.

Задыхающиеся узники время от времени пытались подняться по лестнице на несколько ступенек, чтобы глотнуть чистого воздуха. Немедленно следовали выстрелы, и несчастные, глотнув вместо воздуха свинца, навзничь опрокидывались вниз. Несколько стонов и судорожных подергиваний, и — «надышавшиеся» успокаивались. Это было может быть лучшим исходом для тех, чье слабое сердце все равно не вынесло бы атмосферы трюма, в которой нам пришлось пробыть неожиданно долгое время.

Ужасна была дальнейшая судьба тех, кого не убили, а только поранили. Не получая никакой медицинской помощи, они умирали через несколько часов или через один-два дня.

Когда конвой устал от упражнений в стрельбе — люк у лестницы был снова захлопнут. Начался новый ужас.

Как было установлено потом, конвой вошел в контакт с уголовниками и договорился с ними о следующем: уголовникам была предоставлена возможность грабить всех, находившихся в трюме,

при условии, что они будут делиться награбленным с конвойными. За это им была обещана безнаказанность и снабжение хлебом и водой. Нужно отметить, что остальные заключенные в течение шести суток, проведенных в трюме, не получили ни куска хлеба и только один раз им давали воду.

В наступившей после закрытия люка относительной тишине начали слышаться то здесь, то там какие-то хрипы, предсмертные крики и вопли, быстро прекращавшиеся. Во тьме поползли слухи о том, что кто-то кого-то убивает, но из-за полного отсутствия видимости ничего нельзя было разобрать и это было вдвойне страшно.

Уголовники, находившиеся под началом нескольких опытных бандитов, повели свою грабительскую кампанию весьма продуманно. Они понимали, что, находясь в меньшинстве (большей частью заключенных были политические), они не смогут просто грабить, так как им дадут отпор. Поэтому они решили сперва создать панику, чтобы полностью уничтожить все возможности сопротивления.

В различные углы трюма ими были посланы убийцы, вооруженные большими гвоздями, искривленными на подобие серпов и, так же, как серпы, изнутри отточенными. Убийцы, группами по несколько человек, в темноте ощупывали пальто и, убедившись, что пальто хорошее, приступали к делу. Двое-трое хватали намеченную жертву, а один из них вонзал свое оружие ей в горло, разрывая гортань. Убийство сопровождалось быстрым раздеванием. Когда таким путем было убито несколько десятков человек, в барже начался подлинный бесовский шабаш. Заключенные в ужасе выли нечеловеческими голосами, моля о помощи, которой никто не собирался им оказывать.

Убийцы понемногу начали действовать смелее, и решили доставить себе развлечение. Вместо того, чтобы вырывать гортань, они, хватая жертву, забирались ей в половые органы и отрезали их. Не знаю, какой вид смерти был мучительнее, но знаю, что от одного ужаса ожидания того, что и на тебя могут напасть, многие сходили с ума.

Прошло с того времени много лет. Берии и насаждавших их порядков больше нет, и многие не поверят, что такие вещи были возможны. К сожалению — были!

На следующий день на барже распространился слух, что близится высадка. За время пребывания в трюме мы не знали — стоим ли на месте, или движемся, так как легкое покачивание баржи могло происходить от прибрежного волнения, так же, как и от хода. Даже налет на баржу немецких самолетов, встреченный с нашей стороны пулеметной стрельбой, не дал ничего понять. Где-то упала бомба, нас качнуло, но где все это произошло, осталось

для нас тайной. Можно лишь сказать, что нам повезло. Потом я узнал, что другую такую баржу с заключенными немцы потопили вместе со всем содержимым.

В ожидании высадки у главного люка выстроились люди со свертками и мешками. У меня в руках уже ничего не было, и один из соседей отдал мне одеяло, для которого у него не хватало рук. Долго стояли мы, но так ничего и не дождались. Опять настала ночь, но исхода не было.

На следующее утро, после, примерно, шести суток пребывания в трюме, мы внезапно увидели проплывшие над люками фермы железнодорожного моста через реку Волхов, показавшие нам, что пребывание в этом аду близится к концу. Действительно, через несколько часов началась разгрузка баржи.

Я забыл сказать, что частичная разгрузка производилась еще раньше. Видя, что количество трупов в барже катастрофически растет, и по прибытии в Званку будет много работы по их выбрасыванию, конвоиры спустили в трюм канат, и приказали зацеплять петлю каната за ноги покойников. После этого несколько трупов было поднято и, вероятно, выброшено за борт. Но вдруг наверху послышалось несколько выстрелов. Оказалось, что какой-то из заключенных решил попытаться бежать. Притворившись мертвым, он позволил закрепить на себе петлю, но при вытаскивании, очевидно, не выдержал боли и выдал себя, после чего был тут же пристрелен. После этого случая вытаскивание трупов прекратили, опасаясь, вероятно, побегов.

Нам пришлось довольно долго ждать разгрузки из-за того, что сначала выгрузили немцев, затем женщин. У женщин не было столько жертв, как у мужчин, но они перенесли другие мучения. В эти дни уголовники проломали перегородку в отделение женщин, и с помощью своих приятельниц из женского отделения многих ограбили, после чего изнасиловали некоторых молодых заключенных женщин.

Для выгрузки в трюм были спущены мостки — не знаю почему, но имевшейся лестницей пользоваться не дали, и люк перед выгрузкой заколотили. Может быть, опасались, что толпа хлынет из трюма и ее будет трудно удержать. При выходе каждому давался полукилограммовый кусок хлеба и пригоршня соленых рыбок. Тут же стояли бочки с водой. Покидая трюм, я оглянулся: дна не было видно, оно было покрыто толстым слоем начинающих разлагаться мертвецов.

Выгрузившись с баржи на берег, мы были вновь поставлены на колени до начала движения колонны к поезду.

Вокруг места выгрузки растянулась частая цепь вооруженных автоматами солдат. Несколько овчарок рвались с поводков, подго-

ня слезавших с баржи. В Званке уже лежал первый снег, и после зловония и миазмов трюма свежий морозящий ветерок вызывал головокружение.

Страшный этап был позади. Предстояло далекое путешествие в железнодорожных вагонах.

ТЮРЕМНЫЙ ХЛЕБ

«Тюремный хлеб» — как много власти
Таят подобные слова...
Они сильнее порыва страсти,
Страшнее, чем рычанье льва.
Как только, ранним утром, в руки
Кусок полученный берешь —
И счастье чувствуешь, и муки,
И в сердце радостную дрожь...
Ведь этот хлеб — источник жизни,
Единственный, доступный нам;
Подачка мачехи-отчизны
Ее несчастнейшим сынам.
И усмехаешься при мысли,
(Себя в ней как-то улича)
Что — хлеб тюремный, самый кислый,
Намного слаще кулича!
Но — встреча с этим вкусным хлебом
Такою платится ценой,
Что — лучше смерть под чистым небом,
Чем жизнь, убитая тюрьмой!

1941

17 СЕНТЯБРЯ 1942

Сегодня — юбилей несчастья моего.
Двенадцать месяцев, как я лишён свободы...
В чём провинился я? Что сделал? — Ничего!..
За что же столько мук, и столько злой невзгоды?
Семь тюрем испытав за этот тяжкий год,
Я с каждым новым днём всё более слабею.
Не знаю, что скорей — свобода ли придёт,
Иль заключение мне переломит шею?

1942

Павел МЕЛЕНТЬЕВ

**Владимир
Иванович
НАРБУТ**

1888—1938

**РУССКИЙ ПОЭТ
ВЛАДИМИР НАРБУТ**

Федеральная служба безопасности
Российской Федерации
Центральный архив
3.12.99 № 10/А-4236
г. Москва

Сообщаем, что в Центральном архиве ФСБ России находится на хранении архивное следственное дело в отношении Нарбута В.И., в материалах которого имеются следующие сведения:

НАРБУТ Владимир Иванович, 1888 года рождения, уроженец г. Глухова Сумской области, арестован 11 ноября 1936 г. и по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 23 июля 1937 г. за контрреволюционную деятельность заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет. Отбывая наказание в местах лишения свободы, по решению Тройки УНКВД Дальстроя (статья обвинения не указана) осужден к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 14 апреля 1938 г.

По определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 31 июля 1956 г. и постановлению Магаданского облсуда от 19 сентября 1956 г. Нарбут В.И. реабилитирован.

НАРБУТ Владимир Иванович [2(14).4.1888, хутор Нарбутовка Глухов. у. Чернигов. губ. — 14.4.1938], поэт, прозаик, критик.

С 1922 Н. работал в Наркомпросе в Москве, с 1924 — зам. зав. отделом печати при ЦК РКП(б), с янв. 1927 — один из руководителей ВАПП. Был редактором ж-лов «30 дней» и «Вокруг света», основателем и пред. правления изд-ва «Земля и фабрика», «собирателем литературы Земли Союзной», по формуле А.С.Серафимовича (А.Крюков — «Подъем», 1987, № 11, с. 119). В качестве такового являлся конкурентом видного организатора лит. процесса А.К.Воронского — вероятно, это обстоятельство и породило слух, что именно по инициативе последнего партийные инстанции рассмотрели вопрос о скрытии Н. своих показаний белой контрразведке в Ростове. Это стало причиной исключения его из партии («Правда», 1928, 3 окт.). После этого Н. жил лит. поденщиной, однако в 1933—34 снова стал писать стихи, исповедуя лозунг «научной поэзии» (см. отчет о вечере «Красной нови» — ЛГ, 1934, 20 мая). Был изруган за «насильственное штукачество заблудившегося и в поэзии, и в нашей действительности интеллигента» (В.Я.Кирпотин — «Октябрь», 1936, № 6). 26 окт. 1936 арестован по доносу, осужден 23 июля 1937 на 5 лет, этапирован в пересыльный лагерь под Владивостоком и затем в ноябре — в Магадан, повторно судим тройкой НКВД 7 апр. 1938 и 14 апр. расстрелян (по нек-рым свидетельствам, утоплен на барже — эту версию принимал М.Зенкевич — см. его стих. «Памяти Владимира Нарбута», 1940) (подробности см.: Б и р ю к о в А.М., «Считать умершим от сердечной недостаточности...». — В его кн.: Последний Рюрикович, Магадан, 1991, с. 18—46).

Стихотворное, а особенно прозаич. наследие Н. в полном объеме пока не собрано и не выявлено.

Р.Д.ТИМЕНЧИК

Фото
не найдено

**Александр
Александрович
ОВСЯННИКОВ-
ОЛЬШЕВСКИЙ**

1878—1951

ТОЛЬКО ИМЯ...

СПРАВКА

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по С.-Петербургу и области установлено:

ОВСЯННИКОВ—ОЛЬШЕВСКИЙ Александр Александрович родился 9 октября 1878 года в г. Одессе, русский, образование высшее незаконченное, состоял в партии эсеров с 1904 года до 1918 года, в 1906 году был арестован за участие в Железнодорожном Союзе, за что был осужден на два года ссылки, замененной высылкой за границу. В 1917 году во время Октябрьского вооруженного восстания был арестован в Штабе военного округа, содержался под арестом в Петропавловской крепости несколько дней, затем был освобожден. До ареста работал литератором на дому, проживал по адресу: Ленинград, Кировский пр., д. 54, кв. 55.

Арестован 10 сентября 1938 года УНКВД ЛО.

Обвинялся в том, что являлся участником нелегальных сборищ антисоветской кадетской организации, на которых вел антисоветскую агитацию.

Постановлением Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних дел СССР от 10 ноября 1939 года осужден к ссылке в Казахстан сроком на 5 лет. Направлен в г. Кзыл-Орда.

Заключением Прокурора Ленинграда от 27 июля 1989 года Овсянников—Ольшевский реабилитирован.

ОЛЬШЕВСКИЙ Александр Александрович (сент. 1878, Одесса — 23.09.1951, Кзыл-Орда Уз. СССР) — прозаик. Начал высту-

пать в печати с 1920. Специализировался в области истории Французской революции. С 1939 жил в г. Кзыл-Орда, где написал роман «Киберон» (из эпохи Великой Французской революции), поэму «Путь человека», стихи (не опубликованы). Автор предисловия и примечаний в кн.: Шарлотта Робеспьер. «Воспоминания» (1925, пер. Е.Л.Овсянниковой, 1887–1968). Подготовил сб. «Песни первой французской революции» (1934). Архив находится в ЛГАЛИ.

1. Друг народа Марат: Ист. повесть. — М.; Л., 1931; Жан-Поль Марат (Друг народа): Ист. очерк. — М., 1933; Марат. — М., 1938.

**Сергей
Владимирович
ПЕТРОВ**

1911—1988

СЕРГЕЙ ПЕТРОВ — ЯЗЫКОВЕД

ПЕТРОВ Сергей Владимирович (7.04.1911, Казань) — переводчик, литературовед. Окончил филологический факультет Ленинградского университета (1931). Преподавал в Ленинградском университете, в Высшем военно-морском училище им. М.В.Фрунзе, в других вузах и техникумах. В его переводе опубликованы многие стихотворные произведения Г.Сакса, Ю.Векселля, К.Ф.Мейера, Р.М.Рильке, Э.Арендта, Ш.Бодлера, С.Малларме, ряда скандинавских поэтов. Подготовил к изданию (сост., пер. и коммент.) кн. «Поэзия скальдов» (1980). В его переводе вышел роман М.П.Якобсен «Фру Мария Груббе». Редактировал сб. «Датская новелла», «Норвежская новелла» и др. Автор статей: «О пользе просторечия» (в кн. «Мастерство перевода», 1963); «Поэзия древне-исландских скальдов и понятие народности в искусстве» (в кн. «Скандинавский сборник», 1973, вып. XVIII). I. Как пользоваться словом. — Л., 1968. — В соавт. с Т.Крестинской.

С П Р А В К А

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и области установлено, что

ПЕТРОВ Сергей Владимирович,
родился 7 апреля 1911 года

(по другим данным 1910 г.)
в г. Казань, окончил Ленинградский
Историко-лингвистический институт*, /
до ареста работал преподавателем иностранных языков в Военно-мор-
ском училище им. Фрунзе и Машиностроительном институте,
проживал по адресу: Ленинград,
пр. 25 Октября, д. 108, кв. 2.
Был арестован 25 февраля 1933 года ПП ОГПУ в ЛВО.

Обвинялся в том, что являлся членом руководящего ядра к/р фашист-
ской организации, вел к/р пропагандистскую и вербовочную деятель-
ность, активно участвовал в работе фашистских ячеек организации, т. е.
в пр. ст. 58—11 УК РСФСР.

Постановлением Тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 14 апреля 1933 года
осужден к заключению в концлагерь сроком на 10 лет с заменой высыл-
кой на тот же срок в Зап.-Сиб. край.

Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 28
августа 1959 года Петров С.В. реабилитирован.

Сергей Владимирович Петров — поэт, переводчик и филолог.
Его переводческий дар — слагаемое двух других его дарований —
поэтического и лингвистического.

Стихи, по свидетельству Сергея Владимировича, он начал пи-
сать после сорока лет, когда понял, что «может сидеть на стуле».

Жизнь у Петрова была непоседлива. Родился он в Казани, учил-
ся в Ленинграде (закончил Петришуле и Университет — это время
приходится на конец двадцатых, начало тридцатых годов), в 1933
году был репрессирован. В 1954 возвратился на Северо-Запад
России, Новгород, постоянно наезжая в Ленинград, где у него жила
мать и куда он в 1976 году окончательно перебрался.

Человек живейшего, иронического и даже ернического ума, бо-
гатайшего чувства юмора, шутник и чудак, Сергей Владимирович
был, несмотря на свой острый язык, всеобщим любимцем.

Уже передвижения Сергея Владимировича говорят о многооб-
разии культурных слоев и языковых впечатлений, сопровождав-
ших его. Сибирь дала ему знание языка русской глубинки, — ко-
лоритного и крепкого; Новгород вошел исконной Русью. И как бы
превосходно ни знал Сергей Владимирович западную культуру и
западноевропейские языки (его основная специальность по обра-
зованию), — лучше всего он владел языком российским.

В Ленинградском университете С.В.Петров закончил отделе-
ние скандинавистики, посещая при этом разные семинары, в час-
тности, семинар по санскриту у профессора Ф.И.Щербатского.

* Неточность в документе. Имеется в виду Ленинградский университет (З.Д.).

Помимо скандинавских (шведского, норвежского, датского, древнеисландского), немецкого и английского, С.В.Петров прекрасно знал языки французский и польский и переводил с них. С конца 50-х годов, когда раздвинулся железный занавес и долго скрываема́я западная литература стала доступной, при секции переводчиков Союза писателей были организованы семинары для молодых переводчиков прозы и поэзии, создавшие великую школу отечественного перевода. Руководителем семинара скандинавской прозы стал Сергей Владимирович. Членами его семинара были, в частности, талантливый поэт и переводчик скандинавской, немецкой и польской поэзии, покойная Вера Федоровна Френкель и ныне здравствующая Инна Павловна Стреблова, замечательный мастер прозаического перевода, которую Сергей Владимирович всегда выделял и которая впоследствии руководила переводческим семинаром, вырастив целую плеяду талантливых переводчиков. Школа Петрова — это прежде всего школа русского языка. Прекрасно зная речь народную, деревенскую, Сергей Владимирович считал, что и просторечные выражения должны подчиняться нормам родного языка, а не подстраиваться под чужую систему, чем вызывал бурные дискуссии на заседаниях секции переводчиков. Таков знаменитый эпизод с балладой Р.Бернса, известной в переводе Маршака как «Веселые нищие», которую Сергей Владимирович не только перевел как «Развеселые нищebroды», но и включил в текст выражения нецензурные, а попросту говоря, «матерные», считая, что только они могут адекватно передать грубый колорит английского текста.

В собственных переводах Петров любил стихотворчество, игру слов, этимологические изыски, редкие слова, не на поверхности нормативного литературного языка лежащие, — а периферийные, из забытых или недоступных говоров, но учитывал при этом всю стилистическую парадигму того или иного слова. Так рождалась поэзия вопреки литературе. Некоторые его коллеги, например, покойная Э.Л.Линецкая, главный дар Сергея Владимировича видели в виртуозном владении русским языком. В этом смысле он выделялся и на фоне секции переводчиков, состоявшей из блистательных художников слова — Е.Г.Эткинда, Т.Г.Гнедич, В.Е.Шора, Ю.Б.Корнеева, М.А.Донского, Т.И.Сильман, И.М.Чежеговой, В.Е.Васильева и других. Иногда Петров, конечно, перебарщивал, увлекался, требуя излишней русификации (вплоть до перевода имен). Играя в эту игру, Сергей Владимирович переводил на русский язык даже имена поэтов и писателей. Например, Стефана Малларме называл «Степан Плохоослезненный», а Фейхтвангера — «Влажнощекий». Парадоксально (может быть, потому и верно?)

объяснял этимологию слова «олух», выводя ее из словосочетания «олух царя небесного»: «олух»-де происходит от имени норвежского короля, святого Олафа, отсюда и добавка — «царя небесного».

Как переводчик Сергей Владимирович печатался сравнительно много: известны его блистательные переводы скальдической поэзии, опубликованные под редакцией М.И.Стеблина-Каменского в серии «Литературные памятники», польских поэтов Б.Лесьмяна, Я.Каспровича (вышедшего отдельной книгой), шведского поэта К.М.Бельмана (отдельной книжкой изданного уже после смерти переводчика), французов С.Малларме и П.Верлена (где Сергей Владимирович выступил достойным и едва ли не лучшим соперником Б.Пастернака и Э.Линецкой), и, наконец, Р.М.Рильке.

Петров переводил разные циклы Рильке, но самым замечательным его творением явился «Часослов», выпущенный «Азбукой» в 1998 году, но известный любителям поэзии Рильке и почитателям таланта Сергея Владимировича уже давно. И стихи К.М.Бельмана, и «Часослов» Р.М.Рильке стали поэтическими событиями последних лет, войдя, безусловно, в строй русской лирики.

Так, если поэтике самого Рильке, в частности «Часослову», свойственны густота и вязкость, тягучесть, языковая плотность, то в русском переводе Петрова это свойство усилено. Может быть, Рильке все-таки более прозрачен и тих, но при передаче прозрачности и тихости легко впасть в другую крайность — водянистости и бесстрастия, противоположенных стиху Рильке. Кроме того, и сам русский язык более подвижен и «глаголен», чем немецкий, но при этом и более массивен, в то время как немецкий — номинативно-созерцателен, предметен и размерен. Так, достоинства немецкого языка, воплощенные Рильке, выявляются в переводах Петрова через достоинства языка русского. Это и есть переводческая адекватность, учитывающая взаимодействие двух языков, при котором оригинальный и переводной текст помогают друг другу раскрыть свои богатства. Именно этим законам языка *богатого*, следует переводчик, предпочитая их языковой *правильности* и поступая тем самым совершенно в духе И.Г.Гердера, весьма почитаемого С.В.Петровым.

Вот один из образцов русского «Часослова», сотворенного Сергеем Владимировичем вслед за Райнером Марией Рильке.

АЗ ЕСМЬ еще смиренноликий,
Повитый манатьей монах,
я послушатель Твой великий,
в ком аз Тя зрих и Тя познах.

Я голос келии укромной,
а мир шумит вдали от ней.
И Ты, все тот же вал огромный,
бегущий в гуще всех вещей.

...

Ужель Ты — все, а я единый
в моей мятежной тишине?
И не всему ли я причиной?
И не за всех ли я повинный,
а Ты — Ты немо внемлешь мне?

Какие слышишь голоса?
Чему внимаешь? Буре? Плачу?
Кому? Я тоже что-то значу,
и ждут Тебя мои леса.

Иль сирой песней слух твой, Боже,
закрыт моленью моему?
Но я себе внимаю тоже,
как одинокому псалму.

Я тот же, кто стучал когда-то
и не вошел в Твои врата.
И после каждого заката
я — уязвленный сирота.

Я отрешен людских веселий,
отсельник всякой суеты,
и вещи, где я жил доселе,
стоят как старые скиты....

Собственные стихи Сергея Владимировича, печатавшиеся при его жизни в разных журналах, отдельной книжкой вышли только после его смерти (Сергей Петров. Избранные стихотворения. Составители А.А.Петрова и В.И.Шубинский. Предисловие В.И.Шубинского. Изд-во «Эзро», СПб., 1997).

Подобно своей поэзии, Сергей Владимирович сам — человек полифонический, наделенный полярными, *всякими* качествами, максималист, знавший уйму разных вещей, требовавший и от других таких же максимальных познаний, хотя бы в профессиональной области. «Как же это вы, филолог, не знаете текстов А.Белого наизусть?». «Ну и что же?» (реакция не филолога). «Ты можешь — и не знать, а он (филолог) — обязан».

Великолепно знал Сергей Владимирович и музыку, что проявилось в его стихах не только в форме фуги, но и тематически, напри-

мер, в таких текстах, как «Танцевальная сюита», посвященная Елене Шварц, или «Первый концерт (As-dur) для рояля с оркестром»; был меломаном, сам играл на рояле и рассуждал о музыке как профессионал. Любил собирать грибы и в особенности философствовать на эту тему, теоретизировал и по поводу огорода, зная, как что растет, — но при этом, несмотря на свою осведомленность в вопросах житейских, интерес к практическому бытию, был он человеком не от мира сего, вечным ребенком, наивно, например, полагавшим, что из Валдайского озера можно пить, — и тут же, зачерпнув воду ладонью, подносил ее ко рту, что гриб сам пойдет к тебе в руки, стоит только похвалить его, что если мучит жажда, то согдится вода и дистиллированная, что каждая пересохшая канавка или ручеек должны оказаться речкой Веряжкой, которую тщетно ищешь, и что если у друзей есть машина, то на ней непременно нужно отправиться куда-нибудь далеко, захватив с собой и других знакомых, лишь бы поместились. Как человек Сергей Владимирович тоже был универсальным — «вселенским»: утонченным ценителем прекрасного и простым «мужиком бородатым», искренним во всех своих ипостасях.

Писал Петров и прозу, среди которой есть великолепные по своему языку повести, например, «Аз и я» (название — шарада). «Я тут одну повестушку написал», — говаривал Сергей Владимирович, поглаживая бороду. В свой скитальческий период, когда он жил в Новгороде, а в Ленинграде бывал наездами, С.В.Петров ютился на разных квартирах — то у Разъезжей, то у Черной речки, то еще где-нибудь. Туда ходили к нему на день рождения, на именины, которые он одно время праздновал два раза в году, а потом, в оседлый период, уже при второй супруге, только 17 июля, на Сергия Радонежского. Но и не имея своего дома, всегда по-детски радостный, охотно принимал гостей, предупреждая, однако, чтоб стулья приносили с собой.

Спал Сергей Владимирович в скитальческий период своей жизни урывками, а работал ночью. Тем не менее, если в Новгород к нему приезжали гости (а вели они себя безжалостно), он с утра, после бессонной ночи, шел показывать церковную старину, которую знал досконально. Один из новгородских друзей Сергея Владимировича, искусствовед и реставратор города (тоже репрессированный петербуржец), Н.А.Чернышев, всегда охотно помогал ему в этом, принимая гостей Петрова, как своих. Жил Н.А.Чернышев в келье Антониева монастыря, в пределах которого помещался Новгородский пединститут — в нем Сергей Владимирович проработал несколько лет, но вкуса к педагогической работе не приобрел.

Помимо супруги Александры Александровны, которая была и его восторженным читателем, и критиком, нужно упомянуть еще одного человека, многие годы бывшего его «глазом», «рукой», советчиком, словесным контролером. Это — Б.М.Магид, языковое чутье которой весьма ценил Сергей Владимирович. Исконному русскому языку, считал он, можно выучиться только в российской глубинке, а уж никак не в интеллигентной среде большого города.

Таков далеко не полный образ С.В.Петрова, замечательного поэта, школу которого прошли многие из ныне пишущих, человека, прожившего тяжелую жизнь, но никогда, по его собственным словам, не терявшего внутреннего стержня.

Жизнь моя облыжная,
махов по сто на сто,
перебежка лыжная
по коростам наста.
Но ты — в глазу проталинка,
в беге — передышка,
талая хрусталинка,
дымная ледышка...
Но ты — в душе отдушинка.
Что же смотришь хмуро,
ты, Психея-душенька
с мордочкой лемура?

Нина ГУЧИНСКАЯ

Степан
Степанович
ПЕТРОВ
(ГРААЛЬ
АРЕЛЬСКИЙ)

1888—1937

ГРААЛЬ АРЕЛЬСКИЙ — ПОЭТ МИНУВШЕГО

На запрос от 27.01.2000 г.

По материалам архивного фонда Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области проходит:

Петров (Грааль Арельский) Степан Степанович (Стефан Стефанович), родился 09 декабря 1888 г., уроженец г. С-Петербурга, русский, образование незаконченное высшее — 5 курсов Университета без защиты диплома в 1914 г., до ареста работал в Государственном Гидрологическом институте нормировщиком, проживал по адресу: г. Ленинград ул. Ленина, д. 20/66, кв. 20.

«...в 1913 году был арестован охранным отделением за участие в студенческих организациях, был под арестом 4 месяца и освобожден без последствий...» В декабре 1917 года был арестован по подозрению в принадлежности к партии эсеров, просидел 2 месяца и был освобожден. Дважды арестовывался в 1921 году за связь с эсерами, но был освобожден ПЧК за недоказанностью обвинения.

Был арестован Управлением НКВД по ЛО 16 декабря 1935 г. по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР, в том, что: «...вел контрреволюционную пропаганду..., распространял провокационные слухи о терроре НКВД, гонении на интеллигенцию, открыто пропагандировал свои монархические взгляды и высказывал злобную ненависть к Советской власти...». Спецколлегией Ленинградского обл. суда от 01.04.1936 года Петров С.С. был приговорен к заключению в

ИТЛ на срок 10 лет. Спецколлегией Верховного Суда РСФСР от 16 мая 1936 года приговор Ленинградского обл. суда от 01.04.1936 г. оставлен в силе. Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1964 года Петров С.С. реабилитирован.

По сообщению Ухто-Печерского ИТЛ НКВД от 10 мая 1937 года Петров Степан Степанович умер 5 апреля 1937 года в г.Чибыю Коми АССР от нефроза-нефрита.

Зам. Начальника Службы
С.В.Чернов

Поэт и беллетрист Степан Степанович Петров, выступавший под псевдонимом Грааль Арельский, родился 9 декабря 1888 года в С.-Петербурге в семье крестьянина. Учился в петербургском реальном училище А.К.Копылова и гимназии К.И.Мая, которую окончил в 1908 году. Еще будучи гимназистом, в 1907 году, он вступил в организацию социалистов-революционеров. По-видимому, активного участия в ее работе не принимал, так как после ареста в 1909 году и пятимесячного заключения в «Крестах» был освобожден.

В начале 1912 года Петров вошел в возглавляемый Н.С.Гумилевым «Цех поэтов» и одновременно в «Академию эгопоэзии», из которой, по настоянию «синдиков Цеха», вышел весной 1912 года. Под грифом «Цеха» в 1913 году появилась вторая книга стихов поэта «Летейский брег», в которой были представлены стихи о космосе и планетах, о Джордано Бруно. Пребывание в «Цехе поэтов» явилось для Петрова важной ступенью для перехода от символизма к пропагандируемому им «сциентизму».

Большое влияние на поэта оказало сотрудничество с Гумилевым. Он называл его своим «литературным учителем и политическим единомышленником». Известие о расстреле Гумилева в 1921 году потрясло его.

Во время ареста в 1935 году у Петрова было найдено несколько стихотворений, посвященных расстрелу поэта. На следствии он говорил, что «...в результате моих переживаний о потере Гумилева я стал посвящать стихи его расстрелу и в них... призывал всех поэтов не забывать и мстить за расстрел Гумилева...».

В 1923—1929 годах Петров работает корректором сначала в издательстве «Прибой», а затем в Ленинградском отделении Государственного издательства. В этот период вместе с А.А.Громовым он издает сборник «Стожары», где публикует свою поэму «Ветер с моря» и пьесу в стихах «Нимфа Ата». Выходят его книги: «Повес-

ти о Марсе» (Л., 1925 г.), «Гражданин Вселенной» (Л., 1925 г.), «Солнце и время. Популярная астрономия для крестьянской молодежи» (М.-Л., 1926 г.). В 1928 году им опубликован роман о Джордано Бруно «Враг Птолемея», выдержавший два издания.

С 1933—1935 годы Степан Степанович работал в Государственном Гидрологическом институте нормировщиком. 16 декабря Степан Степанович Петров вновь арестован Управлением НКВД по ЛО по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группировке среди издательских работников и писателей. Вместе с ним был арестован и А.А.Громов. При обыске у Петрова были изъяты различные документы, среди которых оказались: дневник (1917—1918 гг.), стихи на смерть Гумилева и неоконченный роман «Форс Мажор».

Следователь на допросе 22 декабря 1935 года задал вопрос Петрову: — «Большое количество Ваших произведений посвящено писателю Гумилеву. Когда Вы с ним познакомились?»

Ответ: — «С Гумилевым Николаем Степановичем я познакомился в 1911 году в “Цехе поэтов”, который он возглавлял. Гумилев был моим литературным учителем...»

Вопрос: — «Вы посвящали целый ряд стихов контрреволюционного содержания расстрелу Гумилева, в которых отображены Ваши террористические настроения. Заканчивая эти стихи, Вы призываете к террору. Против кого Вы хотели направить террор?»

Ответ: — «Гумилев является моим литературным учителем и моим политическим единомышленником. Когда я узнал о его расстреле, я еще больше возненавидел советскую власть и у меня еще больше укрепилось озлобление к ней. В результате моих переживаний о потере Гумилева я стал посвящать стихи его расстрелу и в них я вложил все мои настроения. Я признаю, что они отображают мои террористические настроения. Я призывал всех поэтов не забывать и мстить за расстрел Гумилева, который погиб в борьбе с Советской властью. Я призывал к террору против вождей Советской власти, о которых я писал, что они проливают кровь и, выражаясь образно, как поэт, «складывают головы казненных». Потому я и заканчиваю стихи, посвященные расстрелу Гумилева, следующими строками:

«...Только мы, поэты, не забудем
Только мы, поэты, не простим».

2 января 1936 года следователь задал вопрос Петрову: — «Во время обыска у Вас был изъят роман “Форс Мажор”, в котором с антисоветских позиций дано описание контрреволюционной терро-

ристической деятельности эсеров. По каким материалам Вы его написали?»

Ответ: — «Роман “Форс Мажор” мною еще не закончен. При-знаю, что в том виде, как он есть в данное время, роман является антисоветским. Написан он мною на основе того, что я лично знал хорошо историю партии эсеров и их террористическую деятельность, был знаком с целым рядом деятелей партии правых эсеров, которых я вывел в романе в роли Бахрунина, Мара и других... Бахрунин это сборный тип эсера из интеллигентов...»

Роман «Форс Мажор» Петров начал писать в 1926 году и писал с перерывами в течение 10 лет, но так и не закончил (в данное время роман готовится к изданию).

Следствие по делу Петрова и др. было закончено, и 1 апреля 1936 года Спецколлегией Ленинградского областного суда он был осужден по ст. 58—10 ч. 1 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы.

16 мая 1936 года Специальная Коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев жалобу Петрова С.С. — приговор суда оставила в силе.

5 апреля 1937 года, отбывая наказание в Ухтпечлаге НКВД, Степан Степанович Петров скончался в городе Чибью Коми АССР от нефроза — нефрита.

Президиумом Верховного Суда РСФСР 23 декабря 1964 года Петров С.С. реабилитирован посмертно.

Станислав БЕРНЕВ,
*сотрудник Архивно-следственного
отдела УФСБ по С.-Петербургу*

Владимир ГЕНДРИКОВ,
ст. научн. сотр. Музея истории С.-Петербурга.

НА СМЕРТЬ Н.ГУМИЛЕВА

Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

Н.Гумилев

Нет, ничем, ничем не смыть позора,
Даже счастьем будущих веков!
Был убит Шенье 8-го термидора,
23 августа — Гумилев.

И хотя между ними стало столетье
Высокой стеною звонких дней,
Но вспыхнули дни и в русском поэте
Затрепетало сердце Шенье.

Встретил смерть и он улыбкой смелой,
Как награду от родной земли.
Грянул залп — и на рубашке белой
Восемь роз неожиданно расцвели.

И взглянув на небосклон туманный,
Он упал, чуть слышно простонав.
И сбывшись его стихи, — и раны
Обагрили зелень пыльных трав...

Все проходит — дни, года и люди —
Точно ветром уносимый дым,
Только мы, поэты, не забудем,
Только мы, поэты, не простим.

25.VIII.1921 г.

Г. Арельский

* * *

На кресте тебя, Русь, распяли,
И Твой голос певучий затих;
Только ветры полынью печали
Прозвенели в просторах ржаных...

И от Ильменя до Рязани,
От Байкала до стен Кремля —
Захлебнулась в красном тумане
Черноземно-ржаная земля.

И с тех пор непрогляднее ночи
Стала жизнь, чужда и горька,
И твоею рукою, рабочий,
Водит чья-то чужая рука...

Потому и в глазах невеселых —
Только жгучее пламя тоски,
И везде — в городах и селах
От свободы идут в кабаки...

5.VII.25

Г. Арельский

Сергей
Федорович
ПЛАТОНОВ

1860—1933

ПУТИ ТВОИ, ГОСПОДИ, —
НЕИСПОВИДИМЫ...

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что

ПЛАТОНОВ Сергей Федорович,

1860 года рождения, уроженец г. Чернигова, русский,

беспартийный, высшее образование, историк, действительный член Академии наук

СССР, до ареста директор Археографической комиссии

и Пушкинского Дома Академии наук, проживал по адресу:

г. Ленинград, ул. Красных Зорь, д. 75, кв. 13,

был арестован на основании ордера ПП ОГПУ в ЛВО 12 января 1930 года.

В числе других обвинялся в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», в систематической пропаганде, содержащей призыв к свержению Совет-

ской власти путем вооруженного восстания и иностранной интервенции, в преступных связях с правящими кругами Франции, с германскими националистическими кругами, в использовании своего служебного и общественного положения для борьбы и противодействия политике и мероприятиям Советского Правительства и т. д., т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. п. 3, 5, 6 и 11 УК.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 года Платонов С.Ф. был осужден к высылке в Самару сроком на 5 лет.

Определением ВК Верховного Суда СССР от 20 июля 1967 года Постановление Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 года в отношении Платонова С.Ф. было отменено и дело о нем прекращено производством за отсутствием события преступления.

ПЛАТОНОВ, Сергей Федорович [16(28).VI.1860—10.I.1933] — русский историк, академик АН СССР в 1920—31 (член-корреспондент с 1908). Окончил Петербургский университет в 1882, с 1899 — профессор этого университета. Платонов был председателем Археографической комиссии (1918—29), Комиссии по изданию сочинений А.С.Пушкина (с 1928), директором Пушкинского Дома Института русской литературы АН СССР (1925—29) и Библиотеки АН СССР (1925—28). По своим политическим взглядам Платонов был монархистом. После 1917 его политические взгляды изменились мало. Был арестован, выслан в Самару (в 1935—1991 гг. — г. Куйбышев), где и умер.

В центре научного внимания Платонова стояли события 2-й половины XVI—начала XVII веков, получившие в дворянско-буржуазной историографии наименование смуты. Он занимался также историей земских соборов, временем Петра I, колонизацией русского Севера и другими вопросами. В 1888 Платонов защитил магистерскую диссертацию «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник» (СПб, 1888). Он внес крупный вклад в изучение памятников публицистики конца XVI—начала XVII веков, опубликовал их в РИБ (и. 13, СПб, 1891). Главный труд Платонова (его докторская диссертация) — «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)» (СПб, 1899, последнее изд. — М., 1937). В развитии смуты Платонов выделял 3 периода: 1-й — династический, 2-й — социальный, 3-й — национальный. Трактую смуту с традиционной для буржуазной историографии точки зрения как нарушение государственного порядка, Платонов много внимания уделял рассмотрению социального брожения в различных слоях русского общества и массовых движений, в том числе и восстания

И.И.Болотникова. Платонов искал корни смуты внутри московской жизни предшествующего времени. В связи с этим он дал свое понимание *опричнины* как государственной реформы, направленной на разгром экономической и политической мощи «княжат» и боярства в интересах дворянства и посада. Платонов исходил из существования в Московском государстве двух основных противоречий, из которых одно было политического порядка и выражалось в столкновении «московской власти с родовитым боярством», а другое — социального, заключающегося в том, что правительство вынуждено было в интересах обороны закрепощать крестьян в пользу дворянства. Платонов отметил ухудшение положения крестьян во 2-й половине XVI века. Специально к вопросу о крестьянском закрепощении в конце XVI века Платонов обратился в статье «О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси» («Архив истории труда в России», 1922, кн. 3). Научная концепция Платонова оказала значительное влияние на развитие русской и современной историографии. Труды Платонова написаны чистым, лаконичным языком, в них видно стремление к точности и образности исторических характеристик.

С о ч и н е н и я: Статьи по русской истории (1883—1912), 2 изд., СПб, 1912; Иван Грозный, П., 1923.

Литература: У с п е н с к и й Ф. [и др.], Записка об ученых трудах профессора С.Ф.Платонова, «ИАН», 1920, 6 сер., т. 14; Р о м а н о в Б., Список трудов С.Ф.Платонова, в кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову, П., 1922; Очерки истории ист. науки в СССР, т. 3, М., 1963.

...1953-й. Вместе с приехавшей ко мне в ссылку женой и дочерью обитаю в кособоком домишке на берегах Енисея, в самом северном порту России — Игарке. Холмистые улицы, покрытые снегом. Диковинные автолесовозы, везущие под своим брюхом пиленую сосну, Заледеневшая река... Через два дома от меня живет мой частый собеседник — профессор-историк Николай Александрович Ростовцев. Захожу к нему с особым чувством: мы с ним из одной «альма-матер»: он — бывший профессор истории Ленинградского университета, я — бывший студент исторического факультета; мы можем без конца вспоминать о том, что нам навсегда дорого. Но есть и некоторая разница в том — к т о он сейчас, и кто я.

— Меня, голубчик, арестовали вместе с Сергеем Федоровичем Платоновым в тысяча девятьсот тридцатом. И вместе с ним профессор Бориса Александровича Романова, Приселкова, и еще

других... Судили и пораскидывали по ссылкам, кого куда. А меня — вот сюда, в Игарку. Ну что тут мог делать профессор-историк?.. Преподавал обществоведение в местном фабзавуче, а потом...

А потом, в году 1936 произошла некая метаморфоза. Его родной племянник, Герой Советского Союза летчик Слепнев, спасавший челюскинцев, был на торжественном приеме у Сталина. Тот предложил каждому из них высказать свое главное пожелание. Слепнев сказал: «Освободите моего дядю, профессора Ростовцева».

И Николаю Александровичу вскоре пришла бумага о том, что он отныне — вольный.

— Но я, дорогой Захар, никуда не поехал: зачем?.. Все равно потом опять сюда привезут. Вы согласны? Так ведь и вышло: вон сколько понавезли: русские, эстонцы, латыши, немцы... А?

Я заканчивал истфак спустя годы, экстерном, и штудирюя труды академика Платонова, общаясь с бывшими ссылными — профессорами Приселковым, Романовым, всегда вспоминал худошавую фигуру Ростовцева, его узкое лицо с острой бородкой, несильный с покашливанием голос... Он так и умер, на Крайнем Севере, в Заполярной Игарке, соратник виднейшего русского историка, один из участников знаменитого «Дела академика Платонова».

Захар ДИЧАРОВ

**Иохиель
Израилевич
РАВРЕБЕ**

1883—?

10 000 СТИХОВ

Перед вами два небольших документа, написанные сухим деловым языком. Они читаются, как ожившая легенда. Ученый, погружившийся в размышления о далекой древности, о временах-первоначалах, собиравший по слову, по одному листочку средневековую еврейскую и караимскую поэзию, был брошен в тюремную камеру потому, что осмеливался думать, творить — не так, как предписывалось палачами мысли.

Трудно себе представить грандиозный объем этого труда: десять тысяч названий!

Его давно уже нет, Иохиеля Равребе, а тем, что он успел сделать за свою совсем недолгую жизнь, — пользуются сегодня люди, живущие в начале третьего тысячелетия.

Снимем шапки и мысленно постоим перед его неизвестной могилкой где-то на жестокой ледяной Колыме...

З.Д.

О Т З Ы В

о научном сотруднике Государственной Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина —

И.И.Равребе.

РАВРЕБЕ И.И., главный библиотекарь рукописного отделения, работает с 1931 г. Крупный специалист-семитолог; заканчивает всю работу по разработке и описанию обширных рукописных фон-

дов б-ки на семитических языках и подготавливает важнейшие материалы к изданию «Диван» Моисея Ибн-Эзры, сборник по еврейско-американской эпиграфике/; подготовил к печати указатель к средневековой еврейской и караимской поэзии /ок. 10 000 названий/.

Отмечая весьма плодотворные результаты научно-исследовательской работы Равребе в рукописном Отделении б-ки и прилагая отзыв акад. Струве, подчеркивающего большое значение научных трудов тов. Равребе, Публичная б-ка ходатайствует о присвоении ему ученой степени доктора без защиты диссертации.

Директор — /Добраницкий/
Ученый Секретарь /Банк/

* * *

В Комиссию содействия ученым

М о с к в а

Тов. Равребе И.И., крупнейший специалист-семитолог, с 1931 года ведет в Государственной Публичной Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина работу по исследованию и подготовке к печати материалов, представляющих огромный научный интерес так назыв. II-го собрания еврейских и арабских рукописей Фирковича. Тов. Равребе подобрал из отдельных разрозненных листов около 2000 комплектов рукописей разнообразного содержания /поэзия, лексикография/. Он готовит к печати ряд комментированных описаний восточных рукописей. В настоящее время сдан в печать составленный им I-й том каталога материалов и документов по истории караимов в СССР.

Заместитель Директора
Ученый Секретарь

Архив РНБ

ЛИСТОК ПО УЧЕТУ КАДРОВ РАВРЕБЕ Иохель*.

РАБОТА:

Институт высших еврейских знаний.

1918—25.

Зав. архивом еврейского Историко-этнографического общества.

1920—1925.

* Правильно: Иохиель.

Белорусский Гос. университет. Преподаватель.
Минск. 1926—1930.
Гос. Публичная Библиотека /Ленинград/.
Главный библиотекарь. 1931 — 8.XII.1937 г.

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

Из материалов архивного фонда Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и области следует, что

РАВРЕБЕ Иехель* Израилевич, 1883 года рождения, уроженец м. Барановка Волынской губ., еврей, гр-н СССР, беспартийный, до ареста работал ст. научным сотрудником при Гос. Публичной библиотеке, проживал в г. Ленинграде, Кировский пр., д. 26/28, кв. 32.

Был арестован 26 октября 1937 года УНКВД ЛО.

Обвинялся в том, что «...являясь ярым националистом, враждебно настроенным к ВКП(б) и Сов. власти, является активным участником к/р нелегальной еврейской националистической фашистской группы, ставившей своей целью воссоздание мощной к/р сионистской организации для борьбы с нац. политикой Сов. власти...», т. е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58—10 и 58—11 УК РСФСР.

Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 8 мая 1938 года осужден к лишению свободы сроком на 8/восемь/ лет в ИТЛ.

Для отбывания срока наказания был направлен в СЕВВОСТОКЛАГ НКВД (Бухта Нагаево ДВК, Колыма).

Заключением Прокуратуры г. Ленинграда от 30 марта 1989 года и в соответствии со ст. 1 Указа ПВС СССР от 16.01.89 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов» —

Равребе Иехель* Израилевич реабилитирован.

**Анна
Дмитриевна
РАДЛОВА**

1891—1949

СПРАВКА

Сообщаем, что Центральный архив УРАФ ФСБ России располагает следующими сведениями о судьбах интересующих Вас лиц:

РАДЛОВА Анна Дмитриевна, 1891 г. р., уроженка г. Санкт-Петербурга, из семьи личного дворянина. Беспартийная. В 1915 г. окончила Высшие женские Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге. По профессии литературный переводчик. Переводы А.Д.Радловой произведений Мопассана, Шекспира, Р.Ролана, Бальзака и др. неоднократно выходили в различных издательствах как в стране, так и за рубежом. Автор сборников лирических стихов «Соты», «Корабли», «Крылатый гость», «Богородицын корабль» (1918—1923). С 1941 г. — заведующая литературным отделом театра имени Ленсовета. В апреле 1942 г. вместе со всей труппой театра была эвакуирована из Ленинграда в Пятигорск. Во время оккупации Пятигорска Радлов Сергей Эрнестович, художественный руководитель и директор театра, муж Радловой А.Д., по указанию немецких властей возобновил его деятельность. За обслуживание частей германской армии коллективу театра было присвоено звание «Фронтовой театр», а сами актеры поставлены на военное довольствие. При подходе частей Красной Армии к Пятигорску в январе 1943 г. труппа выехала в г. Запорожье, откуда распоряжением Имперского министерства пропаганды была вызвана в г. Берлин для обслуживания частей РОА, расположенных на территории Германии и Франции. С помощью французских патриотов Радловы с группой актеров бежали в начале августа 1944 г. в горы, где находились до прихода войск союзников. После освобождения юга Франции Радловы неоднократно обращались в советское посольство о скорейшей их репатриации в СССР. 23 февраля 1945 г. они прибыли в

Москву, где были арестованы и приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 17 ноября 1945 г. по обвинению в измене Родине на основании ст. 58-1 «а» УК РСФСР осуждены на 10 лет ИТЛ каждый. Находясь в местах лишения свободы, Радлова А.Д. умерла 23 февраля 1949 г. Постановлением пленума Верховного суда СССР от 20 декабря 1957 г. Радлова А.Д. и Радлов С.Э. реабилитированы.

СЧЕТ ЕЕ ДНЯМ

Анна Дмитриевна Радлова родилась в Петербурге 3 февраля 1891 года и начала свой путь поэта в 1916 году на страницах петербургского (тогда уже — петроградского) элитарного журнала «Аполлон» — там прошел ее успешный литературный дебют. Скончалась она в тесной каморке — угловой выгородке барака советского концлагеря. При всех зигзагах судьбы, бросках и ушибах амплитуда колебаний литературской судьбы исключительной не была. Мало ли на памяти советских лет переломанных, задушенных жизней... Да, несть им числа!

Анна Дармолатова (так звалась она в девичестве) рано вышла замуж за Сергея Эрнестовича Радлова. Тот еще раньше нее, с начала 1910-х, печатался как поэт. Они делили радости и невзгоды до последних ее дней.

Сергей Радлов, человек разносторонне эрудированный, с университетским филологическим дипломом, к тому же — сын профессора философии, расстался с поэзией скоро и легко: пересилили интересы театра. Он оказался значащей фигурой в студии Всеволода Мейерхольда на Бородинской и в выходившем при ней журнальчике «Любовь к трем апельсинам». Его приглашали сочинять интермедии, а заодно и участвовать в их постановке. «Старинный театр» Николая Евреинова, «Наш театр» на Обводном канале и другие новостройки Серебряного века. Анна Радлова хранила верность призванию. Она писала, печаталась, издавалась...

Годы спустя, когда чета Радловых сполна избыла свой горький исход, о ней молчали или вспоминали сквозь зубы, с холодной усмешкой. Чего стоила хотя бы словесная зарисовка в мемуарах одного художника средней руки. Дело было осенью 1921 года и происходило в Мариинском театре, в антракте представления оперы «Юдифь». Мемуарист восклицал с превосходительной иронией: «Красивая женщина, словно сошедшая с брюлловского портрета графини Самойловой! Это Анна Радлова, хотя она еще не написала ничего, но знаменита в этом узком обществе не менее других, много написавших и прославленных. Вокруг нее стайка мужчин,

она окружена... Вся пишущая братия, *младая незнакомая*, но рвущаяся к печати, у ее ног! Влюблены, полувлюблены или делают вид, что влюблены...» (В.Милашевский. Вчера, позавчера. Л., 1972, с. 215). Опускаем прямые оскорбления по адресу ее мужа. Обливая грязью красоту, художник пачкал себя и неправдой. Упреки несправедливые опровергнуть порой нелегко. Но тут — несправедливость явная. Как же так: «она еще не написала ничего»? К 1921 году Анна Радлова была автором многих журнальных публикаций, вышли две книги ее лирических стихов: «Соты» (1918) и «Корабли» (1920). В 1923 году появилась третья книга лирики — «Крылатый гость». Факты подымались в защиту истины.

Стихи звучали порой пророчески. Вот концовка одного, датированного 1917-м годом:

Мы молча счет вели неповторимым дням,
Я жизнь свою за них когда-нибудь отдам.

По сказанному и вышло...

Она испробовала — и успешно — немало поэтических форм, особенно же ценила немногословность. А к этому обязывали вдобавок любимые ею двустушия — неперенные составные многих стихотворений юности:

Стыдно мне и сладко повторять:
Имя Анна значит благодать.

Любовная лирика начальных лет рано насыщалась мотивами тревоги. Страшная реальность революции вторгалась в стихи, внося с собой отзвуки трагедии. Вот концовка стихотворения, стилизованного под античность и написанного весной 1920 года:

В жилах победителей волчья кровь,
С молоком волчицы всосали волчью любовь.
И в России моей, окровавленной, победной или пленной,
Бьется трепетное сердце Вселенной.

Ничего нет удивительного в том, что даже довоенная «Литературная энциклопедия» констатировала, в общем, достаточно объективно: для поэзии Анны Радловой уже с юности «характерно, подобно многим представителям интеллигенции, пассивное отношение к победе пролетариата... В ее стихах преобладают мотивы смерти, любви, чувство обреченности... Революцию Р. приняла не в ее настоящем значении, а как «грозовой воздух»...» и т. д. Том энциклопедии вышел в 1935 году. Проницательность делает честь справоч-

ному изданию. Головы уже летели, но Радлова, к счастью, пока не пострадала.

А между тем пройденный к той поре литературный путь давал немало поводов для опасений. Анна Радлова начинала в кругу Николая Гумилева — примыкала к «Цеху поэтов». Когда Гумилева расстреляли, ближе других ей стал Михаил Кузмин: вместе они затеяли в 1923 году группу «эмоционалистов», то есть поэтов, независимых от догм и клановых пристрастий. Впрочем, к Кузмину она тяготела и раньше — еще в конце 1920 года посвятила ему стихотворение «Из-под скрытницы ли земли...». Кузмин в долгу не остался: Анне Радловой посвящена его последняя книга стихов «Форель разбивает лед».

Посвящена со значением... Геннадий Шмаков, лучший знаток поэзии Кузмина, расшифровал один из ключевых образов этой книги — образ красавицы, входящей в ложу на представлении оперы Вагнера. «Появление красавицы подхватывает тему страсти», — пояснял Шмаков. Со своей точки зрения, — но только с другим, противоположным итогом, — он тоже улавливал тут сходство с героинями Брюллова: поэт давал «портрет женщины, напоминающей Брюлловских дам». Он свидетельствовал: «Современники Кузмина узнавали в этой красавице, кутающей свои баснословные плечи в алую шаль (цвет крови и страсти), Анну Радлову» (Шмаков Г. Михаил Кузмин и Рихард Вагнер // Русская мысль. 1988. № 3750. 11 ноября. Лит. приложение № 7, с. 14).

Разные современники запечатлели одно, — но как отличались, при поразительном сходстве увиденного, оттенки...

Не порывая со стихами, Анна Радлова понемногу сближалась с театром. Она по-прежнему оставалась там зрительницей, но всё чаще меняла ложу оперного театра на куда более скромные скамейки и стулья на представлениях спектаклей Сергея Радлова. С начала 1920-х годов она пробовала свои силы в драматургии. В 1923 году в Берлине (по-русски) была издана ее стихотворная драма «Богородицын корабль». Система поэтических образов напоминала о себе и там. Тот же устремленный в даль корабль оставался одним из сквозных «персонажей» творчества Анны Радловой. Это наверняка бросится в глаза любому читателю.

После «года великого перелома» Анна Радлова, с ее поэтической замкнутостью, все дальше уходила от лирического самовыражения. Большая и плодотворная полоса ее литературной деятельности отныне была связана с переводами зарубежной литературы, особенно — пьес, и прежде всего — трагедий Шекспира. Многие из них предназначались для новых постановок мужа и выделялись

близостью к грубоватой стилистике подлинника, отказом от позднейших переводческих эвфемизмов, непривычным для зрителя вторжением комедийных перебивок в круто разворачивающееся трагедийное действие — и в результате обнаруживали непоказную переключку с прозаизмами современности.

В ее переводах на радловской сцене выдержали сотни представлений «Отелло», «Ромео и Джульетта», «Гамлет». Позднее, уже вышедший из лагеря, режиссер Радлов ставил в Рижском театре русской драмы переведенные покойной женой трагедии «Король Лир» и «Макбет».

Не всё в шекспировских переводах Анны Радловой было воспринято предвоенной критикой приветливо. Давно заигранные переводные тексты она смело освобождала от досужих сантиментов и романтических напластований, открывала неожиданные купюры... Всё это вызывало в ту пору нападки даже весьма почтенных критиков. Но имелись и сторонники, среди них — Борис Пастернак. Он выступил в ее защиту, несмотря на то что сам во многом иначе чем Радлова подходил к поэтике Шекспира в собственных переводах... Но о достигнутом ею он писал объективнее многих в 1940 году: «Художественные заслуги Радловой — живость разговорной речи. У нее абсолютный сценический слух, верный спутник драматического дарования, без которого нельзя было бы передать прозаические части диалога так, как справилась с ними она...» (Пастернак Б.Л. Собр.соч., т.4. М. 1991, с.386).

Анна Радлова того времени была уже неразлучна с театром мужа. На шекспировских спектаклях «Пассажа» ее неизменно можно было видеть в одной из лож партера, той, что справа и вблизи от сцены. В антрактах супруги степенно шествовали через фойе в выгороженный угловой кабинет главного режиссера.

Война поломала эти судьбы. После первой блокадной зимы театр Радлова (незадолго до войны его переименовали в Театр имени Ленинградского совета) был эвакуирован в Пятигорск, вскоре этот город очутился в зоне немецкой оккупации, а радловский театр в конце концов прекратил свое существование...

Когда война отгремела, Анна и Сергей Радловы по собственной инициативе добились возвращения в Москву. При выходе из самолета их остановили, усадили в машину и отправили на Лубянку. Как «изменники родины» они были осуждены к десятилетнему пребыванию в одном из концлагерей. Сохранился почтовый адрес Радловых-лагерников: Ярославская область, город Рыбинск, село Переборы, почтовый ящик 229/1. Притом к «преступникам» проявили почему-то неслыханное великодушие: их не разлучили. Они

очутились вдвоем за перегородкой в закутке обширного барака.

Со временем Сергей Радлов получил возможность работать по своей специальности — возглавил как режиссер лагерный театр под развеселым названием «Джаз». Анна Радлова помогала ему в работе. 13 февраля 1946 года Радлов рассказывал в письме к сыну: «Мы с мамой сейчас ставим «Без вины виноватые»... Мы с мамой работаем много и увлеченно (я почти с первого дня прибытия сюда, она последнее время интенсивнее, с тех пор как лучше себя чувствует, хотя почти с первых дней она уже приготовила отрывок из «Ромео и Джульетты», с успехом идущий в концертах)» (Радлов С.Д. «Джаз» — театр врагов народа // Сов. культура. 1990, № 40, 6 октября, с. 15). Тон письма был почти жизнерадостным. Но участь заключенных, даже при всех их театральных занятиях, оставалась отчаянной. Из недомолвок письма Сергея Радлова можно заключить, что Анна Радлова серьезно болела. В неволе она прожила три с половиной года.

23 февраля 1949 года, через три года после дошедшего до нас письма, в лихой солдатский праздник, поэт Анна Дмитриевна Радлова скончалась в советском концлагере на руках мужа...

Давид ЗОЛОТНИЦКИЙ

*Фото
не найдено*

Дмитрий Петрович СВЯТОПОЛК- МИРСКИЙ

1890—1939

СЫН ЦАРСКОГО МИНИСТРА — КОММУНИСТ — АРЕСТАНТ

Его отец — князь Петр Данилович Святополк-Мирский, генерал-адъютант, был назначен после убийства Плеве в 1904 году министром внутренних дел царской России. В стране назревала революция, и новый государственный деятель пытался совершить какие-то реформы, чтобы сдержать нарастающий вал народного гнева, но потерпел неудачу — его сочли слишком «левым» и отправили в отставку.

Сын министра Дмитрий решил идти своим путем, более радикальным. Но произошло это далеко не сразу. Представитель одной из древнейших аристократических фамилий России, он считал, что только силой, борьбой следует по-прежнему утверждать в ней монархическую государственность, и вступил в Белую армию. Здесь он оказался энергичным и знающим офицером, дослужился до звания полковника. На этом его военная карьера и завершилась.

Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890—1939) окончил Петербургский университет по филологическому факультету. В эмиграции князь Дмитрий, человек широкой и разносторонней эрудиции, нашел себя в занятиях литературоведением. В эти годы приютившей его страной стала Англия. Здесь он читал курс русской литературы в Лондонском университете и в Королевском колледже (1922—1932).

Размышляя о судьбах родины, следя за ходом событий в СССР, он, в результате мучительной переоценки ценностей, пришел к осознанию ошибочности (так он считал в то время...) своих прежних убеждений. Кто знает — где-то в его душе, быть может, продолжало жить нечто романтическое, возможно, унаследованное от отца: в 1930 году прежний полковник Белой гвардии вступил в Коммунистическую партию Великобритании. Признав и приняв идеи Ленина, он захотел также видеть и жить в их суть и в 1932 году возвратился в Советскую Россию.

В течение нескольких последующих лет он много и плодотворно, с хорошим пониманием литературного процесса, выступал как критик.

Однако билет члена компартии, сначала иностранной, а затем отечественной, хранить ему пришлось недолго: в 1937 году князь Дмитрий Святополк-Мирский был репрессирован (скорей всего как «английский шпион», архивную справку на него получить не удалось. Данные о его репрессии содержатся в книге «Литература русского зарубежья». т. 2. М., 1991). В 1939 году его не стало.

Он оставил по себе память как поэт, издавший в 1911 г. поэтический сборник. В эмиграции был редактором журнала «Версты» (1926–1928), сотрудниками которого состояли Марина Цветаева, Лев Шестов, Алексей Ремизов и ряд других эмигрантских литераторов. Однако самым главным его трудом явилась двухтомная «История русской литературы 1881–1925» (на английском языке), которую весьма высоко оценила критика. И в этой работе он также занимал просоветскую позицию.

Он был человеком, в котором никогда не угасало чувство великой привязанности к России, к ее поэзии. Замечательна своими определениями и трактовкой его статья «Есенин», помещенная в «Воле России», 1926 г., № 5. В ней Дмитрий Святополк-Мирский стремится ответить на вопрос: почему этот молодой талантливый певец России добровольно ушел из жизни?

Он пишет: «...Безверие — корень трагедии Есенина. ...Нигде, может быть, тоска Есенина не звучит так ясно, как в Пугачеве. ...Надо быть человечески глухим, чтобы не слышать за этими... стихами ... самой страшной, подлинной, пожирающей и безысходной тоски писавшего его человека.

...Неужели пришла пора?

Неужель под думой так же падаешь, как под ношей?

А казалось... казалось еще вчера...

Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...

Пугачев, предаваемый своими сообщниками, — Есенин, предаваемый своей последней верой — в свои стихи».

По капле, по крохам собираем мы память о безвременно выброшенных из жизни, из творчества российских литераторов.

Князь Дмитрий Святополк-Мирский — одна из таких капель. Поклонимся памяти этого наивного светлого романтика.

Сообщаем, что в Центральном архиве ФСБ России находится на хранении архивное следственное дело в отношении Святополка-Мирского Д.П., в материалах которого имеются следующие сведения:

Святополк-Мирский Дмитрий Петрович, 1890 года рождения, уроженец с.Гневка Харьковской области, арестован 2 июня 1937 г. и по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 28 июля 1937 г. по подозрению в шпионаже заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет. Отбывая наказание в Севвостоклаге (г.Магадан), умер 6 июня 1939 г.

По определению Военного трибунала Московского военного округа от 31 мая 1962 г. Святополк-Мирский Д.П. реабилитирован.

Захар ДИЧАРОВ

*Фото
не найдено*

**Илья
Зеликович
СЕРМАН**

род. 1913

ТОЛЬКО ИМЯ...

АРХИВНАЯ СПРАВКА *о наличии сведений*

Из материалов архивного фонда Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что **СЕРМАН Илья Зеликович**, 1913 года рождения, уроженец г. Витебска, еврей, образование высшее, беспартийный, на момент ареста — редактор Ленинградского отделения «Гослитиздата», проживал по адресу: Ленинград, проспект Добролюбова, дом 19, кв. 42, арестован 6 апреля 1949 года.

Обвинялся в том, что высказывал клеветнические измышления о политике партии и Сов. правительства, пропагандировал расистскую теорию о превосходстве еврейской нации над другими народами СССР, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58–10 ч. 2 УК РСФСР (ред. 1926 г.).

Приговором Ленгорсуда от 7 июля 1949 года Серман И.З. осужден к 10 годам ИТЛ.

По определению Судебной Коллегии Верховного Совета РСФСР от 8 сентября 1949 года приговор Ленгорсуда от 7 июля 1949 г. в отношении Сермана И.З. отменен и дело передано на новое рассмотрение в тот же суд.

Приговором Ленгорсуда от 12 октября 1949 г. Серман И.З. вновь осужден и приговорен к 25 годам ИТЛ с последующим поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества.

По определению Судебной Коллегии Верховного Суда СССР от 29 мая 1954 года приговор Ленгорсуда от 12 октября 1949 г. в отношении Сермана И.З. изменен. Его действия переквалифицированы на ч. 1 ст. 58—10 УК РСФСР, по которой было назначено наказание — 5 лет лишения свободы.

За отбытием наказания Серман И.З. из-под стражи освобожден. В силу Указа от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» Серман И.З. считается несудимым.

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 12 апреля 1961 года приговор Ленгорсуда от 12 октября 1949 г. и определение Судебной Коллегии Верховного Суда СССР от 29 мая 1954 г. в отношении Сермана И.З. отменены и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Других сведений в отношении Сермана И.З. не имеется.

27 сентября 1999 года

Из библиографии Сермана И.З.

Державин. Л., 1967; 89; И. А. Крылов. Л., 1975.

Поэтический стиль Ломоносова. Л., 1966.

Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973.

Фото
не найдено

**Иван
Владимирович
СКОРИНКО**

1900—?

**ИВАН СКОРИНКО —
КОМСОМОЛЕЦ ОКТЯБРЯ**

Мы с ним работали на одном заводе — Путиловском, который потом стал называться «Красный Путиловец», а в наше время это Кировский завод, — только в разные годы. Разница в возрасте у нас составляла двенадцать лет.

СКОРИНКО Иван Владимирович родился в августе 1900 года — в самом начале века, и уже подростком принимал участие в работе тайной большевистской типографии, а в 14 лет стал рабочим Пушечного цеха. Начиналась Первая мировая война и под высокой крышей огромного помещения без усталы на строгательных, расточных, фрезерных, токарных станках вытачивали орудийные стволы — для тяжелых гаубиц и для морской артиллерии.

И мне, спустя много лет, доводилось бывать на этом производстве, и я, как и он, был комсомольцем-путиловцем, только на календаре тогда стояло: «Год 1930-й». Иван стал членом ВЛКСМ в 1917, в году революции, и был самым молодым красноармейцем — бойцом известного Путиловского бронепоезда. Нелегко удалось ему служение объятая гражданской войной России: был он и ранен, и затем — контужен, и все это пережитое для него стало почвой, на которой взрастала комсомольская литература: он стал одним из ее зачинателей.

В 1928 Скоринко написал пьесу «Бузливая когорта», которую ставили в ТРАМЕ — Театре рабочей молодежи на Литейном проспекте. Питерский ТРАМ тогда гремел своими спектаклями по всей стране. Но и в наше время, в 70-е годы, эту пьесу ставили в Челябинске.

Он стал профессиональным литератором и членом Союза писателей при самом его рождении — в 1934 году. В библиографии его книг значатся: Их лица. Комсомольские очерки. Л., 1925; Комсомольцы Октября — 1924; Вася Алексеев. Беседа с пионерами. — Л., 1926; Первое мая и молодежь. — Л., 1926. — В соавторстве с А.Вассерманом; Стальной гамуз: Рассказы. — Л., 1927; Бузливая когорта: Пьеса в 4-х действиях. Л., 1928; Дикая дивизия: Роман. — Л., 1930 г. и другие издания.

Сегодня книга рассказов «Стальной гамуз» читается, как история: гражданская война и ее люди, — такие разные, контрастные. Их видишь словно резкие тени на белой стене, озаренной пламенем пожаров и взрывов. Герои жестоких схваток и маленькие люди, вроде мещанина, обывателя Семена Авденча, жулье и проститутки... И сквозь все это мчится по рельсам отчаянной борьбы Красной армии с врагами: б р о н е п о е з д. И в его команде — тот, кто спустя годы о нем напишет: боец Иван.

Беспощадна война, и вот уже: «...Над Днепром, у ограды графского сада, розовые кусты, заплетенные в беседку. На беседке прикреплена звезда.

Под звездой лежат тела комсомольцев Мишки, Сереги, Вовчаря, Веры...»

В этой же книге рассказ «Блатная музыка». Ее герой — 16-летний комсомолец, политработник, которого чаще зовут не по имени, а просто — «Братишка». Для него важно — учиться, получать знания и увлечь этой идеей других, таких же юных ребят. Он неутомимо высмеивает «шпанский жаргон», на котором «Бухляна» — стакан, Правда — «факизм». Вместе с красноармейцами «Братишка», если нужно, и сам «ботает на блатной музыке» лиговских и хитровских ребят, чтобы стать среди них «своим» и вовлечь в погоню за знаниями.

А потом «Братишка» — среди бойцов красноармейского отряда. И не только словом, но и делом доказывает преданность свою Революции: устраивает крушение белогвардейского поезда.

Роман Ивана Скоринко «Дикая дивизия» — это повествование, в котором время гражданской войны уже смыкается с годами НЭПа. Главный его персонаж Коська Заонегин, активист Союза социалистической молодежи (прообраза комсомола) помогает открыть для

молодых общественную библиотеку, но, однако, не покидает и своего поста — он по-прежнему в команде бронепоезда.

«...Бронепоезд покидал город. Он ехал на юг, на Каледина.

— Крути, Гаврила, — неслоь из теплушки мараговцев, — шпарь с треском!.. С гамом! Братва побеждать двигает!»

Далекие минувшие годы... О них Иван Скоринко еще успел написать, но во второй половине 30-х — «ежовско-бериевских» годов, кровавая волна произвола подхватила и его. Он окончил свою жизнь где-то на широте Магадана, в местах, о которых говорили: «Колыма ты, Колыма, — двенадцать месяцев зима — остальное лето».

Захар ДИЧАРОВ

Фото
не найдено

Владимир
Викторович
СМИРЕНСКИЙ

1902—?

ТОЛЬКО ИМЯ...

СМИРЕНСКИЙ (наст. фам.; псевд. — Андрей Скорбный) Владимир Викторович [р. 5(18).VII.1902, с. Ивановская Шлиссельбургского у. Петерб. губ.] — русский советский поэт и литературовед. Брат поэта Б.В.Смиренского. Начал печататься в 1917 г. За первой книгой стихов «Звенящие слезы» (1921) вышли сборники «Болезненная любовь» (1922), «Окраинный круг» (1926), «Осень» (1927) и поэмы «Птица белая» (1922), «Via dolo rosa» (1922), «Рылеев» (1939), «Полежаев» (1940). Мотивы ущербности и одиночества, замкнутый мир любовных переживаний, некоторая экстравагантность образов — отличительные черты стихов Смиренского 20-х годов. Как литературовед подготовил сборник «Стихотворения и поэмы» (1962) К.М.Фофанова в большой серии «Библиотеки поэта». Автор кн. «Александр Алексеевич Измайлов» (1922) и множество статей о русских писателях.

С.В.БЕЛОВ

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что

СМИРЕНСКИЙ Владимир Викторович, 1902 года рождения, уроженец г. Петербурга, русский, беспартийный, среднее образование, писатель, перед арестом работавший в Облплане, проживал по адресу: г. Ленинград, ул. Халтурина, д. 1, кв. 32.

был арестован 18 сентября 1930 года на основании ордера ПП ОГПУ в ЛВО.

Обвинялся в том, что был членом антисоветской группы, читал свои антисоветские произведения на собраниях группы, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 10 УК.

Постановлением тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 2 января 1931 года Смиренский В.В. был осужден к заключению в концлагерь сроком на 5 лет.

В числе других писателей Смиренскому В.В. было также предъявлено обвинение по другому делу.

Он обвинялся в том, что был руководителем а/с группы «Север», вел а/с агитацию, сочинял и распространял а/с произведения, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 10 УК.

Постановлением тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 20 февраля 1931 года Смиренский В.В. был осужден к заключению в концлагерь сроком на 10 лет.

По Заключениям Прокуратуры г. Ленинграда от 31 августа 1989 года и г. Санкт-Петербурга от 27 мая 1999 года Смиренский В.В. по данным уголовным делам реабилитирован.

Фото
не найдено

**Валентин
Артурович
ТРАХТЕНБЕРГ**

1888—1937

ТОЛЬКО ИМЯ...

ТРАХТЕНБЕРГ Валентин Артурович (1888, Петербург — 1937, Ленинград) — драматург. Вырос в театральной семье (сын актера, племянник драматурга конца XIX начала XX в. В.О.Трахтенберга). Его первая пьеса «Новая женщина», поставленная в 1916 в театре Л.Б.Яворской, была вскоре запрещена царской цензурой. Активно участвовал в создании советского театрального репертуара. Выступал также в качестве режиссера. Автор пьес, музыкальных комедий, водевилей (кроме опубликованных и указанных ниже): «Новая земля», «Коммунар» (1930), «Затей», «Король бокса» (Госнардом, 1924, постановка С.Радлова), «Штурм Перекопа» (пьеса, написанная к 10-летию Октября и имевшая большой успех), «Нарвская застава», «Штурвал», «Дневник Галины Костьевой», «Поэт и барабанщик», сценария фильма «Чужие» (1926, в соавт. с А.Разумным), либретто оперетты «Капитан Фракас» (в соавт. с В.Богдановским).

1. Новая женщина: Эпизод в 4-х д. — Пг., 1916; Комиссаровский отец. — Пг., 1921; Кузькины затей: Деревен. комедия. В 2-х д. — Л., 1922 и 1925; Эпизод из гражд. войны в 2-х карт. — Л., 1928 и др. изд. — В соавт. с Н.Еленским; Ток включен: Пьеса в 5-ти д. — Л., 1930. — В соавт. с П.Петровым-Соколовским; Штурвал. — [Б. м.], 1930. — На укр. яз.; Водевиль в 3-х д. — Л., 1934 и др. изд.; Знат-

ный внук: Комедия в 3-х д. — М., 1935; Лондонский портной: Пьеса в 3-х д. — М., 1935; Поросячья этика: Скетч в 1-м д. — М., 1935; Черные души: Пьеса в 5-ти д. — Л.; М. 1938. — В соавт. с Е.Фельдман.

Валентин Трахтенберг по сведениям Литературного фонда России был репрессирован.

*Фото
не найдено*

**Кирилл
Владимирович
УСПЕНСКИЙ**

род. 1915

КИРИЛЛ ИЗ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЯ

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что

УСПЕНСКИЙ Кирилл Владимирович, 1915 года рождения, уроженец г. Петербурга, русский, высшее образование, беспартийный, писатель Ленинградского отделения Союза Советских писателей,

был арестован 19 июля 1960 года на основании Постановления УКГБ при СМ СССР по Ленинградской области.

Обвинялся в том, что высказывал антисоветские суждения, в которых клеветал на политику Советского правительства, распространял клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй и т. д., т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 7 ч. 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления.

Приговором Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского Городского суда от 28 сентября — 3 октября 1960 года Успенский К.В. был осужден к лишению свободы сроком на 5 лет.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда

РСФСР от 4 октября 1960 года Приговор Судебной коллегии Ленинградского городского суда от 28 сентября — 3 октября 1960 года оставлен в силе.

По Заключению Прокуратуры С.-Петербурга от 11 мая 1995 года Успенский Кирилл Владимирович реабилитирован.

О нем не сохранилось никаких следов — ни в архивах Союза писателей С.-Петербурга, ни в библиотечных картотеках, но я хорошо помню его облик — худощавый, с тонкими, слегка заостренными чертами лица, был он скорее молчалив, нежели разговорчив... То был конец пятидесятых — начало шестидесятых годов, мы, — по возрасту молодые и не очень молодые, но все только в начале своего творческого пути, регулярно собирались в одной из гостиных Дома писателя в дни работы Литературного объединения при Ленинградской организации Союза писателей СССР. Приходили Сергей Воронин — прозаик, Бронислав Кежун — поэт, Лев Гаврилов — сатирик...

Нашими занятиями руководил Всеволод Рождественский, поэт — мудрый, тонкий, автор почти классических по форме, спокойных стихов.

Кирилл Успенский, которого мы знали только по его псевдониму — «Косицкий» или «Косцинский», редко читал что-либо свое, еще реже выступал при обсуждении того, что читал кто-либо из нас.

Шло время... Кирилл как-то незаметно для нас — исчез. О том, что он арестован, никто из нас не знал. В Правлении, разумеется, об этом ведали — но решали его судьбу втихомолку. Прошло сколько-то лет — немало, во всяком случае, Кирилл опять появился в стенах Дома писателя. Но теперь это был просто слушатель на собраниях, просто зритель на вечерах. Писал ли он что-то, печатал ли и где — не знаю. Но вот теперь память о нем сыскалась в документах КГБ и вот она — архивная справка.

Один из тысяч...

Захар ДИЧАРОВ

Из докладной записки в ЦК КПСС

...УСПЕНСКИЙ (литературный псевдоним КОСИЦКИЙ) К.В., 1915 года рождения, член Союза писателей СССР, проживает в Ленинграде, за антипартийные высказывания в 1944 году исключен из КПСС. Среди своего окружения систематически ведет злоб-

ные антисоветские разговоры, клеветает на политический строй в СССР, поддерживает преступные связи с иностранцами, по его выражениям, «...Советская власть поедает сама себя, она обречена на гибель... вы живете в полицейском государстве... социализм построен руками заключенных... Америка оказывает сдерживающее действие на наших фашистов... советский режим опрокинул нас в допугачевские времена...»

Враждебные взгляды УСПЕНСКИЙ навязывает собеседникам, склоняет их на свою сторону, у себя на квартире хранит антисоветскую литературу, полученную им из-за кордона.

В целях пресечения враждебной деятельности УСПЕНСКОГО, имеется в виду провести следствие и привлечь к уголовной ответственности...

*Председатель Комитета
государственной безопасности
А.Шелепин*

**Эльга
Львовна
ФЕЛЬДМАН-
ЛИНЕЦКАЯ**

1909–1997

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В 1954 году в жизни ленинградских писателей произошло событие, в тот год, возможно, малоприметное, но со временем сыгравшее значительную роль в развитии ленинградской-петербургской школы художественного перевода. При Доме писателей имени В.В. Маяковского начал работу семинар художественного перевода под руководством Эльги Львовны Фельдман-Линетской.

Эльге Львовне в ту пору было 45 лет. Сегодня мы знаем: это была середина ее жизни, и ожидавшие ее следующие почти полвека творчества уже навсегда были связаны с этим семинаром. Э.Л. Линетская как выдающийся мастер перевода и не менее выдающийся педагог черпала творческие силы и вдохновение в своих учениках, одновременно передавая им главные свои обретения: великую любовь к культуре, русской поэзии и языку и безупречную честность в творческой работе.

Родилась Эльга Львовна в 1909 году в Петербурге, но большое влияние на ее судьбу оказал город Невель, где в юности она провела несколько лет. Впоследствии Эльга Львовна говорила: «В моей жизни только два города – Невель и Петербург».

Семья ее переехала в Невель, на окраине которого дед Эльги Львовны владел домом, в самом начале двадцатых годов. Это было знаменательное время в культурной жизни старинного русского города — сюда устремилась петербургская интеллигенция, изгнанная из дома разрухой и голодом. Сочетание петербургской культуры с невельской природой, с незабываемой ее одухотворенностью стало для Эльги Львовны тем первым отроческим откровением, которое не раз отзывалось в ее любви к русской поэзии, в ее представлениях о нравственных началах жизни.

Невель и многие из тех, кто жил в нем в ту пору (а среди них Эльга Львовна прежде всего вспоминала своего школьного учителя Николая Ивановича Зорина, на уроках которого она по-настоящему полюбила литературу, и, конечно же, Марию Вениаминовну Юдину и Михаила Михайловича Бахтина), определили то, о чем позднее она сказала: «Невель — это литературные интересы, первые друзья, первая любовь и первое 'настоящее и на всю жизнь оставшееся ощущение природы». В Невеле Эльга Львовна познакомилась с Емельяном Николаевичем Залесским, почти через полстолетия ставшим ее мужем. Благодаря Емельяну Николаевичу, который уже тогда, в ранней юности, был страстным почитателем поэзии, Эльга Львовна узнала стихи Анненского, Ахматовой, Пастернака, других поэтов «серебряного века», которые стали постоянными спутниками ее жизни.

В 1923 году, после смерти деда, родители Эльги Львовны — отец Лев Исаакович Фельдман, учитель истории, и мать Фриза Исааковна, врач, вместе с детьми, младшим сыном Сашей и сестрами Эльгой и Ноэми — возвратились в тогдашний Петроград. В тот же год Эльга Львовна была определена в Тенишевское училище, которое до революции славилось своей прогрессивностью.

В училище (к 1925 году, когда Эльга Львовна его закончила, оно уже называлось 14-й Единой Трудовой школой г-да Ленинграда) преподавал тогда Николай Павлович Анциферов, автор знаменитой книги «Душа Петербурга». Преподавал Анциферов древнюю историю, но часто вместо уроков вводил своих учеников в увлекательные экскурсии по городу и пригородам. Николай Павлович остался в памяти Эльги Львовны как «воплощение русского интеллигента»; фотографию учителя она всегда держала на своем рабочем столе — он привнес в ее жизнь любовь к городской — петербургской — культуре, к тому уникальному единству русскости и западничества, которое несколько позже естественным образом стало основой главного выбора, главного дела Эльги Львовны — искусства перевода.

В том же году в классе, где училась Эльга Львовна, появился юный Николай Поташинский, впоследствии прозаик, печатавшийся под псевдонимом Оттен. Эльга Львовна вспоминала: «До некоторой степени я считаю, что он вошел в литературу потому, что был издателем – в дальнейшем, в дальнейшем! – «Тарусских страниц», первой *вот такой* книги... В его дневнике я потом прочла запись: «За мною сидит девочка с бледным лицом, зелеными глазами и звонким голосом. Должно быть, хорошо читает Блока». Вот это было началом моего первого романа и замужества».

«Первый роман и замужество» Эльги Львовны оказались недолгими – брак с Поташинским (они поженились по окончании школы) длился менее года и оставил по себе, скорее, литературную память: «Его отец имел отношение к издательскому делу. И Николай книги – стихи – мне приносил. И вот то, что у меня есть сейчас редчайшего – это Гумилев, это наш общий бог Александр Блок...»

В 1927 году Эльга Львовна поступила в ЛИФЛИ – Ленинградский историко-филологический институт. Сначала на восточное отделение (санскрит), но вскоре перешла на романо-германское. Здесь совпали два обстоятельства, окончательно определившие творческую судьбу Эльги Львовны: «замечательная библиотека» и «потрясающие преподаватели». Среди последних были Владимир Федорович Шишмарев, Борис Аполлонович Кржевский и Александр Александрович Смирнов.

«На одном из последних курсов, – вспоминала Эльга Львовна, – я начала посещать и Институт истории искусств. Там собралось все самое талантливое, что было в нашем литературоведении, – Г.А. Гуковский, В.М. Жирмунский, Ю.Н. Тынянов, Н.А. Коварский, Б.М. Эйхенбаум, Б.Я. Бухштаб, и там я поняла, что я не зря пошла на литературный факультет. То, что я там слышала на лекциях и семинарах, было так ярко, так талантливо!.. Весной 1929 года Институт истории искусств разгромили. Это трагический год, это начало. Мы считаем началом 32-й, а это был 29-й... Но ЛИФЛИ остался. На последнем курсе у нас был факультативный предмет – художественный перевод. Вел его А.А. Смирнов. В дальнейшем оказалось, что эти занятия определили мою судьбу».

В институте Эльга Львовна познакомилась со своим будущим мужем Натаном (Ионатаном) Евсеевичем Линецким. По ее словам он «сошел с ума» от книги Виктора Шкловского «Теория прозы», бросил техникум в Царицыне и приехал в Ленинград, в Институт истории искусств. Второй брак Эльги Львовны – он продолжался с 1929 по 1966 год – сопровождался трагическими обстоятельствами.

Эльга Львовна и ее друзья еще со школьной скамьи — востоковед Соломон Куний и математик Яков Левитин — решили «устроить» кружок по изучению философии — прочесть в первоисточнике «Критику чистого разума» Канта. В этот кружок Эльга Львовна пригласила свою институтскую приятельницу Надежду Владимировну Сперанскую. Сперанская оказалась сотрудником органов. 14 декабря 1933 года всех членов кружка арестовали, включая случайно зашедшего гостя — приятеля Натана Евсеевича Анатолия Шаповалова. Позже был арестован и сам Натан Евсеевич (ничего не знавший о кружке), а через десять дней и просто позвонивший к Линецким Емельян Николаевич Залесский.

«Дело» Эльги Львовны — особая тема, на долгие годы определившая ее судьбу. Само заключение Эльги Львовны продолжалось сравнительно недолго — до марта 1934 года. Остальные подельники (к ним «присоединили» несколько мифических участников кружка, в том числе еще одну школьную подругу Эльги Львовны Фриду Ароновну Перельман) получили разные сроки. Натан Евсеевич — три года с поражением в правах, которые он отбывал в лагере. Эльга Львовна все это время мыкалась без работы, болела; когда удавалось хотя бы временно получить работу — устраивалась библиотекарем. Раз в год ездила к мужу на свидания. Это была рядовая для тех лет жизнь, на которую тысячи людей обрек входивший в полную силу сталинский режим.

В 1937 году Эльга Львовна уехала под Куйбышев, куда был отправлен в ссылку Натан Евсеевич. Почти всю войну они провели в поселке Кимперсай Актюбинской области, где Линецкий работал на никелевых рудниках. И только после 1946 года у Эльги Львовны появилась возможность вернуться в Ленинград и вплотную заняться литературной работой.

Еще в институтские годы Александр Александрович Смирнов пригласил Эльгу Львовну в студию художественного перевода. Позже эта студия оказалась «прикрепленной» к Ленинградскому отделению Союза писателей и фактически положила начало той переводческой работе, которую многие десятилетия вели и ведут переводчики нашего города.

У В.Ф. Шишмарева Эльга Львовна занималась романскими языками. В одной из анкет она отмечала: «Читаю по-фр., англ., нем., испански, итальянски, перевожу с этих языков, говорю по-французски».

Позднее вспоминала: «Я — как многие — начинала с того, что писала стихи. Но очень быстро пришла к убеждению, что я доста-

точно бездарна и увеличивать число бездарностей не имеет никакого смысла. И тогда я стала переводить. Для себя. И уже потом появился А.А. Смирнов...

Он был строг, но, главное, — переводчик должен был понравиться ему по-человечески. Помню, однажды вечером он весьма придирчиво разбирал мои переводы, и помню, что все его замечания были обоснованны и попадали в цель. Много позже, когда я стала вести семинар, я всегда старалась следовать примеру Александра Александровича и делала замечания не вкусовые, а исходя из двух законов, которые я со временем сформулировала для себя, — верность автору и верность родному языку.

Первая публикация Эльги Львовны — перевод рассказа «Дьявол» в однотомнике Мопассана — состоялась в 1936 году. Вторая — перевод «Фачино Кане» Бальзака — в 1949. Между этими публикациями — 13 лет вынужденного молчания и глубокой внутренней работы.

В ссылке Эльга Львовна стала переводить Ларошфуко, стихи европейских поэтов и «Мысли» Паскаля — труд, который ей удалось завершить к концу жизни. В ссылке же ей иногда выпадало переводить по заказу, — например, французские народные сказки со старофранцузского, опубликованные только в 1959 году. В «Автобиографии» 1950 года Эльга Львовна отмечала: «В 1941 г., по договору с издательством «Искусство» (Москва), перевела с английского языка комедию Филдинга «Дон Кихот в Англии», причем перевод многочисленных стихов в тексте также был выполнен мной. Работа была принята и одобрена». Но, добавим, не опубликована.

После войны, когда Эльга Львовна стала наезжать в Ленинград, началась ее постоянная работа по освоению и переводу европейской классики.

Пятидесятые-шестидесятые годы оказались прорывом в отечественной школе художественного перевода. Тогда были изданы — многие впервые — многотомные собрания сочинений тех писателей, чье творчество в таком широком объеме еще не попадало в поле зрения филологической науки или до того находилось под определенным идеологическим запретом. Эта работа потребовала прихода в художественный перевод новых сил — переводчиков и литературных редакторов, обладавших глубокими познаниями в европейских литературах. Такими редакторами нередко выступали и сами переводчики — тот же А.А. Смирнов, А.В. Федоров, А.С. Кулишер, М.С. Трескунов. В основном, они и были редакторами тех первых для Эльги Львовны книг, в которых она принимала участие как переводчик. А начиная с «Избранных стихотворений» Э.Вер-

харна (1955) — и как редактор. В дальнейшем труд редактора стал составной частью ее литературной работы, наиболее близкой ее призванию руководителя переводческого семинара.

Эльгой Львовной Линецкой переведены и опубликованы значительные произведения мировой классики. В ее творчестве нелегко выделить приоритетные направления, и все же рискнем допустить, что главенствовали переводы с французского. Ею, в частности (вместе с Ю.Б. Корнеевым и Н.А. Жирмунской), были введены в литературный обиход произведения французских писателей-моралистов, от Ларошфуко до Ривароля, включая, как уже отмечалось, первый полный перевод на русский язык «Мыслей» Паскаля, увидевший свет только в 1995 году.

Французская проза представлена в ее литературном наследии удивительными по интонации, точными в воспроизведении духа и стиля оригинала произведениями «малых форм» — это рассказы Мариво и Ретифа де ла Бретона, Таллемана де Рео и Шатобриана, это маленькие повести Жерара де Нерваля, это новеллистика Бальзака, Стендаля, Мопассана, Франса, Вилье де Лиль-Адана. Это и большие романы — Жорж Санд, Дюма, братья Гонкур, Золя. В основном, романы переводила Э.Л. и с других языков: «Джунгли» Э. Синклера, «Алая буква» Н. Готорна, «Камни его родины» Гилберта, романы Фолкнера, «Жизнь Данте» Боккаччо, «Успех» Л. Фейхтвангера...

Но прежде всего Эльга Львовна была выдающимся мастером поэтического перевода: и крупных произведений («Поэтическое искусство» Буало), и поэтической драматургии (Шекспир, Корнель, Расин, К. Гуцков), и лирики (Байрон, Браунинг, Лонгфелло, Эмили Дикинсон — с английского, Рубен Дарио, Рафаэль Альберти — с испанского, Гейне — с немецкого). В 1974 году вышла в Ленинграде первая со времен Бенедикта Лившица авторская антология переводчика французской поэзии — книга Э. Линецкой «Из французской лирики», которая стала серьезным событием и вехой в освоении зарубежной поэзии русской литературой. Эльга Львовна создала образцовые переводы французских лириков — Гюго и Мюссе, Верлена и Малларме, Лафорга и Жамма, Аполлинера и Десноса... Это — золотой фонд нашей переводной поэзии, ее вершины, это высокое явление и самой русской поэзии.

Переводческий семинар Эльги Львовны стал не меньшим событием в культурной жизни нашего города.

В апреле 1994 года Эльга Львовна говорила: «Мне посчастливилось — пока я была в нетях, мне давали переводить первоклассных авторов. Поэтому, когда я вернулась и стала ходить на сек-

цию художественного перевода, у меня уже сложились свои твердые установки в переводе и свои представления о законах нашего ремесла. Я уже убедилась, что перевод – это весьма хитрая штука и что каждое время предъявляет к переводу свои требования. Еще до войны, когда я стала посещать секцию, я поняла, что ее основу составляли «прошловековые дамы», знающие языки, но не понимающие, что перевод – искусство. Вместе с тем уже тогда на секции появились те, кто жил по новым эстетическим законам. Это был новый костяк секции. Это были А.С. Кулишер, Т.Ю. Хмельницкая, А.В. Федоров и, конечно, А.А. Смирнов. Потом появился Е.Г. Эткинд, затем – Ю.Б. Корнеев. Это были люди, сделавшие перевод в Ленинграде школой. И мой семинар стал классом в этой школе».

Эльга Львовна скончалась 16 июля 1997 года.

Судьба одарила ее долгой жизнью, и счастливой, и горестной: она пережила некоторых своих учеников – Инну Чежегову, Геннадия Шмакова, Виктора Михайлова, Ивана Русецкого, Ирину Нинову.

Долг и призвание живущих – продолжить наше общее дело.

Михаил ЯСНОВ

**Олег
Антонович
ФОНЯКОВ**

1902—1938

РАССКАЖУ ОБ ОТЦЕ

АРХИВНАЯ СПРАВКА

ФОНЯКОВ Олег Антонович, 24 декабря 1899 года рождения*, уроженец г. Луганска Донецкой области УССР, русский, беспартийный, образование высшее, горный инженер, проживал на прииске Бодайбо Иркутской области.

26 февраля 1937 года Фоняков О.А. был осужден спецколлегией Восточно-Сибирского Суда по ст. ст. 58—10 ч. 1, 58—14 УК РСФСР к 7 годам ИТР. Для отбытия наказания был направлен в колонию массовых работ в пос. Букачача Чернышевского района Читинской области. Работал там начальником капитальных работ шахты № 2. 16 октября 1937 года вновь арестован. Ему было предъявлено необоснованное обвинение по ст. 58—7—11 УК РСФСР в том, что якобы он являлся активным участником контрреволюционной вредительской организации в Букачачинской колонии массовых работ, сорвал капитальное строительство шахты № 2 «Объединенная», в результате чего сорвана механизация в целом шахты и программа ее ввода.

29 декабря 1937 года особой тройкой УНКВД по Читинской области приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 5 февраля 1938 года. В архивных материалах сведений о месте смерти и захоронении не имеется.

27 июля 1957 года дело по обвинению Фонякова О.А. прекращено Читинским областным судом и он реабилитирован посмертно.

* Правильно: 1902 год (З.Д.).

Книга стихов и прозы Олега Антоновича Фоякова (1902 — 1938) «Ночь накануне» вышла в 1999 году стараниями его жены и моей матери — Наталии Николаевны Фояковой.

В свое время А.Т.Твардовский, ознакомившись с присланными ему рукописями, писал: «Уважаемая Наталья Николаевна! Я прочел рассказы Вашего покойного мужа. Несомненно, это был человек одаренный, и если бы не особые печальные обстоятельства его судьбы, то, возможно, из него выработался бы настоящий писатель...».

Теперь, когда вышедшая (пусть и малым тиражом — всего в 100 экземпляров) книга заслужила высокую оценку ряда профессиональных литераторов, можно сказать, что писатель Олег Фояков состоялся — через шесть с лишним десятилетий после его гибели.

Олег Антонович Фояков родился в январе 1902 года (по новому стилю) в г.Луганске, где его отец, крупный горный инженер и металлург, строил доменные печи. С детства приобщаемый к профессии отца, Олег уже в пятнадцать лет получил диплом штейгера, в дальнейшем успешно учился в Горном институте в Петрограде, однако не смог его закончить: был отчислен «при проверке» из-за «непролетарского» происхождения. Это не помешало ему в течение ряда лет успешно работать в золотодобывающей промышленности. Последняя по времени должность «на воле» — главный инженер геологоразведочного управления Ленских золотых приисков в Бодайбо.

Стихи и прозу писал с детства, следуя семейной традиции, но ничего не успел опубликовать, хотя и мечтал о профессиональной литературной работе, в 1936 году в Иркутске показывал свои опыты местным писателям, встретившим их одобрительно. В письмах к жене говорится о замысле романа (или серии романов) из истории «казацких войн» в Сибири. Этим замыслом не суждено было осуществиться: в тот момент О.А.Фояков уже находился под следствием по ложному обвинению. До того он арестовывался дважды. Третий арест стал роковым.

Первоначальный приговор был по тем временам не самым страшным: семь лет, относительно свободное передвижение по поселку, возможность переписки. Но уже в этих рамках грянуло новое дело о «вредительстве...» с приговором «десять лет без права...» Теперь мы знаем, что это значило.

Илья ФОНЯКОВ

НОЧЬ НАКАНУНЕ
(Письмо к матери)

Если в день, назначенный свыше,
Чтоб забыть и гордость и честь,
Доведется тебе услышать
Несказанно горькую весть,
И, как ужас, встанет из ямы
Оглушительно-тихий час —
Не грусти, дорогая мама,
Не печаль утомленных глаз...
Знать, такая твоя кручина,
Что когда-то в юном огне
Ты ненужно-смелого сына
Родила в позорной стране...
Я ведь, мама, видел и знаю,
Потому и судить берусь...
Я прошел от края до края
Непонятную нашу Русь,
Слышал муку в предсмертном стане
И провал в кровавую бредь,
И всего, что я в мире понял,
Даже в русской песне не спеть...
Потому-то просто и прямо
Говорю я в последний час —
Не грусти, дорогая мама,
Не печаль утомленных глаз...
За окном безумствует вьюга...
С кем же вспомнить под злой мороз,
Как под шелковым небом юга
Ясноглазый младенец рос...
Как потом на чужбине дальней
Полюбил разлив Иртыша,
Как с годами стала печальной
Молодая еще душа...
Сколько было в груди мятежной
До конца проверенных сил,
Как тебя глубоко и нежно
Одиноким сердцем любил...
Но сегодня слова излишни,
Перед смертью надо молчать,
Пусть она подойдет неслышно,
Как к больному ребенку мать...
Пусть возьмет ненужное тело,

Пусть коснется чуткой рукой
И душе спокойной и смелой
Нисдарует вечный покой...

1930—1931

Алдан. Внутренняя тюрьма ГПУ

* * *

Есть еще рычаг Архимеда,
Есть нужная точка опоры!
Всех, не растративших веры в победу,
Я зову в иные просторы...
На Чукотский мыс! На Колыму!
В Становые ущелья, на Яну!
Победить полярные зимы,
Хлебнуть воды из Алдана!
Верный в дружбе, нежный в любви
И бесстрашный в смертельном бое,
Сволочь-жизнь за горло лови
И держи железной рукою...
И иди спокойно вперед,
Не теряй напора и воли!
Кто захочет — всегда найдет
И в бою возьмет свою долю!

Москва, 1928

ПИСЬМО

Кабы ведала ты да знала,
Как мне трудно здесь одному...
Поздний вечер. Башни вокзала
Погрузились в серую тьму...
Потонула Москва в сугробах,
На пустых площадях темно...
Я не знаю, в каких трущобах
В эту ночь разобью окно
И под жуткий свист этой вьюги
Сколько водки в себя волью,
И какую сволочь в подруги
За червонец себе куплю...
Я не знаю этой столицы,
Я не верю в ее царя,
Я не знаю, кому молиться
У Страстного монастыря...

Если б только умел я плакать!
Если б мог простить и понять...
Если б эту мерзкую слякоть
Я бы мог не видеть, не знать...
Ни толпы, ни стен, ни вокзала,
Потонувшего в эту тьму...
Кабы ведала ты да знала,
Как мне трудно здесь одному...
Москва, 1928

ВЕЧЕР

Снова ночь. Дневные звуки замерли,
Чутко спит угрюмая тюрьма,
За окном моей унылой камеры
Притаилась сумрачная тьма...
Как всегда, усталый и измученный,
Я ложусь на жесткую кровать...
Наконец улыбкою заученной
Мне не надо ничего скрывать!
Одиноко, твердо и уверенно
Я пройду и этот скорбный путь, —
Все пути до нас еще измерены,
Все пути ведут куда-нибудь...
В этот час и ясный, и таинственный
Мысль моя свободна и чиста —
Жду тебя, мой друг, мой бог единственный,
Смелая красавица-мечта!
И с тобою, нежная и милая,
И пока любовь живет в груди —
Не страшна мне камера унылая
И тяжелый сумрак впереди...
Усть-Каменогорск, 1926

Фото
не найдено

**Борис
Федорович
ЧИРСКОВ**

1904—1966

ТОЛЬКО ИМЯ...

ЧИРСКОВ Борис Федорович (5.VIII.1904, с. Сандата, ныне Ставроп. края — 22.VI.1966, Ленинград) — драматург, киносценарист. Лауреат Гос. премии СССР (1946 — за сценарий фильма «Великий перелом»). Окончил лит.-лингв. отд-ние фак. обществ. наук Ленингр. ун-та. Был экскурсоводом и научным сотрудником дворцов-музеев г. Пушкина. Дебютировал сценарием «Предатель» (1931). По его сценариям созданы фильмы «Ошибка героя» (1933), «Наследный принц Республики» (в соавт. с Р.Музыкантом, 1934), «Возвращение» (в соавт. с Р.Музыкантом, 1940), «Станица дальняя» (1939), «Валерий Чкалов» (1941), «Зоя» (1943), «Нашествие» (по одноимен. пьесе Л. Леонова, 1944), «Великий перелом» (1945), «Кавалер Золотой Звезды» (по одноимен. роману С. Бабаевского, 1951). Четыре последних фильма отмечены Гос. премиями СССР. В 1946 создал пьесу «Победители», поставленную на сцене МХАТ им. М. Горького и др. театрами. В 1954—1955 работал над экранизацией трилогии А.Н.Толстого «Хождение по мукам» и над сценарием «Барьер неизвестности». Последние завершённые сценарии — «Если позовет товарищ» (1963) и «Два билета на дневной сеанс» (в соавт. с Е.Худиком, 1966).

1. Чкалов: Киносценарий. — М.; Л., 1941. — В соавт. с Г.Байдуковым и Д.Тарасовым; Кто она? (Зоя Космодемьянская): Киносце-

нарий. — М., 1943. — В соавт. с Л.Арнштамом; Генерал армии: Киносценарий. — М., 1945; Победители: Воен. драма. — М.; Л., 1946; Великий перелом: Сценарий. — М., 1947; Киносценарии: Великий перелом; Валерий Чкалов; Зоя; Станица дальняя. — М., 1950; Барьер неизвестности: Сценарий. — Искусство кино, 1961, № 11. — В соавт. с Д.Радовским и М.Арлазоровым; Два билета на дневной сеанс: Киносценарий. — М., 1968. В соавт. с Е.Худиком.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

о наличии сведений

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области установлено, что Чирсков Борис Федорович, 1904 года рождения, уроженец Ставропольской губ., русский, беспартийный, высшее образование, сценарист Ленинградской Кинофабрики Роскино, в 1931 году был арестован ОГПУ и освобожден из-под стражи, проживал по адресу: г. Ленинград, пр. Володарского, д. 34, кв. 21, был арестован 20 января 1933 года на основании ордера ПП ОГПУ в ЛВО.

Обвинялся в том, что являлся членом к/р народнического кружка литературной молодежи, организованного «Идейно-Организационным Центром» к/р эсеровско-народнической организации, устраивал систематические и специально конспирируемые собрания кружка, на которых обсуждали в духе программных и практических установок Центра текущие политические вопросы и проводили коллективные чтения эсеровско-народнической и вообще к/р и запрещенной литературы, выработали письменную литературно-политическую платформу кружка в соответствии с общими программными установками к/р эсеровско-народнической организации, вел эсеровско-народническую пропаганду и т. д., т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 11 УК.

Постановлением тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 21 апреля 1933 года Чирсков Б.Ф. был осужден к высылке в ЗапСибкрай сроком на 3 года. Постановлением Президиума Ленинградского Городского Суда от 20 апреля 1956 года Постановление тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 21 апреля 1933 года в отношении Чирскова Б.Ф. было отменено и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

*Фото
не найдено*

**Иосиф
Шоломович
ШНЕЕРСОН**

1871—?

ЗАПИСКИ ОБ АРЕСТЕ

АРХИВНАЯ СПРАВКА *о наличии сведений*

Из материалов архивного фонда Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и области следует, что

ШНЕЕРСОН Иосиф Шоломович, 1871 года рождения, уроженец с. Любавичи Оршанского у. Могилевской губ., еврей, гр-н СССР, до ареста — лектор-раввин, проживал в г. Ленинграде, ул. Моховая, д. 22/12, кв. 12

был арестован ПП ОГПУ в ЛВО 14 июня 1927 года.

Обвинялся в том, что «...являясь главой генеральной группы евреев-хасидов, организовывал нелегальные еврейские школы, где преподавал религиозное учение малолетним...», т. е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58—14 и 122 УК РСФСР.

Постановлением Тройки при ПП ОГПУ в ЛВО от 27 июня 1927 года осужден к высылке в г. Кострому сроком на три года.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 11 июля 1927 года постановление Тройки при ПП ОГПУ в ЛВО от 27.06.1927 г. отменено, Шнеерсону Иосифу Шоломовичу разрешено свободное проживание в СССР.

Заключением Прокуратуры г. Санкт-Петербурга от 27 октября 1993 года

и в соответствии со ст. 3 п. «а» и ст. 5 п. «в» Закона РФ от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» — Шнеерсон Иосиф Шоломович реабилитирован.

(Основание: арх. дело № П-82240)

Мученики террора... Когда первые из них появились на советской земле?.. Общественное мнение долгое время считало, что начало ему дал зловещий 1937 год. Да, вал незаконных репрессий поднялся высоко именно в том году, но проявил себя «красный террор» задолго до этой даты.

Перед нами страницы выразительной мемуарной литературы: «Записки об аресте». Они принадлежат перу не литератора, не публициста, а религиозного деятеля, который был известен в 20-е годы, как глава хасидизма в России.

Хасид — на древнееврейском языке — благочестивый. Хасидизм — религиозное течение, для которого в иудаизме характерны вера в чудеса, почитание цадиков (праведников). Таким праведником в 20-е годы считали Рабби Иосифа-Ицхока, чья резиденция находилась в Ленинграде.

14 июля 1927 года он был арестован и брошен в тюрьму на Шпалерную. Тяжело большого старого человека обвинили в национальной просветительской деятельности, в пропаганде еврейства, что по понятием ретивых чекистов являлось злоумышлением против Советской власти, то есть — преступлением.

Он был приговорен к смертной казни, замененной, однако, десятилетним пребыванием в Соловецких лагерях.

То что творилось в знаменитой «Шпалерке» еще за десять лет до 1937 года, в «Шпалерке», ставшей местом расстрела тысяч узников сталинской поры, в «Шпалерке», камеры которой знакомы и мне, — Рабби Иосиф Шнеерсон описал на страницах «Записок об аресте». Быть может, впервые мы узнаём, каким был последний час узников, бесследно исчезающих в подвалах этой страшной тюрьмы. Впервые, потому что никто из тех, кого бросали в зловонное преддверие смерти — оттуда уже не возвращался. Рабби Иосиф Шнеерсон — не стал еще одной жертвой палачества и зверства. Но, побывав в «Третьем круге ада», как он его называет, он рассказал о нем в первую очередь тем, для кого он оставался праведником.

Читая «Записки об аресте», мы твердо знаем: когда бы, где бы, ни совершались злодеяния против человечности, — они не имеют срока давности. Помнить о них должно всегда.

Мы — помним!

Захар ДИЧАРОВ

Из «ЗАПИСОК ОБ АРЕСТЕ»

ТРЕТИЙ КРУГ АДА

...И опять мы идем коридором, освещенным тусклыми лампочками. Я начинаю умолять конвоира — не просить, а именно умолять, в полном смысле этого слова, — разрешить мне надеть тфилин.

— Нет, говорю, — конвоир неумолим. — А будешь упрячиться, отведу в карцер.

Но я продолжаю настаивать. Объясняю, что я религиозный еврей и мне нужно, необходимо надеть тфилин хотя бы на несколько минут. Конвоир невозмутимо покуривает и даже снисходит сказать, что тфилин для него не новость. Он жил когда-то в маленьком местечке, неподалеку от синагоги, и не раз наблюдал молитвы евреев. Тем не менее категорически нет и нет!

Он идет впереди, я — за ним. Убедившись в бесполезности увещаний, решаюсь молиться на ходу, но только успеваю надеть тфилин на руку, как вдруг — удар, и я качусь по железным ступенькам. Слава Богу, не ломаю в падении рук и ног.

С большим трудом поднимаюсь на ноги, ощущая при этом сильнейшую боль. Падая с лестницы, я сломал металлический бандаж (который вынужден носить уже много лет), и острый кусок железа вонзился в тело. Сердце мучительно сжимается от боли, чувствую, еще немного — и потеряю сознание.

— Еще не то получишь от начальства, — вопит охранник. — Все доложу о твоих молитвах! Вот полежишь в грязи да с крысами недельку, тогда и поймешь, что Шпалерка — не синагога, не модельня еврейская...

С великим трудом одолеваю последний пролет, плетусь за ним широким коридором, и снова лестница, ведущая вверх. Нужно подняться на третий этаж.

Вынужден присесть на ступеньку. Кровь идет, не останавливаясь, боль становится нестерпимой. Превозмогая ее, хватаюсь за перила и тяжело поднимаюсь шаг за шагом. Конвоир давно наблюдает за мной с верхней площадки, а я все ползу, как дряхлый больной старик...

Начальник шестого отделения выходит встречать «почетного гостя» на открытую галерею. Он явно получил из главной тюремной конторы какие-то распоряжения, но кто его знает — благоприятны они или нет.

— Ярлык 26818, — говорит конвоир и отдает мои документы.

— Хорошо! — орет начальник. — Очень хорошо! Давай свой

товар, давай, скучно руки сложа сидеть, — он перегибается через перила и следит, как я плетусь по третьему маршу. — Веселей, старикан, чего карабкаешься! Время дорого...

Наконец поднимаюсь на галерею и стою, тяжело дыша, с тфиллин в руках.

— Ступай на обыск! — кричит мне начальник и, радуясь чему-то, начинает посвистывать. — Петя! — орет он так, что возвращается зычное эхо. — Принимай товар! Ярлык пришел, давай в работу! Из какой-то ниши выходит Петя — то ли человек, то ли зверь, существо страшное, похожее на беса. На нем ни оружия, ни формы, он среднего роста, с огненным лицом и рыкающим, львиным голосом.

Приблизившись, Петя оценивающе меня разглядывает, но в лицо, как все люди, не смотрит. И в дальнейшем ни разу не видел, чтобы он кому-то смотрел в глаза.

— У, какое гнилье нынче водят, — рыкает Петя. — Нечего сказать, хорош паразит — бородатый жид. Давай на обыск, жид! Мы тебя здесь распотрошим, по косточкам разберем.

Похоже, что Петя — ответственный работник при здешнем складе, где лежит товар «ярлыков», попадающий в замок, именуемый Шпалеркой.

Петя идет быстрым шагом, но вынужден все время останавливаться.

— Чего хромаешь? — рывкает он опять. — Али от нашего воздуха ноги подкашиваются? У нас тут атмосфера здоровая, верно? Тут дают аромат понюхать, оч-чень полезный для таких паразитов, как ты. От таких ароматов прекрасных в первый день навзничь падают — словно болезнь пришибла...

Он опять выскакивает вперед и снова стоит, поджидая.

— Два-три дня лежат, — продолжает Петя, — пока врач не придет. А бывает врачу уж и делать нечего, кроме как причину смерти назвать.

Из-за раны, в которой сидит острый край железки, я передвигаюсь все медленнее и медленнее. После каждого шага приходится останавливаться — передохнуть. Чувствую, как течет кровь из раны; жуткая боль останавливает временами сердце.

— Что это ты на лицо такой белый? — интересуется Петя. — Неужто болен? — он ржет. — После обыска можешь и умереть спокойно. Никто мешать не будет. Врач отношение напишет, начальство печатью шлепнет, в конторе зарегистрируют, ярлык твой вычеркнут, а хлам — туда, в нижний колодец.

Не могу сказать, что его слова не производят на меня впечатле-

ния. Но не то, на которое рассчитывает Петя. Я думаю, какое нравоучение можно извлечь из услышанного.

Знаменитое изречение Баал-Шем-Това гласит: все, что видит человек, и все, что слышит, должно служить ему для самоусовершенствования. Не требуется особой пронизательности, чтобы понять — услышанное мною должно пробуждать раскаяние. Только сознание предначертанности и непоколебимая вера в помощь Всевышнего могут укрепить человека здесь, где пляшет Сатана и царствуют силы, толкающие человека на порочный путь...

Боль усиливается необычайно, не могу шевельнуться и неволью останавливаюсь.

— Чего притворяешься? — яростно набрасывается на меня Петя. — На носилках прикажешь тебя нести? Чего кокетничаешь, жидовская морда!..

— Куда пропал, Петя? — доносится крик из-за близкой двери. — Где ярлык? Давай сюда скорей, ждать надоело.

— Иду, иду, — отвечает Петя и ворчит, словно злобная шавка. — Вишь, ему уже ждать надоело. Вот, черт, собака подлая.

С Божьей милостью добираюсь до окованной железом двери. В крошечном кабинете без окон горит яркая лампа.

— Забирай свое дранье, — говорит Петя. — Ну что за товар! Через час сдохнет.

Чиновник за столом довольно ослабил.

— Что ж делать, браток. Раз другого нет — и такой сойдет. А ну-ка, — обращается он ко мне, — давай пошарим, что у тебя там в карманах...

Наскоро обыскав меня и ничего интересного не обнаружив, он переходит к моим вещам.

— А ты ступай на свое место, — говорит он Пете. — Как закончу — позову...

С трудом присаживаюсь на единственный колченогий стул; чиновник тем временем неумоимо, как собака-ищейка, роется в саквояже и выбрасывает на стол тфилин Рабейну-Там и Шимуша-Раба*, пояс и книги. Тфилин Рашин я по-прежнему держу в руках. В надежде на чудо прошу разрешения помолиться.

— Нет! — бросает он с ненавистью, даже не глядя в мою сторону.

— Это уж как начальство прикажет, — обрывает чиновник. —

* Рабейна-Там и Шимуши-Раба — талмудисты, давшие порядок написания и расположения отрывков из Торы, помещаемых в тфилин.

Ты, Петя, опытный, порядок знаешь. Как будет приказ для товарища в расход, так сразу и выдам.

— Знаю, знаю, — отзывается Петя. — А по мне бы, так хоть и сейчас. Уж очень мне нравится, как они корячатся, смотреть... Есть, конечно, и такие, ведешь их — они, как мертвые, а начинаешь раздевать — уж и помер со страху... Это нехорошо, неинтересно... А вот когда кровь льется, тогда приятно смотреть... Иногда пять-шесть часов с уборкой терпишь, все ждешь, пока он кончится... Хорошо, забавно, страсть, как люблю смотреть, одно ж удовольствие...

— Ну, вот и готово, — откидывается на стуле чиновник. — Ярлык 26818 помещаем в камеру номер 160, наклейка четвертая*, — и оборачивается ко мне. Теперь тебя зовут сто шестидесятый, четвертый. Запомнил?! Ну, Петя, принимай сто шестидесятого-четвертого и ступай.

Пыхтя от натуги, Петя неуклюже расписывается, а начальник смотрит на него с презрением, словно барин на холопа. Затем проверяет результаты Петиних трудов и бросает: «Полный порядок!»

— Ну, вот, — отдуваясь, говорит Петя, — теперь ты мой. Иди, говорю, ступай на отдых. А вещички-то свои — прибери!

На столе, на груди моих вещей, в беспорядке лежит тфилин. Счастье, что чекист не вскрыл их, не распотрошил. На мгновение мелькает надежда: а вдруг разрешат забрать их в камеру. С мольбой прошу об этом и напоминаю обещание Нахмансона.

— Забудь, — смеется чиновник и покровительственно поучает, — Оставь, по-хорошему тебе говорят, свои глупости. Ты — арестант, запомни это, ну и веди себя как положено. А что положено — забирай. Вон твоё бельё и платки.

Я снова повторяю свою просьбу, и тогда он переходит на казенный тон.

— По всем вопросам, — цедит он сухо, — которые не входят в мою компетенцию, следует обращаться к высшему начальству... — и сбивается. — Короче, распорядится начальство, так я тебе чего хочешь выдам.

— Но ведь здесь вы — начальник! — говорю я мягко. — К чему мне высшие инстанции?.. Об одной лишь милости вас прошу — дайте мне с собой тфилин и книги. А все остальное — бельё, платки, продукты — мне не нужно.

Как велика ты, сила покорной и мягкой мольбы! Даже каменное сердце на минуту смягчилось, что-то человеческое проснулось в бандите — он задумчиво жует губами и чешет в затылке.

* Наклейка четвертая — четвертый в камере.

— Нет! Нельзя! — вылезает Петя.

— Ступай! Иди.

— Нельзя, — соглашается начальник. — В самом деле, не могу. Без начальства — не могу. А хочешь, пиши заявление. Вот тебе бумага — пиши.

Присаживаюсь и вижу напротив себя, на стене кабинета, листок — тюремные правила.

Оказывается, и у арестантов есть какие-то права, особенно если у него есть деньги. В частности, я могу отправить свое прошение даже телеграммой. Нужно только указать на бланке, что я плачу со своего счета, из денег, оставшихся в тюремной конторе. Не мешкая, решаю воспользоваться своими «правами» и телеграфировать требование. Беспокоит одно — лишь бы Петя не запротестовал против задержки. Как я понял из их разговора, до сигнала подъема заключенных, который должен дать Петя, остались считанные минуты, и ему ничего не стоит увести меня под этим предлогом. Не переводя дыхания, тут же набрасываю три телеграммы с одинаковым текстом: «Прошу разрешить начальнику шестого отделения немедленно выдать необходимые мне для молитвы тфилин, Духовный раввин. И.Шнеерсон. Шестое отделение, шестидесятая камера».

Телеграммы адресую главному прокурору, начальнику Шпалерной тюрьмы и следователю Нахмансону.

— Вот это размах, — смеется чиновник, читая телеграммы. — Смотри, кому пишет! Главному прокурору, в ГПУ и следователю. В правилах, которые я быстро прочел, но запомнил почти дословно, было и такое: можно потребовать расписку, что телеграммы приняты. Хоть какая-то гарантия!

— Кончил? — Пете не терпится. — Теперь успокоился? Ступай.

— Минутку, — я-то не спешу, — позвольте получить квитанцию.

— Какую еще квитанцию? — похоже, он никогда не заглядывал в правила, висящие за его спиной.

— Ту самую, — отвечаю многозначительно, — что следует мне по закону.

Коль скоро упомянута буква закона, чиновник мгновенно смиряется и пишет на клочке бумаги расписку. Потом ставит на нее печать и на телеграмму в отдельности и прячет их в пухлый казенного вида конверт. Успокоившись за судьбу своего требования, покоряюсь нетерпеливому Пете. Он торопится и яростно прокликает все на свете, в первую очередь меня. Стараюсь не слушать Петину брань и разглядываю открывшийся с галереи внутренний мир Шпалерки.

Зодчий этого здания был человеком изобретательным и построил тюремный замок, из которого не убежать. Те, кто испуганно озираются на Шпалерку с улицы, видят ничем не примечательный дом, неотличимый от соседних. Но это лишь внешность, фальшивый фасад, за которым скрывается не имеющее себе подобных истинно тюремное сооружение.

Шпалерка — это как бы цитадель в цитадели, за внешней крепостной стеной прячется такая же — внутренняя, отделенная от первой трехметровой ширины проходом. Похоже, как если бы меньший ящик вставили в больший. И стенки внутреннего ящика, опоясанные по высоте галереями, — это мрачная вереница железных дверей. Камеры, камеры, камеры... мы идем мимо них, наш путь оказался не близок. Убедившись, что меня не поторопишь, Петя прекращает сквернословить. Теперь он лезет из кожи вон, пытается напугать меня, ввергнуть в панический ужас. В его рассказах потоками льется кровь — единственное, о чем с удовольствием говорит этот изувер. Оказывается, больше всего ему нравится наблюдать агонию разных «попов и буржуев».

— Вот раз было, — урчит Петя, — один все корчится, не хочет помирать. Шестерых уже в яму сбросил, а этот никак не кончается. Как ты был, в точности, — бледный да полный, но живучий, собака, то рукой дрогнет, то ногой, аж ждать надоело. — Товариш мой за получкой ушел. Четыреста двадцать целковых заработал (60 рублей за каждое убийство!) и три бутылки водки дали... Ему что! — кокнул и пошел, а моя работа хлопотная, из камеры в przygotowительное приведи — намучаешься, а потом, когда дело сделано — хлам убирай, полы мой, да стены скобли от крови... — Да-а..., так вот корчится он, корчится, надоело. Решил за чайком сходить, вернулся — опять трепыхается. Ну, так, понимаешь, приятно смотреть, загляделся и чай без сахара выпил, забыл положить. Из-за тебя, думаю, сволочь!.. Как дал ему два раза ногой, из него и дух вон. Кровь из горла бульк и черный стал, как жук...

Рассказы двуногого подобия человека уже не пугают меня, но врезаются в память навеки.

— Тебя бы, — говорит на прощание Петя, — в отдельную камеру нужно садить. Ты же смертник, а смертникам отдельная полагается, одиночка. Да, вишь, все переполнено... — Ступай сюда! — он достает огромный ключ, отпирает один замок, потом ключом поменьше, другой и открывает дверь. Не успеваю войти, как он двумя руками вталкивает меня в камеру. Дверь захлопывается, щелкает замок.

Иосиф ШНЕЕРСОН
(Журнал «Лехаим», VII. 1966 г.)

**Александр
Александрович
ЭНГЕЛЬКЕ**

1904–1977

ПЕРЕВОДЧИК ЭНГЕЛЬКЕ

ЭНГЕЛЬКЕ Александр Александрович (9.3.1904, Петербург — 17.10.1977, Ленинград) — переводчик. Окончил фак. языкознания и материал. культуры Ленингр. ун-та (1927). В 1919–1923 служил в Красной Армии. В 1928–1930 — сотрудник антикварного отд. «Международар. книги». В 1930–1976 — преподаватель иностранных языков в школе и вузе. Первые переводы опубликованы в 1955. Переводил с французского, немецкого, испанского, английского яз. Перевел: А. де Виньи, «Неволя и величие солдата» (1968), Ж.Санд, «Леоне Леони» (1971), Ж.Т. де Рео, «Занимательные истории» (1974), отдельные произведения В.Гюго, Ш.Нодье, Стендаля, Сент-Бёва, Г.Сакса, Г.Гейне, Ф. де Кеведо, С.Вильяверде, Б.П.Гальдоса, Г.Лонгфелло и др.

С П Р А В К А

Из документов архивного фонда УФСБ РФ по С.-Петербургу и области установлено, что

ЭНГЕЛЬКЕ Александр Александрович
родился 25 февраля (9 марта по н. ст.) 1904 года в Ленинграде, русский,

окончил Ленинградский Государственный университет,
с 1933 года до дня ареста работал в Военно-морском
Инженерном Училище им. Дзержинского

преподавателем иностранных языков,
проживал по адресу: Ленинград,
ул. 13-я Красноармейская, д. 14, кв. 37.
Был арестован 28 октября 1937 года УНКВД ЛВО.

Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной троцкистской организации, посещал подпольные сборища, где обсуждалась тактика террористической борьбы с руководителями ВКП(б) и Советского Правительства, т. е. в пр. пр. ст. 58—10 и 58—11 УК РСФСР.

Постановлением Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел от 23 июля 1940 года осужден к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет.

Освобожден 20 июля 1946 года из ИТЛ г. Канска Красноярского Края за отбытием срока.

Определением Военного Трибунала Ленинградского Военного Округа от 25 марта 1957 года Энгельке А.А. реабилитирован.

НАШ УЧИТЕЛЬ

Весной 1957 года Ленинградское Отделение Гослита готовило собрание сочинений Гейне; пятый том — перевод с немецкого — достался мне. В те времена кроме издательского редактора почти у каждой книги был редактор внешний — специалист именно в этой области: таким редактором у пятого тома оказался Александр Александрович Энгельке.

Не в пример многим ученым и писателям, сотрудничавшим с нашим издательством и раздражавшимся даже и по пустякам. Александр Александрович был всегда предельно корректен, доброжелателен, внимателен к тексту, трудолюбив. Между тем они с женой даже не имели своего угла, жили где-то у родных: ведь они недавно вернулись из мест «не столь отдаленных».

Иной раз он что-нибудь рассказывал о своем детстве, о близких, но не о тех страшных годах. От других людей я слышала, что был он в застенках мужественным, рассказывал сокамерникам любопытные истории или пересказывал романы. Чаще всего это бывало по ночам, когда брали кого-то на допрос, и страшные крики избиваемых, женские вопли неслись по тюрьме. Ничто не могло лишить его чувства собственного достоинства. Отец его был полковником царской армии и перешел на службу к красным, мать-француженка умерла очень рано, мальчика воспитывала бабушка, — французский и английский были для него родными языками. Его забрали вместе с другими преподавателями с кафедры иност-

ранных языков Высшего Военно-морского инженерного училища им. Дзержинского в 1938 году.

Вскоре мы начали работать над переводом романа Бласко Ибаньеса «Мертвые повелевают».

В первое время после войны переводной литературы выходило мало; замечательная русская школа перевода не только не развивалась, но сходилась на нет — переводчики (кроме самых известных) тексты делили на две, а то и на три части, а потом внешний редактор сводил все воедино, другие же занялись кто чем мог — многие стали писать для детей, и т. п. В Гослите переводной литературой занимался Михаил Соломонович Трескунов, и надо отдать ему должное: не афишируя, он постоянно привлекал к работе тех, кто возвращался в Ленинград из лагерей, ссылки и т. д. Роман «Мертвые повелевают» А.А. делил с человеком тоже тяжелой судьбы, жившим у кого-то «под роялем», как он говорил. И он, в отличие от А.А. или Алексея Матвеевича Шадрина, не мог никак войти в рабочую колею (а может быть, он в прошлом и не переводил художественную литературу). Перевод получился корявый, тут-то я узнала другую сторону характера А.А. — не будучи внешним редактором, он почти переписал этот текст (переводчик не возражал) и, когда роман вышел, стало ясно, что переведен он прекрасно. Бескорыстие — вот еще одна черта характера Александра Александровича.

По какой-то причине я попала домой к А.А., когда они уже жили в своей комнате в Автове. Маленькая комнатка, метров четырнадцать, в коммунальной квартире, была полупуста, денег на мебель, должно быть, не хватало. А.А. был бессребреник... Потом пошли другие работы, в которых Энгельке мог проявить свое потрясающее знание языков (испанского тоже!) — «Перикильо Сарниенто» Хоакино Лисарди, романы Жорж Санд «Леоне Леони», Переса Гальдоса, Стендаля, новеллы и статьи Нодье, Сент-Бёва, Кеведо, кубинских авторов и многое другое.

В Союзе писателей, членом которого он стал, А.А. вел переводческий семинар. Вот как вспоминает об этом его ученица, ныне известный переводчик Александра Марковна Косс: «Самым существенным в том, как вел А.А. семинарские занятия, была явственность цели: научить. Не ослеплять — оглушать эрудицией (а был он эрудитом в лучшем смысле слова), не утверждать собственное превосходство, не возводить свои методы на пьедестал универсальности, недоступной для всех прочих, — а научить. И, может быть, потому так запомнились его улыбки, — улыбался он часто, искренне, по-разному: иронически (все оттенки — от сарказма до

юмора), мягко (но не снисходительно — и уж тем более не свысока), грустно (или, точнее — сожалеюще), а высшей оценкой была откровенно радостная улыбка: он любил радоваться удачам учеников, и вообще удачам и в литературе, и в жизни.

Учить трудной прикладной науке — стилистике в действии — он умел изящно и непринужденно: виртуоз, свободно и естественно меняющий регистры от иронического экзотического южного просторечия до удивительно тонкого и сложного текстологического анализа подлинника, будь то испанский или французский (семинар был романо-язычных литератур), и языком русским. И, одновременно, в нем звучали такие удивительные петербургские и такие выразительные интонации... Мы, семинаристы, учились у А.А. и читать книги, и переводить, и умению говорить — о переводах.

Он многому умел учить.

Работал А.А. как редактор и переводчик много, и не только у нас, в Гослите, который стал Худлитом, но и в издательстве «Наука». Там, в серии «Литературные памятники», вышел подготовленный им том Ж. де Рео «Занимательные истории», и любимый его роман Альфреда де Виньи «Неволя и величие солдата». В это же время он преподавал в военном училище. Любил свою работу, и его любили слушатели. Должно быть, он и у них вызывал уважение: он всегда оставался самим собой.

Нина ШЕТКОВА

ПОМНЮ О НЕМ ВСЮ ЖИЗНЬ

Отец мой, Александр Александрович Энгельке, родился 9 марта по новому стилю 1904 года в Санкт-Петербурге. Его матерью была Тереза Иосифовна Энгельке (урожденная Серазен), француженка, приехавшая после смерти своего отца в Россию вместе с матерью и мужем — военным инженером-строителем Александром Александровичем Энгельке.

С детства мой отец говорил по-французски и по-немецки так же свободно, как и по-русски, рано проявил большую склонность к овладению иностранными языками, например испанским, итальянским, английским.

10-ти лет папа поступил в Пажеский корпус, который в свое время окончил и его отец, и проучился там почти два с половиной года.

Когда произошел Октябрьский переворот, обучение в Паже-

ском корпусе прекратилось. В это беспокойное время учиться отцу не пришлось: в 1919 году он пошел добровольцем в Красную Армию, где прослужил до 1923 года, а экзамены за курс средней школы сдавал экстерном то ли в 22-м, то ли в 23-м году. В 1923 году отец поступил на факультет языкознания и материальной культуры в Ленинградский государственный университет, который и закончил в 1927 году. После университета в течение 2-х лет работал сотрудником антикварного отдела «Международной книги», а затем стал преподавать иностранные языки в Высшем Военно-морском инженерном училище имени Дзержинского.

В ночь на 23 апреля 1938 года (мне только что исполнилось 11 лет) отца арестовали. Никогда не забуду того ужаса, который испытала, проснувшись от яркого света и увидев человека в военной форме, рывшегося в моих игрушках. Обыск длился всю ночь, квартира была перевернута вверх дном. Папа держался с удивительным самообладанием; помню, что я сидела всю ночь рядом, прижавшись к нему, а он гладил меня по голове. Его увели уже утром, он нашел в себе силы улыбнуться нам на прощанье и сказать: «До свидания».

Следствие длилось 2 года и 3 месяца. Это неслыханно долгие сроки по тем временам. Только 23 июля 1940 года был объявлен приговор — 5 лет исправительно-трудовых лагерей.

Вот тогда, в последних числах июля, я снова встретилась с отцом. Это было в пересыльной тюрьме. В огромной комнате, разделенной двумя решетками до потолка, между которыми ходили охранники. Я никогда не забуду первых слов, которые услышала от отца: «Ты веришь, что я ни в чем не виноват?»

Вскоре папа заболел, и его положили в тюремную больницу, а затем по этапу отправили в Канск, где он и пробыл до 20 июля 1946 года, хотя его срок закончился еще весной 1943 года, так как во время войны «врагов народа», то есть осужденных по 58-й статье, не выпускали. Знаю, что дважды отец просился на фронт, но его не пускали. Еще бы! 58-я статья говорила сама за себя.

В лагере он, как всегда говорил, родился во второй раз. Дело было так: по прибытии его сразу направили на общие работы, то есть на лесоповал. И буквально через месяц он упал без сознания. Оказалось, что у него произошло прободение язвы желудка. На его счастье в лагере и был знаменитый харьковский хирург Адам Адамович Бельц, тоже заключенный. Он и спас отца от верной смерти.

После операции отца уже не направили на общие работы; он

пошел в канцелярию, что было легче физически, но хлеба давали на этой должности вдвое меньше. Однако появилась возможность заниматься тем, к чему его давно тянуло — переводами.

Из рассказов отца я знаю, что его первые переводы были созданы зимой 1939—40 годов, когда он сидел в одиночке, тускло освещенной синей лампочкой (шла финская война, и в городе была светомаскировка). Обладая феноменальной памятью, он переводил стихи (между допросами!), не имея ни клочка бумаги, держа текст оригинала и перевода в голове. Это занятие давало ему возможность отвлечься от окружающего ада.

Только в лагере он смог записать свои переводы и по одному стихотворению стал посылать нам в письмах. Они и сейчас хранятся у меня: маленькие листочки, исписанные каллиграфическим почерком отца.

После освобождения отца из лагеря (20.07.46 г.) мои родители поселились в Красноярске, хотя в паспорте у папы стояло: «минус все областные и краевые города». За него хлопотало руководство Красноярского паровозостроительного завода: в конструкторском бюро был очень нужен переводчик, владеющий несколькими языками. Родители получили квартиру, папа стал преподавать в техникуме. Казалось, все сладывалось как нельзя лучше. Но в 1948 году опять начались аресты, и всех бывших заключенных стали выселять из Красноярска. Не дожидаясь, когда ему предложат уехать, отец нашел работу в Мариинске, районном центре Кемеровской области, в железнодорожной школе. Там он по-прежнему занимался переводами. Ребята привязались к своему новому учителю, и до сих пор, хотя отца нет уже 22 года, мне пишут его бывшие ученики.

Только в 1953 году папа был амнистирован и мы уехали из Мариинска. Около года папа работал в школе под Ленинградом, на станции Дивенская. А вскоре его пригласили на работу во II-й институт иностранных языков.

В 1955 году в печати появились первые переводы отца. Он был счастлив и продолжал работать с необыкновенной энергией над самыми разными авторами. Относился он к своим переводам очень пристрастно, порой очень долго искал нужное слово. Великолепно зная и чувствуя русский язык, он постоянно работал со словарями. Я так и вижу отца за чтением словаря — это было его любимое занятие.

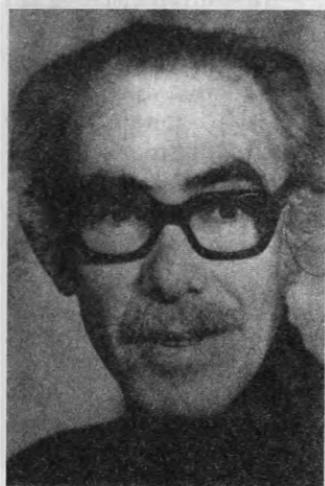
В 1957 году его, наконец, полностью реабилитировали. Теперь он преподавал в Высшем военно-инженерном училище (ВИТКУ), по-прежнему занимаясь переводами. В 1968 году вышла его глав-

ная книга — Альфред де Виньи «Неволя и величие солдата». Это было настоящим праздником для отца. Великолепно знавший военную историю, сам всю жизнь связанный с армией, он, как и А. де Виньи, слова «Долг» и «Честь» всегда писал с большой буквы. Поэтому книга А. де Виньи была особенно близка и дорога ему.

Для меня отец всегда был и остался самым большим авторитетом, главным человеком в моей жизни. Я поражалась его памяти, восхищалась его поистине энциклопедическими знаниями. Его отношение к окружающим, к работе, к близким всегда вызывало уважение и восхищение. А как увлекательно он умел рассказывать! Молодежь, приходившая ко мне, постоянно тянулась к отцу.

Я бесконечно восхищаюсь и горжусь своим отцом, жалея лишь о том, что я не записывала его рассказов.

*Ирина Александровна ЯНЧУРОВА
(урожденная Энгельке).*

**Борис
Яковлевич
ЯМПОЛЬСКИЙ**

1921–2000

ПИСАТЕЛЬ О СЕБЕ

«Родился в 1921 г. в Астрахани; в 1929 г. семья переехала в Саратов. Сразу по окончании школы был арестован “за антисоветскую деятельность” и осужден на 10 лет по статье 58 п. п. 10, 11. Отбыв срок на Северном Урале в Базстройлаге, ушел на поселение в новостроящийся поселок — впоследствии г. Карпинск. Работал художником при домах культуры, кинотеатрах, в ярославской реставрационной мастерской. В 1961 г. реабилитирован «за отсутствием состава преступления», вернулся в Саратов. В 1971 г. в связи с делом о самиздате и увольнением с работы после статьи «У позорного столба» в областной газете «Коммунист», вынужден был по «предложению компетентных органов» уехать в Петрозаводск.

Литературой я увлекался со школьных лет. После освобождения с 1951 г. писал рассказы о людях, окружавших меня в лагере. В 1971 г. уже законченная рукопись была похищена, надо полагать, сотрудниками саратовского КГБ. Ее судьба неизвестна до сих пор».

Из библиографии Б.Ямпольского

Борис Ямпольский. Избранные минуты жизни. Проза последних лет. — СПб.: «Акрополь», 1998.

Из предисловия Самуила Лурье к книге «Избранные минуты жизни»: «...видно, что написано хорошо — фразой розановской школы: стремительный синтаксис удерживает события и сейчас, в переживаемом моменте; обаятельный такой лаконизм, как будто читаешь мысли, а не слова... Грустная и прелестная книга в руках у вас, дорогой читатель».

Для Бориса Ямпольского публикация «Избранных минут жизни» совпала с 77-м днем рождения. Возраст, когда положено не начинать, а заканчивать свой литературный путь.

Сразу оговорюсь: не путать автора «Избранных минут жизни» с его тезкой и однофамильцем, талантливым и честным писателем, чьи лучшие произведения «Арбат, режимная улица» и «Ярмарка» были напечатаны много лет спустя после его смерти, уже в период гласности. Хотя когда-то это совпадение имени и фамилии и спасло в лагере жизнь вчерашнему саратовскому школьнику.

Борис Ямпольский, премного хлебнувший в советской жизни, поведал читателю не столько о своих бедах, сколько о своих радостях и победах, о своей разделенной любви к поэзии и к поэтическим женщинам, к гонимому племени вольных странников по литературе и жизни, ко всем, кто учился и учил «презрению к бытовщине», «дружескому избранничеству в пику казенной коллективности». По точному замечанию автора предисловия, известного петербургского критика Самуила Лурье, рассказчик «всматривался в лица тайных единоверцев — как мало их было, как тяжело им приходилось, как они были прекрасны! Он вникает в собственную странную биографию — в сущности катастрофа: знай увлекался людьми и сочинениями, как последний романтик; ничего не нашёл и все, кроме любви, потерял, и ничего потерянного не жаль — только одной рукописи украденной жаль безумно...».

В свободном пульсирующем ритме и языке книги легко различимы отзвуки прозы Цветаевой и Солженицына.

Не осмелюсь заявить, что «Избранные минуты жизни» посильнее, чем «Фауст» Гете, но изначальная вера в магию поэзии побеждает мертвые догмы, мертвые дома, мертвые режимы.

Виктор СЕЛЕЗНЕВ

С П Р А В К А

Дело по обвинению Ямпольского Бориса Яковлевича. 1921 года рождения, осужденного по ст. ст. 58–10 ч. 1 и 58–11 УК РСФСР к десяти

годам лишения свободы, пересмотрено Верховным судом СССР 14 августа 1954 года.

Приговор Саратовского областного суда от 16 июля 1941 года в части осуждения Ямпольского Бориса Яковлевича по ст. 58—11 УК РСФСР отменен и дело производством прекращено.

Тот же приговор и определения судебных коллегий по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 18 августа 1941 года и Верховного суда СССР от 14 августа 1954 года в части осуждения Ямпольского Бориса Яковлевича по ст. 58—10 ч. 1 УК РСФСР Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 26 декабря 1962 года отменены и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления, т. е. Ямпольский Б.Я. по настоящему делу реабилитирован.

К моменту привлечения к уголовной ответственности по настоящему делу Ямпольский Борис Яковлевич временно нигде не работал.

Председатель суда *А.И.Галкина*

Фото
не найдено

**Исаак
Григорьевич
ЯМПОЛЬСКИЙ**

1903—1992

ПИСАТЕЛЬ О СЕБЕ

Родился в 1903 году в Киеве в семье мещанина, конторского служащего. В 1911—18 гг. учился в Киевском первом коммерческом училище. В 1918 году перевелся в реальное училище им. Хорошиловой и окончил его в 1920 году. В 1920 году поступил на литературное отделение Киевского института народного образования (б. Киевский университет).

Служебная работа началась в 1919 году. Был библиотекарем Киевской городской публичной библиотеки, а затем библиотеки профсоюза соработников.

В 1925 году переехал в Ленинград, перевелся в Ленинградский университет на отделение языка и литературы факультета общественных наук. Специализировался по новой русской литературе. Окончил университет в 1926 году.

В 1926—29 гг. прошел курс аспирантуры в Научно-исследовательском институте литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ). По окончании аспирантуры служил в библиотеке Академии Наук СССР (1930), а затем в Институте русской литературы — Пушкинском Доме (1931) в качестве научного сотрудника первого разряда. В 1929—32 гг. состоял нештатным сотрудником 1-го разряда Института литератур и языков Запада и Востока.

Серьезная научная и литературная работа началась в 1927—28

годах. Мои интересы сосредоточились в области русской литературы 2-й половины XIX и XX веков. С 1932 года занимался исключительно литературным трудом. С тех пор напечатал 30 работ. Кроме своей личной, вел также работу редакционно-издательскую (главным образом в издательстве «Советский писатель» в серии «Библиотека поэта»).

Состою членом Союза писателей с 1931 года.

Еще в Киеве начал педагогическую работу — в Литературной студии, клубе рабочих корреспондентов и пр. В 1935—37 гг. — штатный доцент Ленинградского университета. Читал курс и вел семинар по истории русской поэзии XIX века. С сентября 1939 года — заместитель заведующего кафедрой русской литературы Ленинградского университета.

Постоянно печатаюсь в литературных журналах, в последние годы преимущественно в московских журналах «Литературный критик», «Литературная учеба», «Литературное обозрение».

5 октября 1940 г.

ЯМПОЛЬСКИЙ Исаак Григорьевич (7.1.1903, Киев) — литературовед, критик. Д-р филол. наук, профессор. Окончил фак. языковедения и материал. культуры (филол.) Ленингр. ун-та (1926). В 1926—1929 — аспирант Науч.-исслед. ин-та сравнит. изучения лит. и яз. Запада и Востока при Ленингр. ун-те. Был библиотекарем в Б-ке АН СССР и ст. научным сотрудником ИРЛИ. С 1936 преподает в Ленингр. ун-те. В первые месяцы войны был в Кировской дивизии народного ополчения. Первая рецензия опубликована в киевской газ. «Пролет. правда» (1922). Основные научные интересы — проза и поэзия второй половины XIX в. Автор работ о Некрасове, Тургеневе, Помяловском, А.К.Толстом, Майкове, Л.Толстом, Брюсове и др., о сатирической поэзии и журналистике середины XIX в. Подготовил собр. соч. А.К.Толстого в 4-х т., Н.Г.Помяловского в 2-х т., стихотворения И.С.Тургенева, В.С.Курочкина, Д.Д.Минаева, поэтов «Искры», литературные воспоминания И.И.Панаева (вступ. статьи, коммент.). Ему принадлежит серия публикаций из архива А.Н.Майкова.

1. Н.Г.Помяловский: Критико-биогр. очерк. — М., 1941; Сатирическая журналистика 1860-х годов: Журн. рев. сатиры «Искра» (1859—1873). — М., 1964; Н.Г.Помяловский: Личность и творчество. — Л., 1968; Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., 1973; Середина века: Очерки рус. поэзии 1840—1870-х гг. — Л., 1974.

АРХИВНАЯ СПРАВКА
о наличии сведений

Из материалов архивного фонда УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и области следует, что

ЯМПОЛЬСКИЙ Исаак Григорьевич, 1902 года рождения, уроженец г. Киева, еврей, образование высшее, до ареста — член Союза писателей, литератор, б/п, проживал по адресу: г. Ленинград, Греческий пр., д. 15, кв. 18, был арестован 26 февраля 1933 года.

Обвинялся в том, что являлся членом контрреволюционной фашистской организации, т. е. в пр. пр. ст. 58—II УК РСФСР.

Постановлением ПП ОГПУ в ЛВО от 20 апреля 1933 года дело в отношении Ямпольского И.Г. прекращено, т. к. его виновность следствием не подтвердилась.

Использованная литература

- История советской политической цензуры. М., 1997, РОССПЭН.
- Краткая литературная энциклопедия в 9-ти тт., М., 1962–1978 гг.
- «Литературный фронт». История политической цензуры. 1932–1946. Сборник документов. М., 1994.
- Новый энциклопедический словарь. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб, 1907–1917 гг.
- Писатели Ленинграда. Библиографический справочник. Лениздат, 1982.
- Русские писатели. Библиографический словарь. 1800–1917 гг. М., тт. 1, 2, 3, 4, 1992–1999 гг.
- Советская историческая энциклопедия в 16-ти тт. М., 1961–1976 гг.
- Энциклопедический словарь Русского библиографического института. Бр. А. и Н.Гранат. М., 1918.

Архивы

- Центральный архив ФСБ Российской Федерации, г. Москва.
- Архивно-следственный отдел Управления ФСБ по г. С.-Петербургу и Ленинградской области.
- Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом).
- Архив Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.
- Архив Библиотеки Российской Академии наук.

СОДЕРЖАНИЕ

К потомкам. <i>Захар Дичаров</i>	3
Константин Маркович АЗАДОВСКИЙ	15
«Дело» Константина Азадовского. <i>Михаил Безродный</i>	
Анатолий Соломонович БЕРГЕР	21
Только имя...	
Константин Николаевич БОГОЛЮБОВ	23
Только имя...	
Николай Николаевич БРАУН	24
Непокорный Браун. <i>Владимир Сизганов</i>	
Матвей Петрович БРОНШТЕЙН	32
В том, тридцать седьмом... <i>Захар Дичаров</i>	
Иосиф Матвеевич БУБИНАС	37
Певец балтийской волны. <i>Захар Дичаров</i>	
Валентин Федорович БУЛГАКОВ	41
Только имя... <i>Н.П.Кабанова</i>	
Аркадий Сергеевич БУХОВ	43
Рождение языка. <i>Аркадий Бухов</i>	
Владимир Владимирович БУШ	48
Неизбежная участь. <i>Валерий Сажин</i>	
Илья Маркович ВАСИЛЕВСКИЙ	51
Только имя... <i>В.Н.Чуваков</i>	
Лео Исаакович ВЕЙДЕН	54
Лео Вейден — один из миллионов. <i>Захар Дичаров</i>	
Владимир Николаевич ВЛАДИМИРОВ	57
Только имя...	
Александр Сергеевич ВОЗНЕСЕНСКИЙ	59
Только имя...	
Владимир Васильевич ВОИНОВ	62
Фельетонист-арестант. <i>Е.Б.Белодубровский</i>	
Нина Ивановна ГАГЕН-ТОРН	66
«Это — Земля или другая планета?..»	
Евгений Георгиевич ГЕРКЕН	70
Правнук Баратынского. <i>К.М.Поливанов</i>	

Александр Алексеевич ГИЗЕТТИ	73
Литератор времен революции. <i>Захар Дичаров</i>	
Николай Николаевич ГЛЕБОВ-ПУТИЛОВСКИЙ	75
Дважды осужденный. <i>Захар Дичаров</i>	
Оскар Иосифович ГУРВИЧ-ИРИНИН	78
Дали прошлого...	
Владимир Иванович ДМИТРЕВСКИЙ	81
Только имя...	
Андрей Николаевич ЕГУНОВ	83
Одиссея XX века. <i>Владислав Шошин</i>	
Федор Ефимович ЗАРИН	90
Федор Зарин — поэт, драматург, прозаик. <i>А.И.Рейтблат</i>	
Руфь Александровна ЗЕВИНА	93
Писатель о себе. <i>Р.Зевина</i>	
Алексей Тихонович ЗИНОВЬЕВ	95
«За недоказанностью...»	
Евгений Иванович ЗАМЯТИН	97
Строитель книг и ледоколов. <i>Захар Дичаров</i>	
Разумник Васильевич ИВАНОВ-РАЗУМНИК	101
Тюрьмы и ссылки. <i>Захар Дичаров</i>	
Илья Ионович ИОНОВ	105
Неистовый книгоиздатель. <i>Валерий Сажин</i>	
Анатолий Павлович КАМЕНСКИЙ	107
Петербургский человек. <i>Валерий Сажин</i>	
Сергей Миронович КИРОВ	110
Незнакомый Мироныч. <i>Захар Дичаров</i>	
Василий Николаевич КОРАБЛЕВ	113
Только имя... <i>Захар Дичаров</i>	
Дмитрий Иванович КОЧЕТКОВ	115
О моем отце. <i>Наталья Кочеткова</i>	
Николай Владимирович КОРЕЦКИЙ	120
Только имя... <i>Захар Дичаров</i>	
Аполлон Аполлонович КОРИНФСКИЙ	122
Первый друг Ленина. <i>Валерий Сажин</i>	
Ион КОРЧИНСКИЙ	125
Друг мой — Ион Корчинский. <i>Захар Дичаров</i>	
Григорий Михайлович КОТЛЯРОВ	127
Только имя...	
Роберт Яковлевич КРУСТКАЛН	130
Отцовские шрамы. <i>Нора Яворская</i>	

Ахилл Григорьевич ЛЕВИНТОН	134
Германист Ахилл Левинтон. <i>Константин Азадовский</i>	
Николай Осипович ЛЕРНЕР	137
Неутомимый собиратель Николай Лернер. <i>Захар Дичаров</i>	
Иван Алексеевич ЛИХАЧЕВ	139
Только имя..	
Дмитрий Михайлович МАЗНИН	141
Дмитрий Мазнин. <i>А.Пыльнев</i>	
Исай Бенедиктович МАНДЕЛЬШТАМ	144
Послесловие к жизни. <i>Валерий Сажин</i>	
Павел Владимирович МЕЛЕНТЬЕВ	147
Корабли смерти. <i>Захар Дичаров</i> Страшный трюм. <i>Павел Мелентьев</i>	
Владимир Иванович НАРБУТ	155
Русский поэт Владимир Нарбут. <i>Р.Д.Тименчик</i>	
Александр Александрович ОВСЯННИКОВ-ОЛЬШЕВСКИЙ	157
Только имя...	
Сергей Владимирович ПЕТРОВ	159
Сергей Петров — языковед. <i>Нина Гучинская</i>	
Степан Степанович ПЕТРОВ (ГРААЛЬ АРЕЛЬСКИЙ)	166
Грааль Арельский — поэт минувшего. <i>Станислав Бернев,</i> <i>Владимир Гендриков</i>	
Сергей Федорович ПЛАТОНОВ	171
Пути твои, Господи, — неисповедимы... <i>Захар Дичаров</i>	
Иохиель Израилевич РАВРЕБЕ	175
10 000 стихов	
Анна Дмитриевна РАДЛОВА	178
Счет ее дням. <i>Давид Золотницкий</i>	
Дмитрий Петрович СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ	184
Сын царского министра — коммунист — арестант. <i>Захар Дичаров</i>	
Илья Зеликович СЕРМАН	187
Только имя...	
Иван Владимирович СКОРИНКО	189
Иван Скоринко — комсомолец Октября. <i>Захар Дичаров</i>	
Владимир Викторович СМИРЕНСКИЙ	192
Только имя... <i>С.В.Белов</i>	
Валентин Артурович ТРАХТЕНБЕРГ	194
Только имя...	
Кирилл Владимирович УСПЕНСКИЙ	196
Кирилл из литобъединения. <i>Захар Дичаров</i>	

Эльга Львовна ФЕЛЬДМАН-ЛИНЕЦКАЯ	199
Биографические заметки. <i>Михаил Яснов</i>	
Олег Антонович ФОНЯКОВ	206
Расскажу об отце. <i>Илья Фояков</i>	
Борис Федорович ЧИРСКОВ	211
Только имя...	
Иосиф Шоломович ШНЕЕРСОН	213
Записки об аресте. <i>Захар Дичаров</i>	
Из «Записок об аресте». <i>Иосиф Шнеерсон</i>	
Александр Александрович ЭНГЕЛЬКЕ	221
Переводчик Энгельке. <i>Нина Снеткова</i>	
Помню о нем всю жизнь. <i>И.А.Янчурова</i>	
Борис Яковлевич ЯМПОЛЬСКИЙ	228
Писатель о себе	
Из библиографии Б.Ямпольского. <i>Виктор Селезнев</i>	
Исаак Григорьевич ЯМПОЛЬСКИЙ	231
Писатель о себе	
Использованная литература. Архивы	234

РАСПЯТЫЕ

Писатели — жертвы
политических репрессий

Выпуск 5

МУЧЕНИКИ ТЕРРОРА

Составитель

Захар Львович Дичаров

Главный редактор *С.В.Цветков*

Редактор *М. В. Гоппе*

Художник *Н.С.Цветкова*

Выпускающий редактор *Е.П.Николаева*

Технический редактор *Г.В.Мисюль*

Корректор *А.М.Гроссман*

Компьютерная верстка *Л.М.Кузьмичевой*

Лицензия ЛР № 070937 от 15 мая 1998 г.
Сдано в печать 21.08.2000. Формат 60x84 1/16
Печать офсетная. Офсетная бумага № 1
Гарнитура Литературная. Усл. печ. л. 13,95
Тираж 1500 экз. Заказ № 113

Издательство

Русско-Балтийский информационный центр
БЛИЦ

191011, Санкт-Петербург, Думская ул., 3

Т.: (812) 279-52-91 (отдел реализации);

факс: (812) 314-87-85; e-mail: blitz@blitz.spb.ru

www.blitz.spb.ru

Отпечатано в типографии «Тема»

С-Пб. Итальянская ул., 2

Издательстве
«БЛИЦ»

Готовится к печати

Книга «Слово, взятое в цепи», которая завершает собой серию «Распяты. Писатели-жертвы политических репрессий» и посвящена незаконным и насильственным действиям партийной и государственной цензуры в советский период.

Многие талантливые произведения русской литературы оказались погребенными в архивах НКВД-КГБ, в толстых папках чиновников партийной и государственной политической структуры. Дорогие для нас имена многие годы были запрещены: Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Николай Заболоцкий, Анна Ахматова, Михаил Зощенко и десятки других. Помещая здесь документы, на которых ранее значились строгие грифы «Совершенно секретно» или «Секретно», мы знакомим читателя с тем, что не так давно было тайной и с теми, кто клялся эту тайну хранить.

Слово, взятое в цепи, ныне получило свободу.